

Колдовские
МИРЫ

ИРИНА ФЕЛЬДМАН

ИГРЫ
КОШАЧЬЕЙ БОГИНИ

ЕГИПЕТСКИЕ СТРАСТИ В СТАРОМ ЛОНДОНЕ!

Annotation

Сходила в музей, называется! Хотела познакомиться с культурой Древнего Египта, а попала в Англию XIX века. По-настоящему, да ещё в тело молодого джентльмена. Как так получилось? В чём прикол? Ответы, как и путь домой, придётся искать самой. Но сначала надо адаптироваться к жизни викторианского Лондона и постараться не угодить в сети врагов. Ой, непросто это будет! Бенджамин Хант, кем я сейчас являюсь, успел кому-то перейти дорогу, а за мной пристально наблюдает кто-то из потустороннего мира. Но, оказывается, вернуть всё на свои места – не самая большая проблема. Как быть, если влюбилась в человека, который жил до твоего рождения?

Пять причин купить:

1. Если вы любите викторианскую Англию.
2. Если вы любите фильм «Мумия».
3. Если вам нравятся пары из отважных и дерзких на язык девушек и настоящих джентльменов.
4. Если вы хотите познакомиться с самым невероятным началом истории любви.
5. Если вы любите, когда ваши ожидания немного обманывают.

-
- [Ирина Игоревна Фельдман](#)
 -
 - [Глава 1. Про кошек и собак](#)
 - [Глава 2. Я уеду жить в Лондон](#)
 - [Глава 3. Хорошее дело браком не назовут](#)
 - [Глава 4. Ревизорро](#)
 - [Глава 5. О вкусной и полезной пище](#)
 - [Глава 6. Старый новый друг](#)
 - [Глава 7. Аффтар жжот](#)
 - [Глава 8. Улицы разбитых фонарей](#)
 - [Глава 9. Умереть от любви](#)
 - [Глава 10. Тариф «потусторонний»](#)
 - [Глава 11. По следам чёрной кошки](#)
 - [Глава 12. Третий лишний](#)

- [Глава 13. Золушка](#)
 - [Глава 14. Момент истины](#)
 - [Глава 15. Страшнее кошки зверя нет](#)
 - [Глава 16. Послание из прошлого](#)
 - [Глава 17. Трое в подводной лодке](#)
 - [Глава 18. Сердцу не прикажешь](#)
 - [Глава 19. Кто ходит в гости по утрам](#)
 - [Глава 20. Дом, милый дом](#)
 - [Глава 21. Пренебречь – вальсируем!](#)
 - [Глава 22. Египетская сила](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Ирина Игоревна Фельдман

Игры кошачьей богини

© Фельдман И., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1. Про кошек и собак

«Господи, благодарю тебя за то, что этот сукин сын лишился рассудка!»

Отрывок из дневниковой записи Джона Ханта

Разогнавшийся троллейбус резко затормозил. Я крепче вцепилась в поручень, чтобы мои мощи не улетели в другой конец салона. Все места свободны, а любовь к катанию стоя у окошка у меня никто не отнимет.

– Детей везёт, не картошку, – проворчал Данька.

Не очень справедливое замечание. Моему двоюродному брату двенадцать лет, а мне уже восемнадцать стукнуло, значит, я типа как не дитя.

Мы выскочили на остановку. Я притормозила и выплюнула в мусорку жвачку, которой меня угостил брат. Чувствую, её умопомрачительный химический запах, именуемый «клубника-банан», ещё долго будет напоминать о себе.

– Варешка, – с укоризной позвал меня Данька.

Вообще-то по паспорту я Варвара Пономарёва, а Варешкой меня только члены семьи называют. В тусовке же меня знают как Юки.

– Да иду, иду.

Ускорившись, мы потопали дальше.

Блин, я так хотела поспать до полудня, но мы ж договорились пойти в музей до обеда. Даньке не терпелось попасть на выставку, вот он и вытащил меня из постели телефонным звонком. Сама виновата, никто меня за язык не тянул, когда обещала мальцу, что отвезу его в центр города посмотреть на заморские диковины. Он у нас мальчик по нынешним меркам странный. В свободное время не режется в компьютерные игрушки и не сидит с бутылкой пива у подъезда, предпочитая более культурный досуг. С детского сада Данька любит читать, особенно его увлекают энциклопедии, и чем больше в них страниц, тем сильнее его восторг перед новыми знаниями. Даже в сети он сидит не в idiotских чатах, а на сайтах вроде «Википедии». Во как,

а вы говорите, от интернета дети тупеют. На данный момент тащится по динозаврам и по древним египтянам и при любой удобной возможности читает окружающим лекции. Причем так упорядоченно и занимательно, что многие взрослые слушают его с неподдельным интересом. Молодец, одним словом, не то что я.

Краеведческий музей встретил нас яркими баннерами с изображениями золотой маски Тутанхамона и Анубиса. Может, я чего-то не понимаю, но такая завлекаловка выглядит неадекватно. Даже моих остаточных знаний хватит на то, чтобы сообразить, что погребальную маску известного фараона в нашу глушь не привезут. Да и Анубис – злое божество с головой шакала, помнится, бог смерти или чего-то с ней связанного. Позитив прёт.

Я еле сдержала разочарование, когда узнала стоимость билетов. В два раза больше, чем я рассчитывала! Ну ладно, не время жмотиться. Тем более, слава моей хитрожопости, стипендию мне будут исправно выплачивать. Не обеднею.

– Вы без взрослых? – насторожилась женщина на входе, принимая у меня купюры.

– Пф! – бряцая значками с анимешками, я достала из внешнего кармана сумки студенческий. – Я взрослая.

Да-да, взрослая. Маленькая, утопающая в мужской клетчатой рубашке, надетой поверх майки с надписью «I am Sherlocked», в драных джинсах и при этом с полной уголовной ответственностью.

– Сейчас сезон лагерей, детей толпами водят. Кошмар какой-то, – доверительно сообщила женщина.

Я уж не стала интересоваться, что именно здесь творят маленькие монстры. Данька не простил бы мне промедления.

Из холла мы прошли в первый зал.

Сто лет не была в этом музее. В первый и последний раз я его посетила во втором или третьем классе, и тёплых воспоминаний о нём у меня нет. Тут не было ничего интересного, только допотопные чучела животных нашей области да кубок, из которого якобы пил кто-то из царей. Зато наша классуха, Татьяна Пална, чуть голос не сорвала, пытаясь собрать всех в кучу.

Древнеегипетские штучки здорово оживили атмосферу. У меня аж глаза разбежались от количества экспонатов, хотя я до последнего считала, что останусь равнодушна.

– Варь, ну куда ты несёшься? – Данька цапнул меня за рубашку. – Давай с самого начала смотреть.

И он повёл меня вдоль витрин. На таблички я почти не смотрела, на них всё равно почти не было полезной информации, к тому же братуха начал отжигать. Первым делом, пока мы стояли у беспонтового обломка стелы, он объяснил мне, почему некоторые иероглифы обведены овалом. Это называлось картуш, такая фиговинка, выделяющая имя фараона из всей записи, чтобы не сливалось с прочей абракадаброй.

– Я даже знаю, кто расшифровал иероглифы, – прихвастнула я. – Француз один. Шампиньон.

Данька посмотрел на меня как на неандертальца. Хотя нет, пожалуй, плохое сравнение. Неандертальца он рассматривал бы с большим уважением: первобытный человек, в отличие от меня, умел добывать огонь и убивать мамонтов, а это полезнее всех моих талантов вместе взятых.

– Варя, его звали Жан-Франсуа Шампольон. Шам-поль-ён.

Стало немножко обидно. Как будто он старше, а не я.

Помолчу-ка в тряпочку. А то мой доморощенный вундеркинд всем растреплет, какая я тупая.

Следующие экспонаты были скучными. Для меня. Малой, в свою очередь, не торопился отходить от покоцанных вазочек и огрызков папирусов и вещал дальше. Оказывается, в Древнем Египте было дофига царских династий, и Данька с умным видом соотносил конкретного фараона с его историческим периодом. Не знаю, возможно, где-то он ошибался, но пара посетителей специально подошли к нам поближе. Нет чтобы записаться в группу для цивилизованной экскурсии, на халяву и укусу сладкий.

Я старалась выцепить что-нибудь интересное для себя. Что тут у нас? О, вот изображение какой-то знатной дамы (в табличке так и было указано: «Личность не идентифицирована»). Как у неё жирно подведены глаза, прям как у меня, только мои стрелки покороче. А на этом рисунке танцовщица с лицом в профиль сверкает драгоценностями и голой грудью.

– Детям до шестнадцати! – Я закрыла Даньке глаза руками, но он не оценил шутку. Вредина.

Why so serious?

Утомившись, я отошла немного подальше. Краем глаза заметила, что в соседнем зале выставлены мумии. Мелкие, животных, наверное, но всё же они гораздо интересней кусков камней.

Уйти туда или подождать брата?

Я вытащила из кармана плеер, привела в порядок наушники и, поборов желание погрузиться в мир музыки, положила обратно.

Экскурсовод поневоле обзавёлся единомышленниками и покидать зал явно не собирался.

Окей, пусть тусуется. Не зря же я столько денег отвалила за билеты.

– Ты чего пялишься? – раздражённо обратилась я к статуэтке в виде чёрной кошки с нарисованным ошейником.

Покрытые тонкой сеточкой трещин жёлтые глаза мигнули, как фары.

Ничего себе! Теперь понятно, почему фигурка стоит отдельно и без стекла: это новодел со спецэффектами.

Сидит такая высокая, изящная. Головка круглая, хвост куда-то подевался... И всё равно притягательная.

«Примерно период правления XX династии, – гласила табличка. – Предположительно скульптура богини Бастет».

«Примерно», «предположительно». Да я тоже так могу!

Миндалевидные, почти человеческие глаза кошки вновь засветились, стали ярче. У меня дыхание перехватило от неожиданности.

Если это поделка для привлечения посетителей, зачем ей табличка? Да и где кнопка, Урри?

Воровато оглядевшись и убедившись, что никто не кинется на защиту музейного имущества, я взяла статуэтку в руки. Шершавая и такая тяжёлая, хоть и маленькая. И не идут от неё провода. Неужели на батарейках?

Кошачьи глаза засияли так сильно, что я зажмурилась и внезапно ослабевшими руками понесла древнюю богиню на место. На смену болезненному свету пришла мягкая тьма, сопровождаемая звуком, какой бывает, когда наполненная водой тяжёлая ваза опускается на поверхность стола.

Голова боли-и-ит... И тошни-и-ит. Вот приколы, сейчас глаза открою, а все вокруг меня прыгают, суетятся. Только Даньку жалко. Мне при нём никогда не было плохо. Я вообще в обморок до этого один-единственный раз в жизни падала. Когда в десятом классе болела гриппом и с температурой тридцать девять вылезла на кухню водички попить.

Стоп. А сейчас почему мне сплохело?

Я попыталась проморгаться. Мешая обзору, перед глазами плавали красные и чёрные пятна. Ох, как затылок болит, наверное, об пол со всего маху приложилась.

Кое-как села и приложила пальцы к голове. Липко!

Я даже не удивилась, увидев, что рука перемазана кровью. Упала, звезданулась – всё логично.

Пятна стали расплываться. Уже лучше.

Эй, а что с маникюром? Я же вчера накрашила ногти тёмно-синим лаком и мизинцы выделила ядовито-зелёным. Куда всё это делось?

Погодите, это же не мои руки. Не мои худющие лапки, а мужские!

Прикольный сон, что я могу ещё сказать. Если бы башка не трещала, было бы вообще супер.

И ведь реально – сон. Смотрю, лесочек вокруг меня такой красивый, птички вдалеке чирикают. Погулять бы, да плохо мне.

Я сделала глубокий вдох, от которого закружилась голова. Фак, почему я прогуливала практические занятия по оказанию первой медицинской помощи? На паре лекций была и то вместо записей занималась рисованием. Вот и аукнулось мне моё разгильдяйство. Сижу теперь в лесу, помираю.

Нет, всё-таки не очень прикольный сон. Надо бы себя по щекам побить, но у меня тогда голова взорвётся на фиг.

Ох, кто тут так топает? Словно табун лошадиный... А и правда, лошадь. Пока одна, но и это не добавляет ситуации ничего хорошего.

– Эндрю, он здесь! – крикнул всадник в старинном охотничьем костюме. Ни дать ни взять английский денди. Я, наверное, на ролёвку попала. Точнее, она мне снится.

Он быстро спешился.

– Привяжи мою лошадь! – Молодой человек даже не взглянул на подоспевшего к нему второго всадника.

– Что... кто... – еле ворочая языком, выдала я.

– Боже! Что с тобой случилось? – Он сбросил с плеча ружьё и опустился передо мной на колени. Зря, штаны испачкает, а шмотки у него на заказ сшиты – в копеечку влетит его неосторожность. У меня глаз на косплей намётанный, я в таких вещах толк знаю.

А косплей-то и впрямь годный. Чуваку ужасно идёт костюм, у него даже моська как у какого-нибудь британского актёра. Не шибко смазливый, за этим типажом не бегают толпами девочки из средних классов. Зато с почти неуловимым иностранным шармом.

Так, отмотаем назад. Что со мной случилось? Да без понятия!

Подвывая на бегу, из кустов вылетела небольшая белая собака с чёрными и рыжими пятнами. Она замерла на месте, лаем возвестила о своём прибытии и подбежала к Эндрю, который, пристроив свою лошадь, занимался другой. Просто маленькое чудо! Всю жизнь мечтала о собаке, но мама всегда была резко против любых животных в доме.

– У тебя кровь, – сказал первый «ролевик».

Да вы что, Капитан Очевидность!

Он порылся в карманах, достал на свет несколько патронов и в последнюю очередь платок. Нет, он не Капитан Очевидность. Он возомнил себя доктором Хаусом.

Я сдавленно зашипела, когда он коснулся раны на голове.

– Брат, как это случилось?

– А ты кто? – ответила я вопросом на вопрос.

Ой-ой, голос совсем не мой. Низкий, несмотря на то что вроде очухалась. Неужели я действительно в мужика превратилась?!

Я хотела проверить странную догадку, убедившись в наличии кое-чего, но мой взгляд задержался на лице незнакомца. Глаза вылупил, будто призрака увидел.

– В... в смысле – кто? Я же твой брат, – неуверенно произнёс он.

– У меня нет братьев.

Данька не считается. Он двоюродный.

– Бен, это не смешно, – нахмурился парень.

– Джон, у твоего брата появилось чувства юмора? – с неправдоподобным весельем хохотнул Эндрю.

– Я вас не знаю, – заявила я.

На языке вертелось множество вопросов, но я не знала, с чего начать и, признаюсь, чуток стеснялась разговаривать с глюками. Вдруг

я так долбанулась макушечкой, что у меня сознание помутилось? Всё вокруг нормальное, а я сижу, юродивую из себя строю?

Не радует меня перспектива пускать слюни в смирительную рубашку.

– А можно собачку погладить? – робко спросила я.

Мне показалось, что Джон побледнел.

– Это же твой щенок...

Вау! У меня в этой реальности есть собачка!

Пёсик радостно откликнулся на свист и, бешено виляя хвостом, запрыгнул мне на колени. Гладить пришлось одной рукой, на второй ещё не засохла кровь.

– Бенни, не пугай меня, – в голосе Джона прорезались истерические нотки. – Перестань! С тобой всё нормально, ты просто нас разыгрываешь.

– Ты сам-то не спятил? – прервал его Эндрю. – Он что, по-твоему, разбил себе голову, чтобы подшутить над нами? Чепуха! Да Бен, видать, с лошади упал. Где она, кстати?

Крутотень, у меня ещё и лошадка имеется.

Собака норовила вылизать меня до зеркального блеска, чем очень мешала думать. Мысли разбегались от каждого движения непоседы.

Нет, ничего и никого похожего на собаку в музее не могло быть. Ощущение возни со щенком ни с чем не спутаешь. Это точно не галлюцинация.

А вдруг... вдруг я попала? Ну как в фантастических фильмах и книжках. Попала в другой мир? Умерла там или в кому впала. Лежу такая красивая в гробу или в больнице с трубкой в горле... А-а-а! Не-е-ет!

Наверное, у меня был слишком убитый вид, потому что Джон пару раз дёргано провёл рукой по моей спине, как человек, не умеющий ласкать.

– Не переживай. Ты ничего не забыл, просто тебе надо немного отдохнуть.

– А я читал одну занятную историйку. – Эндрю скрестил крепкие руки на груди, его клетчатая куртка чудом не затрещала. – В ней говорилось о беглом каторжнике, который с товарищами по несчастью бродил по малообитаемому острову. Еды у них не было, на живность охотиться толком не умели. И в один прекрасный день они убили

своего главаря, из-за которого, собственно, сбежали. Да не просто убили, а выпотрошили и съели.

– К чему ты это рассказываешь? – обозлился Джон.

– Сейчас поймёшь. Потом они убили другого своего товарища, потом ещё, и так продолжалось до тех пор, пока друг друга не перебили. Так вот, тот бедолага, о котором я уже упомянул, единственный оставшийся в живых каторжник. Когда его нашли, он совершенно не помнил последние месяцы, проведённые в лесах. Только спустя годы вспомнил, каких мерзостей навидался и в чём участвовал.

Джон выпрямился как пружина.

– Бен всего лишь ударился головой!

– Это не противоречит его состоянию. Хант, просто прими это. Память иногда теряется. Ты сам все свои пирушки помнишь? Каждый раз ведь потом спрашиваешь у меня и Джорджа, не занимал ли кому с перепоя денег.

– Это другое дело!

Вот разорались! И без них башка болит.

– У меня с памятью всё в порядке, – влезла я в их перепалку. – Просто...

– Просто что? – взвился Джон.

А ведь правда – что? Скажу правду, что я девчонка, так эти придурки мне не поверят, а Эндрю, наверное, поржёт. На реакцию Джона было бы любопытно взглянуть, но его немного жалко. Он же думает, что я его брат.

– Голова сильно болит, – пробурчала я, – и тошнит.

Позже их «обрадую». Или только Джона, когда его приятеля не будет поблизости. Дело-то семейное, получается.

Охотники тут же засобирались обратно в усадьбу. В чью – фиг его знает. «Брат» предложил мне поехать на его лошади, но я отказалась наотрез. Даже не знаю, с какой стороны подходить к этому животному, и уж тем более не владею навыками верховой езды. Всегда мечтала научиться, да не судьба, и вообще у меня хотелок выше крыши, а возможностей мало. И так много денег на хобби трачу.

Из солидарности парни тоже пошли пешком. К слову, у меня реально немного кружилась голова, плюс к этому новое тело было непривычным. Мой рост сто пятьдесят один сантиметр, и вешу я сорок

кэга, так что разницу я почувствовала, как только встала на ноги. По ощущениям, Бен был выше меня сантиметров на двадцать пять – тридцать и весил, разумеется, побольше.

Жесть. Всё-таки я и впрямь угодила в чужое тело. Незавидное положение, но, если вдуматься, Бену нужно сочувствовать даже больше. Жил себе человек, никого не трогал, и тут такая подлянка! Ой, а где же его душа? Неужели я её каким-то образом вытурила? Ай-ай, а что тогда с моим телом?

Не заметила, как оступилась. Джон вовремя подхватил под руку.

Э, нет, так не пойдёт. Сейчас нельзя паниковать. Я же смогла взять себя в руки, когда на последнем экзамене не смогла открыть файл со шпорами. Выкрутилась, и тут выкручусь! Надо просто спокойно понаблюдать за обстановкой и обратиться к тому, кто сможет помочь.

Да и с чего я решила, будто бесповоротно померла в музей? Вполне возможно, мы с Беном всего лишь махнулись телами. М-да, не повезло ему. Из нормального человека превратиться в меня – это ж врагу не пожелаешь.

Надо разобраться, куда я попала. Хотелось бы верить, что в параллельный мир, населённый магами и эльфами, да что-то несильно похоже. Магией, если не считать самого факта переноса, пока не пахнет. И с языком какая-то ерунда: вроде все говорят по-русски, а имена иностранные. Или ребята русские, и это их никнеймы. Меня вот друзья называют Юки, но я ни разу не японка.

Собака вносила изрядную долю позитива в моё положение. Я с умилением наблюдала за тем, как эта няшность с очаровательными рыжими ушками и чёрной спинкой носится вокруг нас, принюхиваясь, опускает мордочку к земле и что-то напевает по-собачьи. Оставьте нас вдвоём, мы же просто созданы друг для друга!

По дороге мы нашли пропавшего скакуна. Тёмно-гнедой жеребец преспокойно щипал траву и с неохотой оторвался от своего занятия, когда Эндрю взял его под уздцы.

– Попался, проказник! Пойдёшь на колбасу.

– Сам ты колбаса, – встала я на защиту животного. – Если наездник не удержался в седле, это только его вина и ничья больше.

Хм, а конь немаленький, с него слетишь на полном ходу – точно с жизнью распрощаешься.

Я прислушалась к своим ощущениям. Болит голова, подташнивает, место удара неприятно пульсирует... и всё. Отделался бы парень одной травмой, если бы действительно упал с лошади?

Поздравляю, Варя. У тебя в кои-то веки логика проснулась.

Продолжаем играть в детектива. У Джона и Эндрю на руках перчатки, а у меня нет. По фэнтези-романам помню, всадники защищали ладони, чтобы не натереть их поводом. Выходит, Бен либо в этом плане беспечный, либо...

Нащупала в кармане куртки что-то из мягкой кожи. Ага, взял их с собой, но не надел. Или спешился и снял, потому что погода очень тёплая.

О, май га-а-ад! Мне для полного счастья только не хватало в чужих тайнах разбираться.

Стоп. Я же пообещала себе не паниковать. Значит, буду считать, что Бен упал из-за моего вселения в него. Так проще.

Попадалово. Стопудово попадалово.

Старинная усадьба, словно сошедшая с кадров исторического фильма, поражала своим великолепием и... оживлённостью. Передо мной был не тоскливый памятник архитектуры девятнадцатого века, а обитаемый комплекс, где люди чувствовали себя вполне комфортно. Конюх принял лошадей, дворецкий велел лакею сообщить хозяину о происшествии... И ни намёка на современность. Никакая ролевая игра не может похвастаться таким размахом.

Русских здесь нет.

Спасибо, конечно, неведомой силе, наделившей меня способностью понимать речь окружающих и говорить на местном языке, только подобная забота выглядела лишней. Английский я более или менее знаю, часто по скайпу общаюсь с иностранцами и могу заменять незнакомые слова и выражения жестами с мимикой. Лучше бы мне кто-нибудь объяснил, как древнеегипетские артефакты связаны с викторианской Англией. С таким же успехом я могла бы очутиться в средневековой Японии среди самураев и гейш. Логичней было бы попасть в Египет периода... не помню какой династии. Хе, пусть остаётся как есть, было бы гораздо хуже очнуться на горячем бархане с видом на стройку пирамид. Была бы вся в песке, скорпионах... Бр-р-р!

Увидев зеркало в позолоченной раме, я сначала вздрогнула, но быстро пришла в себя и уверенными шагами приблизилась к нему.

С той стороны зеркальной поверхности на меня пристально смотрел парень лет двадцати с небольшим. Симпатичный, с аккуратными чертами лица. Нос, на мой взгляд, длинноват, но мужчине как бы положено быть чуть красивее обезьяны. Глаза голубые, и, что примечательно, взгляд умный. Волосы слегка вьющиеся, русые, ближе к светло-каштановому оттенку. Я дёрнула себя за прядку. Капец, никогда так коротко не стриглась. В смысле, у Бена шевелюра нормальной длины, даже уши прикрыты. Но я же девочка! Я жить не могу без заколок и ободочков!

– Ты что, себя не узнаёшь? – Джона, кажется, нервировало моё поведение.

– Не узнаю, – честно ответила я.

С сожалением отвернулась от своего нового отражения. Интересно же, хоть и страшно.

Джон бросил шляпу и перчатки на ближайший стол. Немножко промахнулся – одна перчатка стукнулась о край столешницы и шлёпнулась на пол.

– Ничего, братец, мы тебя вылечим.

– Поспишь, и всё пройдёт, – хихикнул Эндрю.

Реально, этот бугай нравился мне всё меньше. Противный он какой-то. Троль, одним словом.

Мы прошли в глубь дома. Я озиралась вокруг, разглядывала шикарный интерьер и жалела, что у меня нет с собой фотика. Как же здесь классно, отличное место для фотосетов.

И при этом стыдилась того, что иду по паркету и коврам в пыльных сапогах.

Глава 2. Я уеду жить в Лондон

«Признаться, я был немало удивлён, когда мистер Хант вернулся с утренней прогулки без шляпы и, что хуже, без памяти...»

Из разговора дворецкого Истон-мэнора с экономкой и по совместительству супругой

Комната, в которую меня привели, вызывала двойственные чувства. Она была обставлена изысканной мебелью, на которую плебеям даже дышать нельзя, огромный белый камин выглядел впечатляюще, и вместе с этим отсутствовало ощущение уюта. Даже брошенные на кофейном столике сигары и картина с пасторальным пейзажем выглядели слишком бездушными.

Не дожидаясь разрешения от парней, я на правах самого тяжелобольного человека на свете села на обитый миленькой полосатой тканью диван. Похлопала рядом с собой по сиденью, приглашая пёсика. Умничка тут же запрыгнул и улёгся, положив голову мне на колени. Ах, как же хочется поцеловать эту маленькую прелесть! Но нельзя, я мальчик. Суровый брутальный мальчик.

– Отдохни, малыш, набегался, – шепнула я, проведя рукой по мягкой спинке.

Собака несколько не возражала.

– Как его зовут? – я повернулась к Джону, который бестолково бродил по комнате, как тигр в клетке.

Тот затормозил.

– Тебя сейчас это больше всего волнует? – изумился он. – А как меня зовут, ты не хочешь узнать?

– Ты Джон.

– Своё имя тогда назови, – сказал он с нажимом.

На кратковременную память я вроде никогда не жаловалась.

– Бен. Бенни.

Я вглядывалась в его лицо, как в лицо препода на зачёте по отечественной истории, пытаюсь понять, в чём подвох.

– Твоё полное имя Арчибальд Бенджамин Стюарт Хант, – на одном дыхании выпалил «братец».

Арчибальд?! Хорошо, что я сижу.

И как мне теперь с этим жить, с таким-то трёхэтажным именем?

Развалившийся в кресле Эндрю, наплевав на чувства друга, хихикал, словно смотрел комедийный спектакль. В этот момент меня раздражало в нём всё. Его массивная фигура в раздолбайской позе. Физиономия с маленькими колючими глазками, широким носом и полными губами. Привычка лыбиться в самые неподходящие моменты. На фиг с ним дружить. С тобой что-нибудь случится, а он даже не посочувствует. Будет ржать и в ладоши хлопать.

– Так как щенка зовут? – я уже была готова обидеться. – Или мне подождать, когда он сам представится?

– Тоби, – буркнул Джон. Наверное, опасался, что его брат перейдёт в стадию общения с животными.

Услышав свою кличку, пёсик приподнял голову и, не дождавшись команды, снова устроил её у меня на коленях.

Ты ж моя радость. Даже имя у тебя цивильней, чем у меня.

Торопливыми шагами в комнату ворвался мужчина. Атлетического телосложения, одетый как джентльмен с картинки. Ух ты, у него ещё тёмные усы с бакенбардами! Явно свои, не приклеенные.

– Мальчики, что произошло? Все целы? – осведомился он звучным голосом.

– Руки-ноги у всех на месте, дядюшка, – откликнулся Эндрю.

Язва. Интересно, Тоби знает команду «фас»?

– Здравствуйте, – я выдавила из себя приветливую улыбку. Встать не стала, не учитель ведь.

Ой, или надо было сказать что-то вроде: «Доброго дня, сударь! Как ваше здоровье?» Пофиг, поздно уже.

– Сэр Эндрю, когда мы были в лесу, Бен ударился головой. Боюсь, он потерял память, – с долей неловкости сообщил Джон.

Тёзка тролля метнулся ко мне.

– Потерял память? Господи, неужели это правда?

– Ну да, – я виновато опустила глаза.

– И ты меня не помнишь?

– Нет.

Мужик медвежьей хваткой вцепился мне в плечо.

– Не может быть! Хотя бы семью ты должен помнить.

– Сожалею, но нет, – я попыталась выглядеть поуверенней. – Зато я помню, что Земля вращается вокруг Солнца, что Америку открыл Христофор Колумб и что перед едой надо мыть руки.

Следующие полчаса я чувствовала себя героем фильма «Миллионер из трущоб». Мне задавали вопросы из разряда «Когда ты родился?», «Где ты учился?», и я пыталась погрузиться в воспоминания, которые могли бы дать ответы. Фигушки, память тела, точнее чужого мозга, не спешила мне на выручку, как обычно бывает с попаданцами.

На этом невезуха не заканчивалась. С каждой минутой я убеждалась, что окружение у меня не из лучших. Я в другом мире, мне нужен добрый волшебник Гэндальф, который будет водить меня за ручку и давать советы, а тут три придурка, не вкуривающих ситуацию. С троллем Эндрю всё ясно, от него помощи не дождёшься ни при каких обстоятельствах. Джон себе места не находит, его явно вымораживает состояние брата. Сэр Эндрю также не похож на человека, от которого будет толк. На пробу я намекнула, что могу находиться под заклятьем, что было встречено хрюканьем Эндрю и дёрганьем глаза у Джона.

Цивилы, ёперный театр.

В итоге сэр Эндрю как самый старший и опытный решил, что пока меня лучше не доставать, и что, если память не вернётся в полном объёме, придётся обратиться за медицинской помощью. Вот уж чего мне точно не надо, так это вмешательства каких-то допотопных эскулапов! Хуже сделают, стопудово говорю.

После неудачного допроса Джон отвёл меня в комнату, которую хозяин дома, сэр Эндрю, выделил для Арчибальда-Бенджамина-кого-то-ещё. Мне предстояло переодеться из охотничьего костюма во что-нибудь более обыденное.

Я, как идиот, встала посреди комнаты. Где шкаф с одеждой? Здесь только кровать с балдахином да столик с парой стульев.

– Ты долго будешь это продолжать? – Джон скрестил руки на груди и прислонился к стене с бякостно-зелёными обоями.

Эй, у меня тоже нервы не железные! Попадать в другие миры интересно только тогда, когда все карты перед тобой раскрыты, а

окружающие сочувствуют и наперебой норовят помочь.

– Думаешь, я прикалываюсь? – вспыхнула я. – Делать мне больше нечего, как разыгрывать перед вами комедию. Как будто мне в кайф притворяться психом! Я – не Бен! У меня нет и не было братьев и собак...

– Ты не мой брат, – покачал головой Джон.

Погодите, я не ослышалась? Меня наконец-то кто-то понял? Аллилуйя!

Он отлепился от стены и подошёл ближе ко мне. Наигранно спокойный, с кривой ухмылкой. Руки в карманах, значит, бить не будет.

– Бен никогда бы не позволил себе так опуститься, – сказал он негромко. – Его всегда заботило мнение других о собственной репутации. Он постоянно следил за своими манерами и речью, так что его было невозможно скомпрометировать. К тому же он хотел произвести на сэра Эндрю благоприятное впечатление, а тут такой конфуз.

– И кто же я, по-твоему? – у меня аж голос сел от волнения.

Ну вот и он. Момент истины.

– Неважно. Я всё равно буду считать тебя своим братом. Ничто не разрушит нашу братскую дружбу. Только прошу тебя, постарайся говорить поменьше глупостей, не то для тебя распахнёт ворота Бедлам.

Я сильно вздрогнула. Больше, чем «Бедлам», меня напугал зловещий тон парня.

– Помнишь это слово, – довольно подметил Джон. – Значит, есть стимул вспомнить всё остальное. Так ты Бен?

– Наверное, – вымученно согласилась я.

Оказаться в психушке мне не улыбалось.

– В банковском деле что-нибудь понимаешь?

– Ни капельки, – тут я не стала врать. Всё равно расколют при первом удобном случае.

Джон ничего не ответил. Развернулся и пошёл.

– Подожди.

Он неохотно выполнил эту простую просьбу и вопросительно уставился на меня.

Я вздохнула, подбирая слова. Взлохматила непривычно короткие волосы – раньше я накручивала прядки на пальцы.

– Это... Где моя одежда?

Джон неожиданно доброжелательно улыбнулся и указал куда-то в сторону.

– В гардеробной.

– Ага, – вместо «спасибо» выдала я.

За дверью с изогнутой ручкой действительно оказалась гардеробная. Довольно-таки просторное помещение, в котором и одежды-то почти не было.

Странные люди. Неужели обычного шкафа не хватило бы? Или хозяин привык, что гости у него месяцами живут, привозя с собой всё, от купальников до шуб?

Я провела рукой по тонкой стопке белых рубашек. Эх, мне бы дома свою гардеробную, а то зачастую закидываю своё шмотьё в шкаф по принципу «в Нарнии разберутся».

Так, это что... Носовые платки. Как много, раз, два, три... Зачем Бену столько? Ладно, пригодятся. Как раз самое время поплакать и пожалеть себя любимую.

Тут же мысленно отругала себя за эту идею. В последний раз я плакала год назад, и от моих слёз тогда ничего не изменилось. Не факт, что теперь мироздание надо мной сжалится и всё исправит, лишь бы не видеть покрасневшие глаза и шмыгающий соплями нос маленькой девочки.

Но я-то больше не девочка, и маленькой меня не назовёшь.

Я представила, как ревет взрослый парень, и это стало последним аргументом в пользу того, чтобы не дать эмоциям овладеть собой.

С удовольствием скинув жаркую шерстяную куртку, я с энтузиазмом продолжила процесс раздевания. С минуту разглядывала в зеркале обнажённый торс и, всё ещё с трудом веря в чудесное перевоплощение, трогала себя. Плюс к этому я время от времени нервно хихикала и отпускала комментарии по поводу новой внешности. Наверное, со стороны я выглядела настоящей извращенкой. Ой, точнее, извращенцем.

Закусив губу, чтобы не заржать от «эротического фильма» в зеркальном отражении, погладила грудь. Вообще-то я от природы и так обижена, у меня размер с убийственным названием «нулевой», а тут совсем в минус ушла. Хотя сейчас мне дамские прелести ни к

чему... Никогда об этом раньше не думала, но всё же на фи́га мужикам соски? Кого они ими втихаря от нас вскармливают?!

На случай, если Бен всё ещё присутствует в этом теле, я шёпотом попросила у него прощения и разделась полностью. Грешна, люблю яойную мангу, да и средства массовой информации к восемнадцати годам засорили мой мозг всякой гадостью, так что самая интересная часть мужского тела не напугала меня. Правда, немного шокировало увидеть это под таким углом...

Хм, а парень хорош. Весьма, весьма. Жаль, несколько старых шрамов на ягодицах портят вид, но в целом он красавчик. М-да, похоже, у него когда-то была очень горячая подружка. Мне бы поскорее вернуться в родную шкурку, ни за что не буду никого ублажать!

Хорошо, что Джон меня сейчас не видит, а то он бы об стену убился.

Об этом неприлично говорить, но не могу не похвастаться: я удачно посетила туалет.

Начнём с того, что помещение, на которое мне деликатно указал дворецкий (смурной и всё же услужливый дядька), на пару мгновений заставило меня забыть, куда мне вообще надо было. Моему взору предстала обычная комната, по стилю напоминающая кабинет или, в крайнем случае, спальню. На стенах – деревянные панели и два натюрморта, на полу совсем не банные ковры, а с потолка свисает витая люстра с мелкими хрусталиками. Широкое окно обрамляли тяжёлые шторы. Даже камин тут был! Венцом этого апофигея стали умывальник, унитаз и ванна в деревянных футлярах под цвет панелей. Чесслово, обстановка смущала меня не меньше, чем новые анатомические особенности. С кафелем было бы как-то попроще, пробудившееся от спячки воспитание хотя бы не вопило: «В комнате нельзя!»

Весьма гордая собой, я вернулась обратно. Нечего тупо идти ко дну, надо бить лапами по воде, чтобы выбраться! Денёк побыть в прошлом, конечно, прикольно, но оставаться тут навсегда мне не улыбалось. Да ещё всю жизнь прожить мужчиной и, смирившись, жениться со всеми вытекающими... Э-э-э. Это чересчур даже для меня.

Для начала стоит разобраться, кто такой этот Бен и почему мне посчастливилось угодить именно в его тело.

Порывшись в ящике прикроватной тумбочки, я не нашла там ничего, кроме сухой залежавшейся пыли и потрёпанной колоды карт. Может быть, кто-то из прежних гостей их здесь позабыл. Такой вывод я сделала, потому что верхняя карта, шестёрка пик, щеголяла старым жирным пятном с отпечатком пальца. По моим прикидкам, Бен должен быть тем ещё чистоплюем. Джентльмен, как-никак.

В гардеробной обнаружили его чемоданы. Один абсолютно пустой, а в другом лежало несколько книг. Блин, он что, даже документы с собой не взял? Так, спокойно. Хоть знания о данной эпохе у меня более чем поверхностные, по школьным урокам литературы помню, что давным-давно люди вели дневники. Бумажные. Без фоточек и смайликов. Просто так, для себя, не рассчитывая на лайки, комменты и поглаживания по головке в трудные моменты.

Бен меня разочаровал. Среди книг, которые он взял с собой, не было ничего рукописного. Я перетрясла их в надежде найти хоть какое-нибудь письмо (народ же тогда переписывался не эсэмэсками!), и также без успеха. Зануда! И книги у него занудные! Ни детективчика, ни журнальчика с голыми девочками. Фигня одна. «Путешествия по Криту» некого Пэшли вообще, по ходу, учебник. А это вообще не по-русски и не по-английски: «Дер социализмус унд коммунизмус...» Ужас, он что, призрака коммунизма по ночам вызывает?!

Бен, ты нормальный человек или как?

В задумчивости посидела, как дурак, на полу. Во всех деталях разглядела свои ботинки как минимум сорокового размера вместо привычного тридцать пятого. Вслух задала несколько интересующих меня вопросов, однако ответов всё равно не получила. Нечестно, в книгах и фильмах на этом моменте появляется кто-то всезнающий, или, в крайнем случае, чей-то голос ниоткуда отвечает на мольбы неудачника...

– Ваш ланч, сэра.

Нет, не так! «Овсянка, сэра», блин.

Выйдя из гардеробной, я заметила молодую женщину в плотном сером платье с белым фартуком. Её бы приодеть, причесать и накрасить, а то вид уж больно унылый. Она поставила на стол поднос, заставленный всякой ерундой. Баночка колы и пакетик чипсов – вот

мой обычный полдник, а тут одной посуды немерено. Одарив меня опасливым взглядом, служанка принялась сервировать стол.

– Да не надо. Я сам.

Фух, чуть было не сказала «Я сама». Интересно, меня могут спалить на подобном или всё-таки всплывёт особенность английского языка не выдавать пол говорящего, как у нас, окончаниями?

Не только я зависла. Женщина тоже замерла, только, по-моему, её мучили далеко не филологические рассуждения.

Я постаралась снять напряжение.

– Не люблю, когда со мной нянькаются.

В доказательство своей самостоятельности я переставила с подноса маленький заварочный чайник с танцующей парой в бальных нарядах, сливочник, сахарницу, чашку из того же набора и тарелку с сэндвичами.

Служанка смотрела на меня со смесью страха и презрения, как будто я это всё украла и без зазрения совести похвасталась добычей.

Отпущу-ка я её, чтобы мы друг друга не нервировали... Э, нет. Пусть останется. Это же знак, а я его чуть не прохлопала! Слуги же только с виду белые и пушистые, хотя в данном случае серые и зачуханные, они люди глазастые и ушастые, всё про всех должны знать.

– Не уходите, вы мне нужны.

Служанка прижала к груди поднос и поджала губы, словно хлебнула лимонного сока. Да чего она так шарахается? Узнала, что Бен чуток не в своём уме, и теперь думает, как бы псих на неё не кинулся.

– Не бойтесь меня, – я понизила голос, от чего он прозвучал слишком томно.

Эффект вышел обратный. Женщина отшатнулась от меня, как от прокажённого, и поднос в её руках теперь выглядел щитом.

Не сводя взгляда с этой забитой дуры, я плюхнулась на кровать.

– Вы уйдёте тогда, когда окажете мне одну несложную услугу.

– Нет, сэр, – она качнула головой. – Этого не будет.

Опа! Она и с хозяином так себя ведёт? Или в этом доме вся прислуга не любит гостей? Хотя я это могу понять, невесело чаи разносить каждому бездельнику.

– А если я хорошо попрошу? – я улыбнулась, светясь дружелюбием. В аниме вокруг меня звёздочки бы нарисовали.

Однако сверкательная атака не сработала. Женщина чуть ли не бегом бросилась к двери.

– Да стой ты!

Я подскочила к ней и коршуном вцепилась в её плечо. Упавший поднос неожиданно больно ударил по ногам.

– Не убегай, – я второй рукой взяла её за талию. – Да не дрыгайся! Истеричка трепыхалась пойманной птицей.

– Прошу вас, отпустите! Пресвятая Богородица, помоги мне!

– Да хоть Супермена зови на помощь! Ты можешь просто сделать то, что я говорю?!

Она так яростно вырывалась, что мне пришлось её отпустить. Обидно упускать добычу, тьфу, то есть информатора, но ещё обидней было бы получить ногой в пах. Лишь когда нервная служанка скрылась из виду, до меня дошло, что проделать такой трюк ей бы не дали юбки.

Если ланч пришлось слопать в одиночестве, то на обед меня изволили пригласить. По правде говоря, я даже была рада немного побыть в компании, пускай и такой сомнительной. Неизвестность изводила меня хуже гудения соседского пылесоса в субботнее утро, и, как назло, начала давать о себе знать банальная скука. А скучать я не люблю! Практически всё время до обеда я провела в саду, оглядывая окрестности и играя с Тоби. Кстати, благодаря забытому в беседке журналу для охотников я выяснила, что мой новый друг – бигль. Несмотря на то что в издании отсутствовали фотографии, чёрно-белые (если так можно сказать о желтоватой бумаге) рисованные иллюстрации были понятными. К сожалению, та статья была не о биглях, а об охотничьих собаках в целом, но мы с Тоби не стали расстраиваться. Побегать можно и без википедийных знаний.

– Это что такое? – я с любопытством указала на поджаренные куски теста, которые подали к ростбифу.

Эндрю деловито покашлял в кулак.

– Для начала усвой основы. Это, – он поднял свою вилку, – трезубец для отправки еды в рот...

– Как жаль, что ты не помнишь, что эта штука называется «вилка», – ядовито перебила я его.

Хотела выразиться порезче, но придержала коней. Меня точно сочтут за психа, если буду рассказывать, что ложкой удобно

выскрести мозги, а нож можно кое-куда воткнуть.

Во взгляде Джона промелькнуло театральное сочувствие.

– Пудинг. Бенни, это пудинг.

Ага. Алиса, это пудинг. Пудинг, это Алиса.

Нечего мне голову морочить! Как будто я не знаю, что пудинг – это десерт, их ещё в баночках как для йогурта продают. Дома я часто балую себя этой вкусняшкой, так что меня не проведёшь.

– Йоркширский пудинг, если уж совсем точно. – Сэр Эндрю невозмутимо резал ростбиф у себя в тарелке. – Мальчишки, будьте добры, перестаньте издеваться над Беном. Ему необходимо всё вспомнить, а вы сбиваете его.

– Вот именно, – поддакнула я.

Сэр Эндрю поднял на меня глаза.

– Ангелов за этим столом нет. Миссис Флетчер посчитала своим долгом доложить, что мистер Хант едва не насильничал горничную. Между прочим, порядочную девушку, придерживающуюся строгих нравов.

Мой нож неприятно звякнул об тарелку. Чтобы я кого-то изнасиловала – да вы что?!

– Ваша порядочная девушка очень нервная особа, – твёрдо произнесла я, стараясь подстраиваться под местную манеру речи. – Я всего лишь хотел уточнить, где нахожусь и что собой представляет хозяин дома, ибо мне стыдно с этими вопросами подходить напрямую к вам. Возможно, её насторожила моя фамильярность, но результат вам и так известен. Она испугалась и убежала, чем меня самого привела в замешательство.

Фух! Вроде логично, связно и без слов-паразитов. Я молодец, я просто няшка!

Ну и дура мне попалась. Я же не соблазняла её, с моей стороны точно не было ни одного знака внимания.

Аж аппетит пропал.

– Моя экономка яро следит за нравственностью своих подчинённых. – Мужчина как ни в чём не бывало вернулся к еде. – И вместе с этим она стоит горой за них. Не думаю, что она просто клеветает.

Я отложила столовые приборы.

– Ложь и провокация!

Все воззрились на меня так, как будто я только что крикнула: «Ни с места, у меня граната!»

Хозяин медленно потёр усы.

– А как же слова горничной...

– Эротические фантазии, – я легко перешла на спокойную интонацию. – С молодыми людьми такое бывает от отсутствия или перебора плотских утех. Любое неосторожное действие может вызвать непристойные ассоциации. Или хотите услышать другую версию? Вероятно, в этом доме девушку уже пытались совратить, поэтому она неадекватно ведёт себя с мужчинами. Или вот вам ещё одна версия. Она беременна и пытается выдать своего ребёнка за отпрыска из состоятельной семьи, чтобы потом шантажировать его порочащими публикациями в газетах и требовать деньги.

После приступа красноречия я глотнула вина. Блин, как же трудно говорить по-человечески, а не как подросток.

– Дорогой племянник, – сэр Эндрю обратился к младшему тётке. – Я тебе горячо советую стукнуться обо что-нибудь головой, чтобы и ты хоть немного поумнел.

Тот возмутился и, видать, с горя подложил себе какой-то требухи, посыпанной зеленью.

– Благодарю вас за гостеприимство, но мы с братом вынуждены поскорее уехать, – заговорил Джон после долгой паузы. – Хочу завтра же отвезти его к родителям в Лондон.

Я не заметила, как прекратила жевать. Папе пофиг, где я шляюсь, он всё равно живёт с новой семьёй, а мама-то, наверное, вся испереживалась.

Снова потянулась к вину. Я не алкашка, просто от волнений в прямом смысле кусок в горло не лез.

Не раскисать. Я в прошлом, значит, теоретически настоящего, то есть будущего, пока не было. И из этого выходит, что временную проблему можно исправить. Знать бы только как.

Успокоиться. Взять себя в руки. Без плеера будет тяжело глушить грустные мысли, но я могу петь про себя. Хрипловатым голосом Лепса.

«Я уеду жить в Лондон! Я уеду жить в Лондон!..»

Глава 3. Хорошее дело браком не назовут

«Это знак свыше! Я просто обязана прибрать его к рукам!»

Отрывок из письма содержанки мистера Стрикленда подруге

Мне не привыкать к ночёвкам в незнакомом месте. Никогда не стеснялась оставаться у друзей, и поэтому в моей сумке почти всегда уложена ночнушка, трусы и зубная щётка. Скай сначала пальцем у виска крутила, а потом взяла с меня пример.

В эту же ночь я еле уснула. То и дело начинала размышлять о своём положении и никак не могла угнаться ни за одной мыслью. Думала о разном. О кошачьей статуэтке с человеческими глазами. О Даньке, который остался в музее. О своей нелёгкой судьбинушке в целом. На меня волнами накатывали страх и предвкушение чего-то опасного, но безумно весёлого. И что самое обидное, было совершенно не с кем потрындеть. Ни телефона, ни скайпа... Средневековье какое-то, даром что книги про коммунизм читают.

Я с раздражением переворачивалась с одного бока на другой. Спать на спине, как я люблю, было нельзя, потому что рана на голове от прикосновения с подушкой начинала болеть. А на живот я не ложилась, потому что не знала, как моя новая часть тела отреагирует на подобное обращение.

Тупое попаданчество. Я ведь должна как сыр в масле кататься, орков одной левой раскидывать, эльфов в себя влюблять... Всё у меня не как у людей. Прямо ругаться хочется. По-английски.

А могло быть и хуже. Рабство, побои, насилие, выгребная яма и вид на площадь с повешенными жмуриками сквозь тюремные решётки. Так что я неплохо устроилась. Меня накормили, спать уложили и Лондон покажут.

Блин, и с родителями Бена придётся познакомиться. Жесть. Одно дело дурить Джона, и совсем другое – называть чужих предков мамой

и папой. Вот это я вляпалась... И раз «брату» язык не повернулся сказать правду, им – тем более. Да и что я могу сказать? «Пардон муа, я, кажется, угробила вашего Бенни»?

Мысли становились всё короче, растворяясь на полуслове. Вот и хорошо. Я засну и проснусь дома. Тогда не придётся ломать голову над нестандартными проблемами.

Наверное, желание увидеть Лондон было сильнее желания вернуться домой, потому что наутро чуда не произошло. За завтраком я вела себя хорошо и с особым усердием скрывала разочарование от путешествия во времени. Минусов-то больше, чем плюсов. Компания, мягко говоря, так себе, тело пока своим на сто процентов не ощущаю, да и тяжело скрывать свою сущность. Алё, гараж! Я девочка, я хочу веселиться, а не тухнуть с «Капиталом» в обнимку.

– Положи. – Джон соизволил оторваться от своей порции омлета, чтобы сделать мне замечание.

А что Варя сделала? Ничего Варя не сделала. По крайней мере, плохого.

Вместо того чтобы вернуть апельсин к прочим фруктам на блюде, я переложила его в другую руку.

– Жалко, что ли? Я же поделюсь.

– Тебе нельзя апельсины, – стоял на своём Джон, – ты с детства сыпью от них покрываешься.

Пришлось расстаться с оранжевым шариком.

Ну, Бен, ну ты и свинтус. Из-за тебя я не смогу есть мои обожаемые апельсинчики! Ах, жизнь – боль!

Присутствующие снова подняли тему потери памяти, от которой у меня уже зубы сводило. Чем больше они говорили, тем сильнее убеждались в правильности решения Джона увезти меня в столицу. Мол, там я увижу родные места, меня посмотрят лучшие доктора, бу-бу-бу, бу-бу-бу... Готова поспорить, сэр Эндрю был по-настоящему счастлив избавиться от стрёмного гостя, несмотря на то что вызвался проводить нас до станции. По-моему, это показуха. Или джентльмену наскучило подпирать стенки в своём поместье и он решил прокатиться. А троллистый племянничек честно сказал, что его ждут не дождутся бекасы, которых сам бог велел перестрелять.

Путешествие вышло отстойным. Если бы не старинный антураж и пейзаж за окном купе, я бы точно выла от тоски. Джон общался со мной крайне неохотно. После нескольких попыток завязать разговор он уткнулся в купленные на станции газеты. Я тоже пыталась читать, благо теперь могла дать фору гугл-переводчику, но содержание статей меня не цепляло. Я и дома-то газет не читаю и политикой не интересуюсь, а тут ещё муть, как в скучном учебнике по истории. Немного улыбнуло слово «прерафаэлиты» в заметке про выставку в художественной галерее. Не имела понятия, что это такое, просто вспомнила, как на лекции по философии ко мне и Скай подкрался препод, интеллигентнейший Василий Абрамович, и сказал: «Сейчас я это братство прерафаэлитов расскажу». А мы даже не баловались, мы тогда всего лишь рисовали и показывали друг другу скетчи. Единственная статейка, которую я прочитала от корки до корки, была посвящена маньяку из Уайтчепела – Бесстыдному душителю^[1]. Ясный пень, прославился он по завету старухи Шапокляк плохими делами. Засранец нападал сзади на одиноких женщин, накидывал на шею жертв удавку и под угрозой смерти заставлял отдать ему самое дорогое. Исподнее. Если верить репортёру, на этой неделе Бесстыдный душитель обзавёлся ещё тремя парами панталончиков и, похоже, останавливаясь на достигнутом не собирается, так что не исключено, что читатели скоро насладятся новыми историями о похождениях извращенца. Надеюсь, к новому выпуску я уже буду дома и о последних подвигах душителя узнаю из Википедии.

Прошла целая вечность, прежде чем мы прибыли на вокзал Чаринг-Кросс. На перроне Тоби ошалел от счастья и всё рвался с поводка. На радость разномастной публике повизгивающий щенок путался у нас с Джоном под ногами, почти как Понго в мультфильме «Сто один далматинец». Кое-как разобравшись с ним и багажом, мы вышли на улицу, и Джон нанял кеб.

Вскоре я ощутила разочарование. Так расстраивается ребёнок, который в Комнате страха вместо обещанных ужасов видит резиновых уродцев.

Этот Лондон был не таким, как в моих чертогах разума. Естественно, я не рассчитывала увидеть легендарные телефонные будки и двухэтажные автобусы, но окружавшую меня реальность можно было описать двумя словами. Срань Господня.

Много карет, повозок, пешеходов. И так всё громоздко, тесно, что с сожалением вспоминаешь наш милый сердцу трафик. У нас я совсем не обращала внимания на гудёж автомобилей, здесь же непрекращающийся цокот копыт о мостовую бил по мозгам, как молот по наковальне. Впервые я увидела вживую омнибусы – как автобусы, только с лошадьми и с местами для пассажиров на крыше. Другой удивительной вещью были двухколёсные экипажи, которыми кучера управляли, сидя позади пассажиров. Джон сказал, что это тоже кеб, и, по-моему, в этот раз не удивился очередному глупому вопросу.

Как следствие использования транспорта на конной тяге на дороге там и сям был раскидан навоз разного уровня свежести, что не добавляло Лондону очарования. Меня прямо передёргивало при виде того, как на остатки подсохших отходов жизнедеятельности наступают прохожие. Особенно было жаль женщин, ведь эта гадость цеплялась не только к ботинкам, но и к юбкам. Я старалась любоваться местной архитектурой, но городской шум отвлекал меня. Запахи местами тоже были не лучше, в основном благодаря всё тем же лошадям.

Пока мы стояли в пробке (никогда бы не подумала, что в старину они существовали!), к нашему кебу подошёл небритый дядька в высоком цилиндре и хотел было предложить купить что-то «всего за шиллинг», однако даже не успел показать товар. Джон на него так рявкнул, что Тоби с лаем чуть не выпрыгнул наружу, явно вознамерившись прогнать горе-торговца. Пару раз другие маргинальные личности просили у нас милостыню и тоже ушли ни с чем. Но не все были чёрствыми, как мы, некоторые не глядя давали попрошайкам деньги. Как бы то ни было, я вздохнула с облегчением, когда мы покатали дальше.

Миссис Хант представлялась мне эдакой королевой-матерью. Строго одетая, с волосами, собранными в пучок, не позволяющая себе быть сентиментальной на глазах окружающих. Мои фантазии снова сыграли со мной злую шутку: стоило Джону заикнуться о том, что брат сильно ударился головой, меня тут же стиснула в объятиях высокая пухлая женщина с вычурной причёской. Она так бурно причитала, что Джону приходилось рассказывать о несчастном случае в перерывах между её воплями.

Да-да-да, мне жаль, что такое горе произошло, но хватит уже меня нацеловывать!

Однако я по-прежнему играла роль потерявшего память парня. Любая агрессия с моей стороны могла запросто довести бедную женщину до инфаркта.

– Бенни, мой милый Бенни! Неужели ты меня не помнишь? – как профессиональная плакальщица выла миссис Хант. – Я же кормила тебя своей грудью, хотя мне советовали хорошую кормилицу. Я сама сшила тебе крестильную рубашечку. Выхаживала тебя, когда ты болел... Помнишь, ты залезал ко мне в постель во время грозы? А как делился со мной конфетами?.. Пойдём, пойдём, дружок. Я тебе кое-что покажу.

Я бросила умоляющий взгляд на Джона. Тот ухмыльнулся:

– Конечно идите.

Предатель. И не пошёл ведь с нами.

Миссис Хант вытерла полные гладкие щёки кружевным платком и отвела меня в просторную спальню с весёлыми обоями в цветочек. Где-то полчаса она лазила по шкафам и комодам, доставая всевозможные безделушки. Рисунки, которые Бенни дарил ей в детстве на праздники (отмечу, что для ребёнка очень даже неплохая техника). Письма, написанные им во время учёбы. Ракушки, подаренные матери для рукоделия...

Блин, я, то есть Бен – здоровый лось. Взрослый мужчина. А миссис Хант как будто помнила лишь его детские годы.

Не получив от меня ни одного внятного ответа, она вытащила на свет несколько пёстрых мешочков. Выбрала в сине-белую полоску с жёлтой вышивкой «Бенни».

– Посмотри, это твои молочные зубки.

– Давай потом. – Я не дала ей развязать шнурок. – Понимаю, так много всего надо вспомнить...

– Ты устал? – её коровьи глаза влажно заблестели.

И жалко тётку, и отделаться уже от неё хочется.

– Ой! – Она вдруг кинулась убирать свои сокровища. – Господи, который час? Скоро же придёт мистер Стрикленд, а я не проследила за Чарли. Она же назло наденет другое платье!

– Мистер Стрикленд?

– Он собирается просить руки Чарли. Ваш отец обещал ради этого раньше приехать...

Далее последовал непередаваемый поток причитаний. М-да, бедная женщина. Сколько хлопот! И дочку замуж надо выдавать, и сын учудил.

Благодаря тому что мама Бена бросилась приводить себя в порядок после рыданий, я на некоторое время оказалась предоставлена сама себе. Хотела ополоснуться перед тем, как переодеться, да облом вышел. Лакей, помогавший мне с гардеробом, сказал, что у Хантов только ванна. Пипец. Я знала, что у богатых порой нет души, но чтобы не было душа?!

Переодевшись, я вышла в коридор с намерением начать экскурсию по дому. Надеюсь, я не сильно нарушила этикет, не притронувшись к жилету и пиджаку? Не зима же.

Моё внимание привлёк детский плач. Я пошла на звук и вскоре обнаружила хорошенькую девочку лет десяти-одиннадцати. Она сидела с ногами в кресле с уродскими деревянными подлокотниками и самозабвенно рыдала.

Ох, сначала одну до слёз довела, теперь другую...

Не умею с детьми обращаться, но что поделать.

– Привет, – я присела перед ней на корточки. – Ты чего плачешь?

Девочка отвлеклась от своего занятия и посмотрела на меня не по-детски осознанным взглядом.

– Чарли же замуж отдают.

– А плакать-то зачем? Подрастёшь – и тебе жениха найдут.

Малявка судорожно всхлипнула.

– Не хочу такого, как мистер Стрикленд! Говорят, он старый и некрасивый!

– Ну, может, он богатый? Или умный?

Мои аргументы не произвели на неё положительного впечатления. Девочка замотала головой, её накрученные локоны закачались из стороны в сторону.

– У него две жены умерли. Не хочу, чтобы Чарли умерла!

– Цыц! Не реви. Подумаю, что можно сделать.

Чета Хантов расположилась в уютной гостиной. Отца Бена я сразу опознала: он сидел на диване рядом с его матерью. Такой старый, что я

поначалу приняла его за дедушку. Жених с виду был ненамного моложе его. Ни за что бы не вышла за него замуж, это же даже в нашем обществе неприлично! Лысый, с серыми пучками бакенбард, обрамляющими дряблкое лицо. А какой у него был живот! Так и подмывало спросить: «Кого ждёте?» Неудивительно, что невеста не выказывала радости от предстоящего замужества. Если честно, она не была ослепительной красавицей, за которой толпами бегают ухажёры, и недовольная мина не добавляла ей привлекательности. Как насмешка судьбы девушке достались выпирающий подбородок от отца и широкий лоб от матери. Бену и Джону в этом плане повезло. Фигура у неё, в принципе, была неплохой, но тугий корсет портил всю картину: он без надобности подчёркивал аппетитную грудь, а широкие плечи казались ещё шире из-за сдавленной талии.

Джона не было. Либо решил, что такая мелочь, как замужество сестры, не стоит его внимания, либо тупо смылся. От общения с ним у меня сложилось мнение, что он не живёт с родителями. Вольная птица типа.

Моё появление не осталось незамеченным. На меня уставились так, будто я уже что-то натворить успела.

– Я не помешаю?

Миссис Хант ахнула и прижала к лицу платок.

Ей, наверное, стыдно, что сын невоспитанный жлоб.

Я поспешила исправить ситуацию:

– Добрый день!

Да что такое? Опять у всех физики кислые.

– Бенджамин, – у мистера Ханта был неожиданно сильный, глубокий голос, – мы с тобой позже поговорим. Изволь немного подождать.

Так, стоп. Я что-то пропустила? Меня собрались за что-то ругать или как?

– Я всего лишь хочу познакомиться с потенциальным членом семьи. – Я опустила в свободное кресло и закинула ногу на ногу. – Мне же не всё равно, кто будет заботиться о моей сестре.

Миссис Хант постаралась тихонько высморкаться, что вышло у неё, мягко говоря, плохо. Протрубила как слон, заведший опасность.

– Арчибальд, дорогой, пусть он останется. Я же тебе рассказывала, что...

– Хорошо, – резко прервал её муж. Видимо, боялся, что посторонний узнает о том, что его сын стал немного ку-ку.

Хм... Бена назвали в честь папы? Ай, не о том думаю.

– А где жених? – я включила дурочку.

Миссис Хант начала что-то тараторить в своей обычной манере, но тут дал о себе знать мистер Стрикленд.

– Рад сообщить вам, молодой человек, что именно я покусился на руку и сердце ненаглядной Шарлотты.

– Ужас. Ей-богу, ужас, – ответила я, еле удержавшись от любимых словечек вроде «капец». – Не имею ничего против вас, сэр, но, по моему скромному мнению, муж Шарлотты должен быть моложе лет на двадцать минимум.

Я повернулась к Чарли и возликовала, увидев, как её губы сложились в улыбку.

А вот мистер Хант явно был не на нашей стороне.

– Бенджамин, твоё мнение нас меньше всего интересует. Да будет тебе известно, годовой доход мистера Стрикленда...

– «Годовой доход мистера Стрикленда...» – передразнила я старика. – Папа, это меркантильно и абсолютно недалёковидно. Ты же видишь, что он...

– Что во мне не так? – Мистер Стрикленд, кажется, начал свирепеть. – Вас не устраивает моя наружность? Да вы должны Бога благодарить за то, что ваша сестра избежит доли старой девы.

Вау, какой изящный плевок в нашу семью!

– Не поймите меня неправильно, – перешла я на фальшиво-сладкую интонацию, – но что вы можете дать Шарлотте помимо вашего годового дохода?

Мистер Стрикленд задышал так глубоко и часто, что пуговицы на его жилете грозились оторваться.

– Моя отеческая забота воспитает в ней добродетельную супругу.

– А с чего вы решили, что ей нужен второй отец? И для кого вы собрались воспитывать супругу? Посмотрите правде в глаза. Вы предлагаете нашей Шарлотте союз, схожий с инцестом. Спать с отцом – это же фу!

Миссис Хант густо покраснела, а Чарли, наоборот, повеселела. Что любопытно, в этот раз папа Бена почему-то не стал затыкать мне рот.

И Остапа понесло. От избытка чувств я вскочила и прошлась по комнате.

– К тому же я смею сомневаться в будущем ваших отпрысков. Хватит ли вам здоровья зачать детей? А если это чудо произойдёт, что будет с малышами, когда вы, пардон, сыграете в ящик? Как моя сестра будет дальше жить?

Мистер Стрикленд подхватил свою тяжёлую трость, как будто собрался уходить.

– Что?! Я «сыграю в ящик»?! Что за глупости, я вовсе не собираюсь умирать!

– Ага, будете жить вечно. Кому вы сказки рассказываете? Или вы хотите похоронить Шарлотту так же, как и двух предыдущих жён, а самому жить припеваючи с очередной молоденькой дурой? Рассмотрим более правдоподобный вариант. Что будет с молодой вдовой? Не оставят ли её с голым задом ваши дети от первых браков?

Миссис Хант бестолково ворковала над Чарли, уткнувшись лицом в диванную подушечку. Девушка откровенно давилась смехом, а несчастная мать думала, что та начала плакать, и от этого сцена выглядела ещё более комичной.

Пыхтя, наш «жоних» поднялся с кресла.

– Ну знаете, я больше не намерен терпеть оскорбления в этом доме.

– До свидания, – обрадовалась я капитуляции врага. – Скатертью дорога. На чужой каравай рот не разевай.

– Бенджамин, это лишнее, – одёрнул меня мистер Хант.

О, а остальное, выходит, было не лишним?

Миссис Хант попыталась спасти ситуацию.

– Мистер Стрикленд! Вы же даже к чаю не притронулись! И кексов не отведали!

– Мам, пусть идёт, – усмехнулась я. – Нам больше достанется.

Я хотела с видом победителя цапнуть с блюда кекс, но вовремя услышала угрожающее кряхтенье. Если бы не отпрыгнула, согнувшись, как Нео из «Матрицы», собирала бы потом по полу зубы Бена! Мистер Стрикленд снова замахнулся тростью и вдруг замер, словно голос хозяина дома обладал парализующей силой.

– Только троньте моего сына, и я вас засужу. Тогда с голым задом останетесь вы сами.

Ух, какой у Бена папа! Крутенко! Уважаю!

Однако, оставшись с ним один на один, я вмиг растеряла боевой задор. Так увлеклась спасением девицы, что подзабыла малюсенькую деталь. Арчибальд Хант тут самый главный, и мне будет секир башка, если прогневаю «родича». Карманных денег лишит или вообще на фиг из дома выгонит.

Поздно пить боржоми, когда почки отвалились. Потерпи, Варезка, сделай вид, что раскаиваешься, и когда-нибудь всё наладится. Блин, только как изобразить муки совести в мужском теле? Заплаканные глазки и дрожащие губки тут не прокатят...

– Бить будете, папаша? – вырвалось у меня.

Всегда чушь несу, когда нервничаю.

Мистер Хант многообещающе засопел и с хмурым видом снял шейный платок.

– Ты в самом деле потерял память?

Я кивнула. Потом допетрила, что одного кивка будет недостаточно.

– Очень заметно? Правда, я не хотел никого расстраивать. Просто действительно никого из вас не помню. Миссис Хант очень жалко, но я не могу вспомнить, что она моя мама, и мне стыдно.

– О правилах поведения ты тоже забыл.

– Простите.

Ну простите-простите-простите! Я хороший! Я буду себя хорошо вести! Я всё выучу... Э-э-э, немного не из той оперы.

Старик повертел меж пальцев золотую булавку, ранее украшавшую платок.

– Однако моё сердце спокойно оттого, что ум твой на месте. Было бы очень обидно остаться без благоразумного наследника.

Я включила логику.

– Значит, я старший...

– Нет. Мой старший сын – Джон. Но он настолько безалаберный и ленивый, что я ни за что не доверю ему вести дела. Ты должен всё вспомнить как можно скорее, иначе мне придётся переписать завещание в пользу Фредерика. А он ещё слишком мал, и я в нём не уверен...

Пока слушала его, боялась дышать. Надо же, какой суровый мужик. Рассматривает своих детей исключительно с практической

стороны. Ни за что больше не буду обижаться на своего папу. Он хоть и редко находит время, чтобы пообщаться со мной, но зато принимает меня любой.

– Мистер Стрикленд был не очень подходящей партией для Шарлотты, – я не заметила, как мистер Хант перескочил с одной темы на другую, – и я бы без охоты согласился на родство с ним. Но он единственный, кто пожелал взять её в жёны. У твоей сестрицы, если забыл, несносный характер, и женихов она распугивает, что пугало ворон. Может, тебе потом придётся до конца своих дней её содержать. Не жалеешь?

Я сжала кулаки.

– Вот ещё. Я найду ей другого жениха. Такого, какого она заслуживает.

Как только я вышла из гостиной, на меня, будто ниндзя из засады, налетела Чарли и поцеловала в щёку. Ого, а она высокая, как я теперь.

– Бен, спасибо, – вполголоса воскликнула она. – Я уже думала, меня никто не спасёт. Родители ни в какую меня не слушали... А мама не преувеличивает, говоря, что ты...

– Да.

– Я буду молиться, чтобы ты поправился, – она заметно погрустнела, и мне стало по-настоящему неловко.

– Ладно тебе, лучше подумай о том, что тебе не надо выходить замуж за Стрикленда. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Глава 4. Ревизорро

«Сдохни, Б. Хант!»

*Нацарапано на стене Ньюгейтской
тюрьмы*

Было всего девять часов вечера.

Чарли задёрнула шторы и погасила верхний свет, оставив гореть пару ночников. Детская погрузилась в приятный полумрак.

Девятилетний Фредерик уже лежал в своей кровати, а Эмма, деловая колбаса, крутилась перед зеркалом и расчесывала длинные волосы, которыми наверняка гордилась. Стопудово станет настоящей красавицей с толпой воздыхателей через три-четыре года. Чарли шуганула кокетку, и та, вяло возмущаясь, полезла в постель.

Я оседлала стул и, уткнувшись подбородком в сложенные руки, развалилась на его спинке. Так здорово иметь братьев и сестёр, чувствуешь, что тебя никогда не коснётся одиночество. Жаль только, что это не моя настоящая семья. Боюсь, я не смогу полюбить этих людей как родных.

Хочу домой. Уже надоело притворяться и терпеть местные причуды.

И в своё тело хочу. В маленькое девичье тельце, в котором можно есть апельсины.

А ещё меня заколебали родители Бена. Они, по ходу, устроили негласное состязание «Кто добьёт сынулю». Миссис Хант весь день долбала меня глупостями вроде историй про то, как Бен мило смотрелся в пелёнках и как они все вместе ездили на море. Честно, мне не всегда интересно, что моя мама рассказывает, а тут чужая тётка про своего ребёнка триндит, как заведённая. Её муж тоже не давал мне скучать. С видом школьного директора завёл меня к себе в кабинет и часа два раскладывал передо мной, как точно гадалка карты, какие-то бумажки и грузил всякой фигнёй вроде «депозитов» и «векселей». Я тупо сидела, кивала и впадала в ступор, когда он задавал мне вопросы. Фу, блин! Не люблю экзамены! А вот Чарли показалась мне самым

приятным и адекватным человеком в доме, и мне не терпелось познакомиться с ней поближе.

Девушка поймала мой полный печали взгляд.

– Прости. Когда мама занята, я всегда сама их укладываю. Мэгги на ночь мажется какой-то вонючей дрянью, не хочу, чтобы дети этим дышали.

По порядку. Как я недавно узнала, миссис Хант имела привычку сидеть по вечерам в чатах, то есть она строчила письма своим многочисленным родственницам и подружкам. И ещё она вела дневник и грозилась начать читать мне избранные отрывки, чтобы память вернулась быстрее... Святые печенюшки! Я этого не вынесу!

Мэгги, о которой упомянула Чарли, была безобидной старушкой. Нянюшкой, которая заботилась обо всех детях в семье, в том числе и о Бене. По мне, так милая бабуся с лёгкой формой маразма. Она ко мне вообще не приставала, пару раз только спросила: «Касатик, у тебя в школе каникулы?» – так что моё поведение не казалось ей странным.

– Чарли, а ты не знаешь, есть ли у меня дневник?

– Ты его с пятнадцати лет не ведёшь, – хмыкнула «сестра» и после паузы добавила: – Или ты стал его лучше прятать. Если не возражаешь, завтра достанем твои драгоценные записи, но не обольщайся. В них только твои душевные терзания из-за Абигейл Уоррен.

Эмма оторвалась от подушки:

– А мне можно на них взглянуть?

– Маленькая ещё. – Чарли взяла с письменного стола сине-серую брошюрку и, согнав меня со стула, поставила его ближе к ночнику. – А это как раз для детей.

Я слегка шлёпнула Эмму по пятой точке, чтобы подвинулась, и устроилась в изножье её кровати. А чё? Я тоже буду слушать сказку!

Мне хватило всего лишь одной истории. Лучше бы это был трэш братьев Гримм про отрезанные пятки и выколотые глазки!

Чарли прочитала историю про маленькую девочку Дженнет. У её родителей было немного денег, и когда они пришли в магазин, Дженнет потребовала, чтобы ей купили шёлковое платье с лентами. Мать отговаривала её, говорила, что зимние сапожки будут полезней, но девчонка и слышать об этом не хотела. Сказочка закончилась на том

месте, где главная героиня упала замертво, потому что «шёлковое платье не годилось для метели».

«Хеппи-энд»!

– Ужас-жуть, – прокомментировала я. – Это что за бред?

Чарли вздохнула и полистала брошюрку.

– Это рассказы их гувернантки мисс Боунс, «О нравственности и добродетели». Представляешь, она заставила маму это купить.

– И это ещё печатают...

– Типографии всё печатают, лишь бы у клиентов были деньги, – неожиданно сердито сказала девушка.

Я окинула взором остальных слушателей.

– Дети, вам это нравится?

Те ответили не сразу, будто не ожидали, что кто-то когда-нибудь спросит их мнение.

– Не очень, – призналась Эмма.

– Скукотища, – осмелел Фредерик.

Я скинула ботинки и уселась по-турецки.

– А про хоббита не хотите послушать?

– Кто такой хоббит? – опередила мелких Чарли.

Ну держитесь! Сейчас вы закачаетесь!

– Как? Вы не знаете, кто это? – заговорила я интонацией актёра из ТЮЗа. – Хоббиты – очень славный и дружелюбный народ из Хоббитшира. Они маленькие, в половину человеческого роста, и живут в уютных норах, где отдыхают от забот и курят лонгботтомский табак. Правда, приключения они не жалуют, потому что из-за них можно пропустить обед...

Одобрительный смех. Что ж, зацепила публику.

Меня слушали с нескрываемым интересом. Старая добрая сказка про то, как Гэндальф и орава гномов разрушили привычный уклад жизни Бильбо Бэггинса, пошла на ура. На эпизоде с троллями малышня заметно заволновалась, зато каким радостным вышло спасение! Когда уставшие путники добрались до эльфийской долины Ривенделл, Чарли встала со стула.

– Замечательно. Предлагаю нам также отдохнуть. Все устали за день не меньше мистера Бэггинса.

Охо-хо! Ни о каком возвращении домой не может быть и речи, пока не закончу сказку. Нехорошо людей подводить.

С самого утра нам нанёс визит семейный врач Хантов, доктор Симмонс. Сравнительно молодой и всё же довольно грамотный мужик. По крайней мере, у него была гладкая речь, и он не вздыхал, как мой терапевт в поликлинике: «Что же с тобой делать?» Вероятно, он удивился тому, что его светлый образ испарился из памяти Бена, однако повёл себя достойно, не став заваливать меня дебильными вопросами. Деловито осмотрел место ушиба, которое уже совсем не болело, пощупал пульс, зачем-то меня послушал через трубку (сначала было стрёмно, но я быстро сообразила, что у меня на груди теперь нет ничего интересного). Под конец осмотра предложил обратиться в специализированную лечебницу (то бишь в психушку), однако не настаивал и выписал длиннющий рецепт. Вот уж что, а какие-то сомнительные лекарства я жрать не буду! Просто с честными глазами покивала и пообещала доктору следовать его предписаниям. Как только он ушёл, миссис Хант принесла мне две бутылки, одну коричневую с мутной микстурой, и другую – с рукописной этикеткой «лауданум». Дегустировать ни то ни другое я, разумеется, не собиралась, поэтому, стоило заботливой мамаше отвернуться, вылила свои дозы за окошко. Подкармливать этой гадостью цветы в горшках не стала, потому что уж больно запах отвратительный. Не хватало ещё для полного счастья, чтобы комната Бена насквозь провоняла. Кратко переговорив с Чарли, я выяснила, что слово «доза» как нельзя лучше подходит к моим лекарствам. Не зря слово «лауданум» мне показалось наркоманским, это же опиумная настойка на спирту! Что за люди, как можно наркоту дома держать?! И ведь в рецепте может оказаться что-нибудь покруче!

Ни капли в рот. Ни за что. Это же не витаминка С.

А они наивные... Как можно навести у человека в голове порядок с помощью психотропных веществ? Не знаю, чем пичкают душевнобольных в наших клиниках, но я как обыватель не вижу логики в таком лечении.

– Бенни, мне пришёл ответ от миссис Грин, – поделилась радостью миссис Хант, влетая в мою комнату. Ой, не в мою, но не суть.

Господи, когда же она от меня отстанет? Я хотела научить Тоби давать лапу, а не провести день в компании сумасшедшей тёточки.

Но я в её глазах не девочка Варя. Надо изображать сына.

– Наверное, это действительно хорошая новость.

Женщина сунула мне под нос развёрнутое письмо.

– Миссис Грин – супруга директора детского приюта. Святая женщина! Она благодарит меня и моих подруг за помощь. Послушай, она на пожертвования купила ткани, чтобы сшить сироткам рубашечки...

Теперь детки будут одеты-обуты, накормлены и тэдэ и тэпе. Мама Бена тарахтела без умолку. Дай ей волю, и она сама канонизирует эту миссис Грин.

– Бедная женщина, ей так тяжело заботиться о ребятишках! Я когда молюсь, про неё никогда не забываю, прошу Бога, чтобы он ниспослал ей сил и терпения. Мы с Харриет и Энни помогаем ей чем можем. Смотри, дорогой, она пишет, что нужны деньги для обучения детей. Я думаю, нужно дать не меньше...

– Там всё так плохо? – перебила я её и кинулась отнимать у Тоби тапку. Вдруг Бен, если вернётся, огорчится, узнав, что любимые тапчундры погрызены?

Миссис Хант замялась.

– Миссис Грин всегда пишет, что...

– Что значит «пишет»? Вы вживую не общаетесь?

– А зачем? Она же честная женщина, так подробно пишет...

Я слегка шлёпнула щенка по носу отобраным трофеем.

– Мама, ты как будто вчера родилась. Ты вообще этот приют в глаза видела?

Миссис Хант промолчала и стала вертеть письмо в руках, как ребёнок, не выучивший урок. Ну и наивняк! Взрослая баба, а так себя ведёт. Как хорошо, что интернет пока не изобрели, а то она бы ещё не так накосячила... Или это я такая злая и циничная?

Чувствуя себя засранкой, я подошла к ней и положила руки на её крупные плечи.

– Давай съездим и проверим, как дела у миссис Грин.

– Съездим? – удивилась маман.

– Съездим. У тебя же есть адрес приюта?

Она дёрнулась, словно ей только что предложили добровольно выпить все мои лекарства.

– Но это же Ист-Энд! Нам там не место!

– Мам, ну ты либо крестикними, либо панталоны надень. Если уж делать добрые дела, то от чистого сердца и как положено. Не хочешь со мной ехать, поеду один. Нет, с Тоби, а то ему скучно в четырёх стенах.

Миссис Хант сглотнула. Её второй подбородок подскочил, как зоб у жабы.

– Твоя правда, сынок. Поедем. Только ты пообещай, что попросишь прощения за то, что обидел святую женщину.

У святой женщины не хватало по меньшей мере трёх зубов.

А ещё – совести.

О последнем было нетрудно догадаться. Судя по тому, что я увидела во дворе и прихожей приюта, здесь давно не убирались. Со времён мезозоя.

Пожухлый неравномерно растущий газон пестрел разного рода мусором, от деревяшек непонятного происхождения до битого стекла. Да дети во время первой же прогулки должны покалечиться! Хорошо, что Тоби остался с Томом, нашим кучером. Само здание приюта – унылая коробка с мутными окнами, крыльцо разбито в хлам. Уже на пороге я оставила надежду увидеть внутри что-то более или менее приличное и, в принципе, не ошиблась в своих ожиданиях. Грязь была везде, даже на стенах.

Что за люди? «Дайте-дайте», «поможите чем можете», а сами палец о палец не ударят, чтобы что-то исправить.

Миссис Грин сразу поняла, что лоханулась и стала мямлить какой-то бред про то, как ей с мужем тяжело заниматься приютом и воспитанниками. Меня чуть ли не наизнанку выворачивало, до того противно было смотреть как эта квадратная бабенка блеет, как невинная овца. А миссис Хант... Да я готова ей премию вручить за Самую Большую Тупость! Это ж как можно не замечать очевидного? Мало того что изнеженную леди смущала обстановка, она ещё с радостью позволила повесить себе на уши свежую лапшу.

Прости, Бен, но твоя мама иногда такая курица.

– Вот жопа, – нарочито громко вздохнула я.

Обе тётки вмиг заткнулись.

– Что ты сказал, дорогой? – пискнула моя спутница.

– Жопа, говорю. – Я прошлась по поскрипывающим половицам. – И внешний вид, и ситуация в целом. Помочь нужно. Вот прям срочно, сию минуту!

Миссис Грин явно расслабилась. На её широком, мужеподобном лице появилось подобие улыбки. Я чуть не отвернулась, чтобы не смотреть ей в рот.

– Где дети? Нам надо на них взглянуть.

Улыбка стала медленно сползать с её рожи.

– Дети?

– Ну да, дети. Такие маленькие существа, которых надо кормить, мыть, учить уму-разуму...

– Дети на месте и с ними всё в порядке, – отчеканила миссис Грин, глядя на меня как бык на неопытного тореадора.

Пыхтевшая от напряжения и духоты миссис Хант обрадовалась такому ответу.

– Вот видишь, Бенни. Всё в порядке...

Я стояла на своём.

– Покажите нам детей.

– Вам не нужно на них смотреть, – жена директора приюта тоже не сдавала позиций. – Подумайте о своей матушке. У неё же сердце кровью обольётся.

– Тогда и вы кое-чего не увидите. Денег.

– Простите его, миссис Грин! – малодушно заверещала миссис Хант. – Он весь в меня, такой же впечатлительный. Его так поразила история о ваших горестях, что он просто умолял меня приехать к вам. Бедный мой мальчик, так переживает!

Сейчас «бедный мальчик» вам всем покажет.

– Мама, она врёт.

– Как?!

– Как дышит.

Не обращая внимания на возмущения беззубой святой, я прошла в глубь дома. Грязь, какой-то неприятный застоявшийся запах, который чувствуется гораздо сильнее, чем в коридоре... Удивите же меня чистотой!

Воспитанников я обнаружила в небольшой комнате с грубыми деревянными столами и лавками. Фак! Это ж не дети, а поросята нечёсанные. И одеты в жуткие обноски, как специально на помойке

подобранные. Не больше десяти штук, я уж не стала считать по головам. Все они кучковались рядом с неопрятной старухой, держащей в руке половник. Оторвав голодные взгляды от кастрюли, детишки уставились на меня. С таким страхом в глазах, будто у них собираются отнять вонючую кастрюляку.

Даже приятного аппетита не пожелаешь. От доброго слова вкусней дерьмо не станет.

– Мистер Хант! – подоспевшая миссис Грин аж задыхалась от негодования, не находя слов.

Миссис Хант с офигевшим видом топталась на пороге. Похоже, до неё наконец стало доходить, что быть благотворительницей не так-то просто.

– Э... это все дети? – неподдельно удивилась она. – У вас же их пятьдесят! Вы мне сами об этом писали. Я запомнила это число, потому что мы с Харриет и Энни отправили вам тогда пятьдесят фунтов.

– Да, их было больше, – подтвердила миссис Грин.

– А многих в работный дом отдали, – со свойственной нежному возрасту непосредственностью пояснил лохматый ребёнок лет пяти (реально, не поняла, мальчик это или девочка), – потому что их кормить нечем было. Нас тоже нечем, но нас пока не отдают. А Билли с Гарри и Мэри придут к вечеру...

– Молчи в присутствии старших, – шикнула горе-воспитательница.

– Они денежки у прохожих просят. Их миссис Грин палкой бьёт, ежели мало принесут, – всё же закончил смелый малыш. Речь новоявленного Павлика Морозова местами была невнятной, однако я и так всё поняла. – Мэри так вчера побили, что у неё на лице синяк.

Мальчонка постарше заплакал: видимо, соображал, что за такую откровенность побьют всех и не только палкой.

Миссис Грин побагровела.

– Это ложь! Вы же не поверили? Он в приюте недавно и постоянно лжёт.

А она вся такая белая и пушистая.

Вскрикнув, я прикрыла рукой глаза и отпрянула от неё.

– Сэр, что с вами? – она легко поддалась на провокацию.

– Ваш нимб. Он так ярко сияет, что глазам больно.

– Да как вы смеете!

Решив не затягивать бессмысленный диалог, я подошла к вышеупомянутой кастрюле и, задержав дыхание, взглянула на её содержимое. Блин, тут с самого начало было понятно, что всё в приюте плохо, но чтобы настолько! Я даже не могла подобное представить. В мутной жиже плавали сморщенные листья капусты, похожие на тряпки. Особую пикантность супу придавала почившая в нём большая муха.

Слов нет, одни эмоции. Непечатные!

Эх, чего не сделаешь ради детей.

Стараясь не выдавать брезгливости, я забрала у стоявшей столбом старухи половник, зачерпнула немножко, влила себе в рот и с удовольствием выплюнула на пол.

– Помои! И вы этим их кормите?!

Миссис Грин с новыми силами бросилась на защиту себя любимой.

– Просто сегодня неудачный день, поэтому рацион такой скудный.

– Женщина, ты вообще страх потеряла?! – по-настоящему разъярилась я. – От самой-то ветчины несёт, а ваши воспитанники слова такого, наверное, не знают!

Вместо того чтобы причитать и плакать из-за грубости сына, миссис Хант вдруг проявила чудеса адекватности.

– Миссис Грин, покажите кухню.

Несмотря на вопли протеста, мы прошли в следующий круг Ада. Мама Бена снова осталась на пороге, но зато прекрасно видела, как я, отмахиваясь от мух и перепрыгивая через ленивых тараканов, лазаю по шкафам и копаюсь в кладовой.

– Вы же писали, что у вас вдоволь круп, овощей и хлеба, – наверное, таким тоном миссис Хант отчитывает своих чад за провинности, – однако здесь едой и не пахнет... Кстати, что это за смрад? Я бы уволила свою кухарку за такое!

Не было нужды проверять спальню и прочие помещения, но я с азартом проверила всё остальное. Встреть я самого директора этой богадельни, ему бы не поздоровилось! При своей нынешней комплекции я бы с радостью его отметелила.

Миссис Грин вспомнила о нём лишь тогда, когда я бродила вдоль кроваток с грязным постельным бельём.

– Скоро придёт мой муж и выставит вас отсюда!
– У-у-у! Страшно-страшно, – я даже не повернулась в её сторону.
– Ваш муж моему и в подмётки не годится, – кажется, миссис Хант невольно заразилась моим задором. – А муж Энни – судья, он вас всех посадит! Ясно? Будете вместе сидеть.
– Не будут, – возразила я, – в тюрьмах мужчин и женщин отдельно держат.
– Вы же разрушите мою семью! – взвыла миссис Грин.
Я лишь пожала плечами.
– Злонравия достойные плоды.
Красивая, оказывается, фраза. Вот только не помню, из Грибоедова или Фонвизина?

На этом эпопея о слепом меценатстве жёнушки банкира не закончилась. Не теряя времени, я заставила миссис Хант отправиться со мной в ближайший продуктовый магазин. Нелепо звучит, но наличных денег у нас с собой было немного, поэтому гуманитарная помощь вышла мизерной. Хлеб, чай и сыр. Ладно уж, всяк лучше той бурды с мухой вместо мяса. Как-нибудь до завтрашнего дня ребята протянут, а там и реальная помощь нагрянет. Эх, были бы тут мобильные телефоны, дело бы гораздо быстрее пошло!

Когда мы вернулись в приют с гостинцами, миссис Грин с каким-то мужиком на повышенных тонах обсуждали позицию защиты. Главные двери были, как ни странно, закрыты, но меня это ни капли не смутило: мы с миссис Хант и Томом обошли здание и зашли внутрь через чёрный вход. То ли Грины такие растыки и забыли запереть всё, то ли просто подумали, что люди нашего уровня понятия не имеют об альтернативных дверях.

Директор приюта мне не понравился ещё больше его противной супруги, несмотря на то что выглядел более или менее презентабельно. А его костюмчик просто выбешивал! Чистенький, новенький, и как ведь не стыдно одевать детей в рванину!

Я думала, что он погонит нас поганой метлой, однако мистер Грин, как ранее его жена, решил продемонстрировать нам свои актёрские качества. Такие же хреновые. С деланым безразличием на лице стал впаривать, что мы не так всё поняли, будто это временное

помещение и что скоро достроят новое, где всё будет ништяк и бла-бла-бла.

А вот нефиг мне мозги пудрить! Дети и вправду грязные и голодные, так что не надо мне доказывать, что вся ситуация не более чем сюжет для ситкома!

Домой мы поехали только после того, как воспитанников гадского приюта накормили бутербродами с чаем. Никогда не считала себя сентиментальной фиалкой, но у меня глаза пощипывало от невыплаканных слёз при виде счастливых мордашек. Как их жизнь потрепала, раз скромное угощение для них – целый пир?

Нельзя просто уйти и забыть об этом. Я возьмусь за это дело лично!

Весь оставшийся день мы с миссис Хант разрабатывали план спасения сирот. Для начала в тезисах наметили дальнейшие действия: закупка продуктов и вещей первой необходимости, обеспечение средствами для гигиены или, как вариант, раз в неделю поход в общественную баню, уборка и ремонт, наём воспитателей и так далее. Конечно, самым лёгким способом было бы добиться расформирования приюта, но тогда не было бы гарантии, что дети не попадут в такие же условия.

Я проследила за тем, чтобы миссис Хант более правдиво написала послания своим подружкам-меценаткам, и только после этого успокоилась. Думаю, мы с ней обе извлекли уроки из этой истории. Если уж брать на себя ответственность, то на все сто процентов, а не абы как. А то какая это ответственность получается?

Узнав о наших похождениях, мистер Хант неожиданно воодушевился. Нет, он не собирался с высунутым языком бегать по инстанциям, его всего лишь обрадовало то, что Бен, то есть я, проявил смекалку и показал, что ему можно доверять. Мол, раз все эти прежние качества проявились, значит, и память скоро вернётся.

Фух, теперь можно с чистой совестью вернуться к хоббиту и гномам.

Глава 5. О вкусной и полезной пище

«Смею заверить, что как дворецкий Хопкинс порядочен, пунктуален и не обделён изысканностью манер».

Отрывок из рекомендательного письма, написанного самим Хопкинсом

Я была готова на стенку лезть.

В доме Хантов было невозможно умереть от голода. Помимо завтрака, обеда и ужина обязательно имели место ланч и тот самый «файв о'клок», о котором рассказывают в школах на уроках английского языка. Причём эти промежуточные приёмы пищи мало чем отличались от других. В качестве перекуса могли запросто подать копчёную рыбу, жареное мясо или пирог с почками. Я не сильно разбираюсь в полезном питании, так как по жизни «кусочница» – тут схвачу, там погрызу. Более того, меня дико бесят нравоучения вроде «Поешь суп!» и «Возьми хлеб!». И всё-таки меню Хантов не казалось мне идеальным, невооружённым глазом было видно, что еда обильная и тяжёлая. Так что передо мной стояла трудная задачка – нормально накормить тело взрослого парня и при этом не обожраться. В местных лекарствах я разочаровалась давно и надолго.

И мне хотелось жрать. Нет, не жрать, а кушать. Или лучше пожалобней: «Ку-у-ушать».

Не нужны мне ваши английские разносолы! Хочу нормальной еды!

Пюрешку с сосисочкой... Окрошечку с квасом... Спагетти с корейской морковкой и майонезом...

И жёсть как хочется шоколадных батончиков и чипсиков.

А я ещё прикалывалась над сидящей на диете Скай, когда она жаловалась, что ей снятся вкусняшки.

Я заставляла себя думать о другом. О доме. О своём настоящем теле. О дурацкой выставке, из-за которой очутилась здесь. О сиротах, в конце концов. Они чёрный хлеб за обе щёки уминали и не ныли, как я, из-за мечты о шоколадном мороженом!

Утром настроение было окончательно испорчено бритъём. И так не люблю эту процедуру, а тут пришлось поднести заточенное лезвие к лицу! Бр-р-р... То и дело перед глазами мелькали кадры из фильма Бёртона «Суини Тодд, демон-парикмахер с Флит-стрит». Там Джонни Депп своих клиентов такой же штукой... того. Ну хоть не порезалась, уже повод для гордости.

А зачем вообще гордиться? Я же не собираюсь всю оставшуюся жизнь провести в мужском теле. Наигралась уже, хватит.

Отправьте меня домой!

Или я застряла? Навсегда...

И что мне остаётся кроме того, как научиться быть Беном? Вызубрить банковские термины и местные правила этикета. Подстроиться под чьи-то привычки... А мне этого не надо! Я хочу быть собой и видеть вокруг своих родных и друзей. Не зря же я, наверное, имела счастье родиться в двадцать первом веке, а не в каком-то ином. Я просто не создана для старой Англии.

Или придётся смириться с тем, что всё произошло случайно и никакого квеста, который мне нужно сделать для возвращения, нет?

Мысль о ловушке убивала меня.

Мной овладела такая апатия, что я не увязалась за миссис Хант, когда та поскакала по своим подружкам, стремясь повисить уровень их общей благотворительности.

Иногда надо уметь быть эгоисткой. У меня проблемы хуже некуда, и мне не нужно цепляться за чужой мир. Может, поплакать, так, по-девичьи?

Не, я не плакса. Лучше попробовать найти себе вкусняшку. Тогда точно полегчает.

Я пришла на кухню и не успела приступить к поиску еды, как мои вниманием завладел небольшой деревянный ящик, расположившийся на столе. Хоть бы там были фрукты!

Стянула с ящика небрежно наброшенный кусок ткани.

– Зайки!

Захлёбываясь от нахлынувшего счастья, я вытащила наружу тяжёлого бурого кролика. Такой кавайный! И носиком шевелит! Ми-ми-ми!

И второй моську вытянул, тоже ласки захотел.

Блин, сейчас по закону подлости кто-нибудь зайдёт и будет мне мешать. Нет, этому не бывать!

Следующие несколько минут я пребывала в нирване. Мы с Тоби выгуливали кроликов у дома, и мне даже удалось подружить щенка с потенциальной дичью. Сначала бурая парочка не разделяла его восторга от знакомства, а потом ничего, втянулись.

Жаль, у Хантов нет нормального сада. Так, клочок газона у дома. Бедному Тоби порезвиться негде, и теперь ему ещё предстоит делить пространство с двумя упитанными кролями. Ну ничего, в тесноте да не в обиде.

А пушистиков, по-видимому, сегодня не кормили, вон как траву лупят.

– Караул! – невдалеке заголосила какая-то баба. – Украли!

Мы с Тоби одновременно развернулись и увидели, как на задний дворик выбегает незнакомая особа в чепце и фартуке.

Интересно, что украли-то? Аж не терпится примерить на себя роль детектива!

Я окликнула её:

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

Та, подхватив юбку, понеслась к нам.

– Батюшки! Мистер Хант, зачем вы взяли моих кроликов?

Пауза. Варя в капле.

Чуть оправившись от шока, я скосила глаза на активно жующих газон зверюшек.

– Что ж вы делаете? Неужели вам так срочно понадобилось натаскать своего пса? – Мне почудилось, будто женщина старается кричать как можно тише, чтобы не оскорбить своим поведением хозяина. – Вы меня простите, конечно, но у меня же всё расписано! Всё-всё рассчитываю! Не будет хоть одного ингредиента, и всё пойдёт насмарку. А вдруг я бы не успела к обеду?

А, так она, выходит, кухарка. Никогда бы не подумала, ведь представительницы этой профессии мне представлялись исключительно толстыми и с красным лицом от вечного стояния у очага (так как плиты в доме не было и её покупка не планировалась в ближайшие сто лет). Кухарка Хантов была вполне себе обычной, без каких-либо ярких черт.

– Это ваши кролики... – начала я, как студент, зацепившийся за слова экзаменатора.

– Не то чтобы мои, – женщина немного сбилась с воинственного настроения. – Они ваши, а готовить-то их мне надо. А они ещё не ободранные, не потрошённые. Ладно, их Кейт обдерёт и распотрошит, но самая ответственная часть всё равно на мне... Сэр, ваше рагу удирает, ловите!

Я дёрнулась и, грохнувшись на бок, схватила беглеца. У, какой шустрый! А с виду не скажешь...

Рагу.

– Подождите, так же нельзя. Они же живые!

– Не беспокойтесь, из вашей тарелки они не выпрыгнут. А теперь кладите их в коробку и несите обратно.

Я прижала к груди обоих кроликов.

– Не отдам!

– Бросьте, что за глупости? Конечно, отдадите и ещё благодарны мне будете за вкусный обед.

– Я не дам вам их убить!

– Да что вы, в самом деле! Я же не собаку вашу потушить с овощами задумала.

Тоби запрокинул голову и горестно завыл.

– Сэр, вы же не носите траур по каждой съеденной курице? Это еда, и по ней плакать не надо.

Не спорю, кухарка была права. Я люблю мясные продукты и ни за что от них не откажусь, но я же дитя каменных джунглей! Мне нет дела до того, что куриная ножка с золотистой корочкой когда-то была в перьях и вполне себе бегала. Или топталась на месте, как там их на птицефабриках выращивают? Короче, я бы и этих кролей схарчила за милую душу, если бы не увидела их живыми.

И всё равно не отдам. Хотя руки под их тяжестью уже готовы отвалиться.

– Тогда скажите мне, зачем вы развели этот зоопарк? – я была просто в отчаянии. – Почему на кухне были животные, а не дохлые тушки? Это даже негигиенично!

Женщина со вздохом покачала головой.

– Простите мою дерзость, только в готовке я побольше вас разумею. Так мясо свежее будет. Сейчас жарко, всё портится быстро,

если вовремя не использовать.

– Я не позволю вам совершить убийство! Пушок и Шустрик будут жить!

– На крестины позвать не забудьте. И мне это надоело! Без них мне придётся придумывать другое блюдо для обеда, а у меня продуктов в обрез, я же экономлю.

Я выпустила кроликов, потому что они стали рваться на волю и держать их было уже невозможно.

– Признаю, мой косяк. Давайте я предложу вам альтернативу и помогу с готовкой, а животных обижать не будем?

Сказать проще, чем сделать.

В кулинарии я почти ничего не смыслю. Максимум, на что я способна, это сделать омлет, пожарить бутерброд в микроволновке и приготовить нетрудную закуску вроде рулетиков из лаваша с крабовыми палочками. Сварганить пирог или утку по-пекински мне слабо, я даже духовкой пользоваться не умею.

Вот я людей подставила... Да ещё вызвалась всё исправить. А ломать, как говорится, это вам не строить. И о кроликах теперь придётся позаботиться, как будто мне того приюта мало. Что же делать?!

Кухарка миссис Девидсон показала мне тетрадь с меню и рецептами, которую исправно вела, подходя к работе со всей ответственностью. Потом продемонстрировала имеющиеся продукты. Я, как идиот, тыкала в них пальцем и предлагала провести рокировку, что миссис Девидсон воспринимала в штыки. К овощам она была почти равнодушна, а вот к мясу отнеслась, пожалуй, слишком ревностно. У неё, мол, ничего лишнего нет.

– Думайте, думайте. Времени мало остаётся, – мстительно сказала кухарка.

Я в который раз проглядела написанное убористым почерком меню.

– А что, если вы говядину для ужина не запечёте, а отварите? Тогда бульон сгодится на суп, да и для здоровья так полезней.

– Посоветуйте конкретное блюдо. Мне некогда фантазировать, давно пора к приготовлению ланча приступить, а мы с вами языками

чешем. И учтите, простой бедняцкий суп, куда брошено что под руку попало, ваших родителей не устроит.

– Так зачем бедняцкий? Давайте борщ сварим. Он вкусный, выглядит красиво и... экзотический.

Я вкратце поведала о заморском кушанье и, что вообще зашибись, получила одобрямс.

– Хорошо. Хм... Капусты у нас мало, а свеклы совсем нет. Я её редко куда кладу. Дайте Кейт денег, она сбегает на рынок. Вот мясо бы ей покупать не доверила, а нормальные овощи от гнилых она уж как-нибудь отличит.

Девчонка лет шестнадцати спешно закончила драить сковородку и с любопытством в небесно-голубых глазах подскочила к нам. Была бы собачкой – завиляла бы хвостом, показывая свою готовность выполнить любое поручение.

– Я пойду с ней. Вместе всё купим, – заявила я.

Миссис Девидсон усмехнулась:

– Даже так?

– Мужик сказал – мужик сделал! Обещаю, я принесу вам самую лучшую капусту и свеклу во всем Лондоне!

Наскоро собравшись (без пиджака и шляпы местные меня точно бы приняли за сумасшедшего), я отправилась на рынок. Моя спутница предложила мне идти чуть поодаль, чтобы люди не думали, что мы вместе.

Ох, похоже, Кейт из того же монастыря, что и горничная сэра Эндрю.

Я попыталась прощупать почву.

– Боишься, что я тебя обижу?

Она отвернулась от меня, уставившись в пустую корзину. Напряжённо сжала её ручку.

– Так будет правильно. Сопровождать джентльмена не может такая, как я.

– Слушай, оставь ты это мракобесие. Нормальная ты. Если хочешь знать, мне не стыдно с тобой идти.

– Люди могут не то подумать...

– А мне пофиг на людей, и им должно быть на нас пофиг. Нечего совать нос не в своё дело.

Девчонка не стала со мной спорить, и несколько минут мы с ней вообще не разговаривали.

В городе было по-прежнему многолюдно и шумно. Туда-сюда раскатывали экипажи, повинуюсь только им понятным правилам дорожного движения. Пешеходы отличались контрастной разномастностью. Были как и нарядно одетые леди и джентльмены, так и личности весьма сомнительного вида. На перекрёстке, на углу булочной, надрывался пожилой волынщик, рядом с ним под заунывно-визгливую музыку неуклюже отплясывал явно нетрезвый товарищ. Через дорогу играл на флейте конкурент – паренёк в таком пыльном костюме, будто долго валялся в нём по земле.

Небольшая группа детей и взрослых толпилась у аляповатой будки, в широком окошке которой уродские куклы, дико вереща, колотили друг друга палками и дубинками. Ребяшня просто покатывалась со смеху, глядя на представление местного Петрушки. Ой, детки, вы ещё мультики не видели...

– Куда красивый джентльмен так спешит? – цыганка выросла передо мной, словно гриб после дождя. – Дай ручку, золотой. Сара тебе всю правду расскажет.

С цыганами нельзя разговаривать. Надо, не раздумывая, пробежать мимо...

Не успела я прийти в себя, как моя рука оказалась сжата в цепкой смуглой лапе.

И в глаза им нельзя смотреть. Мою однокурсницу одна такая ромала заставила отдать все деньги из кошелька и золотые серёжки с колечком.

Глаза цыганки были почти чёрными, ресницы – длинными и густыми на зависть всем красавицам. Я даже морщинки на уголках как следует разглядела.

Отвернуться. Надо отвернуться!

Однако и тут меня опередили. Она вдруг заткнулась на полуслове и с воплем «Дьявол!» понеслась прочь.

Что? Она меня испугалась?

Да они же народ чувствительный к сверхъестественному!

– Подожди! Вернись!

Я рванула за ней в погоню. Наперёд скажу, что неудачно. Выцветшая шаль цыганки быстро пропала из поля зрения, да ещё

меня, к ужасу Кейт, чуть не сбил кеб.

Ну что ж. «Прощай, цыганка Сэра».

– Мистер Хант, что же вы делаете! – Запыхавшаяся от бега девушка смотрела на меня больше с испугом, чем с раздражением. – Вы же чуть не убились!

– Мне надо было её догнать...

– Ах! Карманы, карманы проверьте!

Ясновидящая Сара явно облажалась, не тронув вещи Бена. Часы и портмоне с деньгами были в целости и сохранности.

– Платка нет, – замогильно прошептала Кейт.

– А?

– Она украла ваш платок!

Что за бред! Кому и зачем может понадобиться воровать чужие платки?^[2] Так срочно высморкаться понадобилось?

– Да забей. У меня не было с собой платка. Я хотел... хотел понять, почему она меня испугалась.

Кейт заправила за уши курчавившиеся светлые прядки.

– Наверное, она увидела констебля и его испугалась, а не вас.

Ага, конечно. Вряд ли уличная гадалка со стажем будет в таком случае орать благим матом. Логичней было бы тихонечко смыться, разве нет?

На рынке я полностью доверилась Кейт. Она провела меня между рядами и сама выбрала подходящие овощи. Я расплатилась и, несмотря на вяканье служанки, сама понесла корзину с покупками.

– Не надо, сэр! Вы будете глупо выглядеть.

– Я буду выглядеть как сволочь, если леди будет вместо меня таскать тяжести.

Девчонка в который раз за день посмотрела на меня с недоумением.

– Что вы! Как я могу быть леди, я же всего лишь прислуга.

Упс. Промахнулась. А я-то считала, что любая женщина здесь леди. Типа как гражданка или что-то вроде этого.

Я попробовала выкрутиться.

– Но ты же не будешь всю жизнь мыть полы в чужих домах.

– Мне придётся всю жизнь работать, потому что у меня никогда не будет богатого мужа. А женщина, которая работает, не может быть

леди.

Ну, блин, люди, так нельзя! Двадцатый век не за горами, а у вас тут средневековый домострой. Одну чуть замуж насильно не отдали, другая думает, что жизнь кончена. Ещё чуть-чуть, и я начну тихо ненавидеть мужчин!

Чтобы как-то загладить вину хотя бы перед миссис Девидсон, купила у девочки-торговки свежий цветок. Кухарка посмеялась над моим подношением, однако приняла его и поставила в стакан с водой.

Моя помощь не ограничилась одним только походом за необходимыми ингредиентами. Я вызвалась помочь непосредственно с приготовлением борща, хотя до этого варила его всего раз в жизни. Скай любит готовить, и однажды мне пришлось быть её ассистентом в столь важном деле. В принципе, ничего сложного, особенно когда работаешь в команде под руководством опытного повара. Миссис Девидсон поначалу скептически отнеслась к причуде «мистера Ханта», но быстро подобрела, увидев, как я ловко чищу картошку.

С момента нашего знакомства настроение кухарки заметно повысилось.

– Ох, мы с вами как три ведьмы из этого, как его...

– Из «Макбета», – подсказала Кейт, следящая за пережаркой.

Так, «Макбет», «Макбет»... Что-то знакомое. Шекспир, что ли?

– Читать любишь? – спросила я.

– Не читала эту пьесу, – с грустью вздохнула девушка. – В театре видела. Давно.

Наша культурная беседа была внезапно прервана появлением горничной. Та сообщила, что хозяйка ждёт Кейт в гостиной, и по-человечески с сочувствием добавила:

– Страсть как злится.

Бедная девушка нервными движениями вытерла руки о полотенце и, не сказав ни слова, пошла за порцией взбучки. Я бросила кромсать картошку и увязалась за ней. Что я, не смогу выгородить свою новую подружку? Тем более что так могло разозлить миссис Хант, если она только-только вернулась домой?

Атмосфера в гостиной была гнетущей, как на картине Решетникова «Опять двойка». Миссис Хант пребывала в таком смятении, что даже не сняла шляпки и перчаток, и теперь парилась в прямом и переносном смысле. Рядом с ней стоял дворецкий Хопкинс,

мужчина лет тридцати пяти, напоминающий в своём чёрном фраке приболевшую ворону.

– Душечка, это же была моя любимая ваза! – воскликнула миссис Хант, едва увидев Кейт. – Итальянская, с Мадонной! Мне её муж подарил на именины одиннадцать лет назад. Я так дорожила этим подарком, и вот что ты, негодница, наделала!

– Не понимаю... – еле слышно вымолвила служанка.

– Разумеется, вы ничего не понимаете, – каркнул дворецкий, – ваше дело аккуратно наводить порядок, а не разбираться в антиквариате.

Я отодвинула онемевшую от страха Кейт в сторону и вышла вперёд.

– Для начала объясните, что произошло.

Морщины на лбу Хопкинса как будто стали глубже.

– Она разбила вазу, которая стояла на консоли у окна. Антиквариат, между прочим, восемнадцатый век.

– Это не я, – по-детски пискнула Кейт.

Реально я ожидала от неё более возмущённой речи. Будь я на её месте, сразу бы дала всем понять, что ни фиги не причастна.

– Да вы что? – я постаралась как можно натуральней изобразить удивление. – Ту самую, итальянскую? Которую папа подарил маме на именины?

У миссис Хант на глазах выступили слёзы.

– Дорогой, ты помнишь!

Ну конечно помню. Она же только что об этом сказала! Так, не отвлекаемся.

– А вы уверены, что это сделала именно она? В доме же есть другая прислуга. И ещё дети, собака...

Дворецкий гордо задрал горбатый нос.

– Я всё видел собственными глазами, а моим словам можно верить.

– Можно, но не нужно, – я не стала затягивать спектакль, потому что девчонку начало мелко трясти. – Мама, нас опять обманывают. Кейт не могла разбить вазу. Как только она пришла на работу, я её взял с собой на рынок, чтобы она помогла мне кое-что купить. И потом вплоть до этой секунды мы были вместе, друг у друга на виду.

– Сэр, вы выбрали не лучший способ, чтобы добиться расположения этой девицы. Ваша клевета вас совсем не красит.

– Зато вам она подходит идеально, – огрызнулась я. – Врёте и не краснеете. Лучше скажите честно, вы очерняете девушку из-за того, что она отказала вам в близости, или вы решили свалить на неё вину за исчезновение ценной вещи хозяев, потому что она не может себя защитить?

– Полно вам, сэр. Возьмите себя в руки.

Я чуть ли зубами не скрипела от злости. На сто процентов уверена, что Кейт ни при чём, а эта сволочь во фраке пытается выйти сухим из воды.

– Повторяю, мы с ней ходили на рынок. Это было её первое поручение за день.

– На рынок? – очнулась миссис Хант. – Господи, сынок, что ты там делал?!

«...в таком значном месте!» – мысленно добавила я.

Прежде чем ответить, я силой усадила служанку на диван. А то бедняжка совсем в ступор впала от происходящего, того и гляди в обморок брякнется.

– Не понимаю, что в этом странного. Утром я вспомнил, что когда-то ел борщ, и мне его вдруг захотелось. Вот безумно захотелось! Это суп такой, если вы не в курсе. Миссис Девидсон была так любезна, что предложила сварить его, но ей не хватало кое-каких ингредиентов. А я решил проконтролировать процесс.

Ну да, приврала чуток. Но ведь история про спасённых от смерти кроликов смотрелась бы ещё более неправдоподобно!

Ай да я, ай молодец!

Однако Хопкинс поспешил испортить мне малину.

– Миссис Девидсон определённо встанет на вашу сторону, так как побоится расчёта. Видите, в данной ситуации нельзя верить ни мне, ни вам.

Ах ты ж... Миссис Хант, может быть, поверит мне, я же исполняю обязанности её сына. Но если ваза была ей слишком дорога, я уж не знаю, что делать.

Настоящие детективы не пасуют перед сложностями. Нужно искать мотивы и улики. Потяну-ка за единственную верёвочку...

– Где осколки? – Я попыталась вложить в короткую фразу как можно больше смысла: «Покажи немедленно, не то в бубен получишь!»

Ответ меня не удивил. Выкинул. На этом можно было бы закончить расследование, так я ж настырная! Дактилоскопическую экспертизу я бы всё равно не провела, но у меня больше не было идей, кроме как взглянуть на останки итальянского шедевра.

И когда я уже была готова у всех на виду сесть в лужу, ваза нашлась... в каморке дворецкого. Целая! Нет, Хопкинс не собирался таким образом украшать своё рабочее место, его явно привлёк материальный вопрос – на его столе, как по заказу, лежало несколько талонов с тотализаторов. О, боксом чувак интересуется. М-да, не доводит этот вид спорта до добра.

Не думала, что когда-либо признаю это, но моё расследование благополучно завершилось благодаря маменьке. Наученная горьким опытом, она настояла на обыске.

Сакральный смысл сего преступления дошёл до меня позже. Я ела борщ, и от расслабляющего чувства насыщения мой мозг стал думать более или менее логично, а не поддаваясь эмоциям. На первый взгляд дворецкий совершил тупой поступок, но по сути же гениальный. Спереть что-то в доме Хантов не так-то просто, у них вот серебро столовое помечено, на каждой ложке вензель «Н», Hunt то есть. Если будут нормально искать, всплывёт где-нибудь, или вообще никто не приобретёт у вора такое палево. А с вазой в этом плане проблем гораздо меньше.

Миссис Хант была на седьмом небе от счастья.

«Сын» «вспомнил» её любимую вазу и какой-то экзотичный суп.

Глава 6. Старый новый друг

«Зуб даю, их было пятеро!»

Из рассказа Стэнли Проныры

Я уважаю чужие привычки ровно до того момента, когда мне пытаются их навязать.

Например, Скай не раз отчитывала меня за нежелание бегать по утрам в парке и называла ленивой ж... женщиной. То, что я и так каждое утро совершаю чемпионский забег по квартире с криками «Куда я это задевала?!» – для неё не аргумент.

А с Хантами я чуть не разругалась из-за воскресного похода в церковь. Ну зачем меня туда тащить, я даже некрещёная! Сходили бы сами и не трепали бы мне нервы. Так нет же, все по воскресеньям ходят в церковь, и я как бы должна. Я – не все! Уважайте мои религиозные чувства! Да-да, я не стопроцентный атеист, и в моём понимании человек должен осознанно и тем более по доброй воле идти в храм, а не тупо копировать действия толпы.

Битва была проиграна, едва начавшись. Я же не могла объяснить им свою точку зрения! Мнение приبلудной Вари их даже не заинтересует, я-то по-прежнему в чужом теле.

Моей душенькой овладело сладкое злорадство, когда я стала разглядывать лица прихожан. Ни одного счастливого. Все какие-то утомлённые, нервные. Женщины по большей части пытались успокоить маленьких детей, которые во всеуслышание жаловались на жаркие костюмчики и колючие чулки, а те, кто пока говорить не научился, просто орали. Не легче приходилось мужчинам, по ним было видно, что они не так хотели бы провести выходной день. Даже выспаться у них не получилось.

Ну хотя бы стоять, как в наших церквях, не надо. Буду сидеть и представлять, что я на очень скучной лекции... Только на лекциях можно было читать книжки и рисовать, а тут придётся страдать по полной программе. Поскорей бы уже началась проповедь или как там это называется.

– У тебя такой вид потерянный, – шепнула Чарли, стоило мне сесть рядом с ней.

– Не узнаю это место. Считай, впервые вижу католическую церковь.

Девушка шлёпнула меня по коленке молитвенником. Ой, кажется, крест из бисера на коже прям сквозь штанину отпечатается.

– Бен, при родителях так не скажи. Мы же англиканцы. Неужели ты и это забыл?

– Прости. Просто помню, что не православные.

Она не ответила. Жаль, если расстроилась, она же любит брата. Спасибо, что не вредничает, как Джон, и не причитает, как миссис Хант.

Вскоре к нам подсели остальные члены семьи. Как назло, миссис Хант не придумала ничего лучше, чем приземлиться рядом со мной.

– Посмотри туда. Видишь, там мисс Даффи. Говорят, очень хорошая девочка. Как тебе?

И у кого из нас, спрашивается, проблемы с памятью? Как я пойму, кто из присутствующих дам мисс Даффи? Методом исключения? Убираем всех старых, мадонн с младенцами, Чарли, и вуаля – я найду хорошую девочку.

К счастью, мне не пришлось отвечать. К кафедре вышел пожилой священник, и голоса живо стали стихать. Даже детвора замолкла, словно этот персонаж внашум им трепет.

Так, на счёт «три» погружаюсь в чертоги разума. Местный батюшка не препод, прикапываться ко мне по мелочам не будет.

Столько всего предстоит обдумать... Сегодня надо поехать в приют, проверить обстановку. Со слов миссис Хант, им теперь занимаются серьёзные люди, но у меня уже паранойя развивается из-за повсеместного обмана. Не успокоюсь, пока лично всё не проконтролирую.

А нужно ли мне это? Мне ж домой надо. В теорию квеста я давно верить перестала, так что неважно, совершу я двенадцать подвигов или нет, всё равно чуда не произойдёт. Вывод: стоит поискать чудо самостоятельно. Не зря же цыганка что-то во мне разглядела. Это значит, мне предстоит найти человека, обладающего сверхъестественными способностями и необходимыми знаниями. Эх, был бы со мной Данька, он рассказал бы мне не одну

древнеегипетскую легенду. Да что я несу! Братишка поумней меня, однако он всё-таки ребёнок, а желать ребёнку участи, подобной моей, грех. О, вот и слово из проповеди выцепила.

Почувствовав, что тело без движения начинает деревенеть, я немного поёрзала и украдкой посмотрела по сторонам. Кто-то смотрит священнику в рот, кто-то изучает свои колени. Я чисто из любопытства заглянула в открытый молитвенник Чарли и чуть не прыснула от смеха: девушка втихаря читала не религиозный текст, а роман. На его страницах красочно описывалось, как пиратский корабль терпит крушение в ужасный шторм. Чарли внезапно оторвалась от чтения, слегка повернула голову в мою сторону, и мы обменялись понимающими улыбками.

– Пригодилось мамино рукоделие, – тихо-тихо шепнула Чарли и погладила бархатную ткань обложки.

Я чуть не хрюкнула от смеха. Рукоделие миссис Хант – это катастрофа, равносильная стихийному бедствию. Раньше, когда я видела в социальных сетях посты на тему «Как сделать из пивных пробок картину» или «100 500 способов красиво сложить салфетки», то искренне недоумевала, кому это нужно. Будь мама Бена завсегдатаем «Контакта» и «Одноклассников», она бы весь этот кошмар воплотила в жизнь. В свободное время (а его у неё было много) она вышивала, вязала, занималась пэчворком, а вчера вечером села в гостиной сооружать собор Святого Павла из птичьих косточек. И делала она всё как утка – плохо. Вроде и ходит, и плавает, и летает, а результат не такой, чтобы все ахнули. Один из её шкафов похож на филиал музея программы «Поле чудес», я в первый раз даже подумала, что это детские поделки. А вот и нет, сама мадама развлекается.

Ладно, нечего время зря терять. Раз домой я сегодня вряд ли попаду, надо подумать над репертуаром сказок на ночь. Несмотря на то что я в классического «Хоббита» впахнула Леголаса и джексоновскую Тауриэль с Кили, история подходила к логическому концу. Или не совсем логическому, потому что по велению левой пятки я решила обеспечить влюблённой парочке хеппи-энд. «Властелина колец», наверное, не буду трогать, а то в моём исполнении эта «Санта-Барбара» на годы растянется. Пора подумать, как адаптировать «Гарри Поттера», хотя бы первые две-три книжки...

О-о-о, когда же эта нудистика закончится? Мне уже душно и хочется размяться.

А может, помолиться, пока есть возможность? Я, правда, не умею...

За следующие несколько минут я так и не выучилась этой премудрости. Все мои неуклюжие попытки обратиться к Богу больше подходили для письма Деду Морозу: «Хочу домой», «Я буду хорошо себя вести» и всё в таком духе. Лучше не буду позориться.

Что? Дядечка за кафедрой замолчал, и все расходятся? Ура!

Не обращая внимания на кудахтанье миссис Хант, я едва ли не бегом ринулась к выходу. Свобода, наконец-то!

– Что это с тобой? – Рядом со мной на пороге церкви нарисовался Джон. – Побежал, как чёрт от ладана.

– Тебе какое дело?

– Видишь ли, меня немного беспокоит то, что мой прежде любезный брат начал грубить...

– Твой нынешний брат – идиот, который постоянно забывает, что такое «вексель», так что расслабься, наследничек.

Прежде чем ответить на мой выпад, Джон довольно долго разглядывал меня, словно пытался понять, стоит ли прибегнуть к помощи экзорциста.

– Раньше ты был редкостным занудой, однако общаться с тобой было приятней. Хочешь послушать мнение со стороны?

Я благосклонно кивнула.

– Валяй.

– Не скрою, меня всегда раздражало то, что тебя вечно ставили мне в пример. Это унижительно для старшего. Руки чесались тебя избить всякий раз, когда родители говорили, что ты, в отличие от меня, делаешь успехи в учёбе и радуешь их примерным поведением. Но сейчас я смотрю на тебя и испытываю тошнотворную жалость. И знаешь, почему? Я не узнаю тебя. Я вижу перед собой человека с внешностью Бена, но ты – не Бен. Ты некое примитивное существо, схожее манерами с собакой.

Оу, и как мне реагировать на сей комплимент? По-братски по морде захватить или со слезами броситься жаловаться мамочке?

Хе. А с кем бы он меня сравнил, если бы знал обо всех моих чудачествах за последние дни?

Я скрестила руки на груди, как бы стремясь обуздать оскорблённое чувство собственного достоинства.

– Всё сказал? – мой голос прозвучал на удивление строго. – У примитивного существа ещё много дел. Примитивное существо занимается обустройством детского приюта и будет очень благодарно, если ты также примешь в этом участие. Труд сделал из обезьяны человека, может, и из тебя что-то путное выйдет.

Джон сделал вид, что не обиделся на колкость. Оно и понятно, ему и обезьяной неплохо быть.

– Что-то от тебя прежнего. Привычка давать советы.

Мурлыкая под нос незнакомый мне мотивчик и мерно постукивая тростью, он пошёл вдоль по улице. У него под ногами путались суетливые воробьи, но он и не думал их обходить, как остальные прохожие. Пташки отпрыгивали от парня, возмущённо чирикая, а он всё шёл дальше с естественной грацией человека, привыкшего жить по своим правилам.

Дома нас ожидал сюрприз. Нет, не так. Меня ожидал сюрприз.

Горничная Джейн сразу доложила о визите гостя, которому не осмелились предложить прийти тогда, когда вернутся хозяева. Он якобы был приглашён Беном именно к этому времени.

Мистер Хант, ворча, удалился в свои покои, а его супруга повела детей переодеваться. К счастью, Чарли не бросила меня. Вместе будет легче отшить ненужного гостя.

В гостиной незнакомый мужчина играл с Тоби. Я даже ощутила укол ревности, глядя на то, как пёсик лижет ему руки и виляет хвостом. Заметив наше присутствие, гость поспешно поднялся с колен. Совершенно без смущения, с улыбкой, оставшейся от игры.

И тут, как пишут в любовных романах, «наши глаза встретились».

В подсознании играет песня Roxette «Listen to your heart». В первом кадре, в режиме слоу-мо, я с лёгкими макияжем, в лёгкой, почти воздушной блузе и с развевающимися на ветру волосами. В следующем – он. Красивый синеглазый шатен с открытым лбом и притягательными нежно-розовыми губами.

Эй-эй-эй! Я сейчас в мужском теле, и мне нельзя стрелять глазками.

– Простите, я вас не узнаю, – с искренним сожалением от порушенных мечтаний ответила я на его приветствие.

– Брат недавно получил травму головы и страдает провалами в памяти, – пришла мне на выручку Чарли. – Будьте добры, представьтесь.

– Охотно, – незнакомец немного пригасил улыбку. – Освальд Тёрнер к вашим услугам. Очень сочувствую вашему несчастью и приношу глубочайшие извинения за столь бесцеремонное вторжение. Если моё присутствие неуместно, я без обид покину ваш дом.

Чарли уставилась на меня с невысказанным вопросом во взгляде. Право выставить приятеля Бена за порог предназначалось мне.

– Остайся. Мне как раз нужен тот, кто поможет всё вспомнить.

Сказала и тут же мысленно отругала себя. У меня же был совсем другой план действий, мне надо найти человека, который поможет вернуться в двадцать первый век, а не цепляться за жизнь Бенджамина Ханта.

И всё из-за того, что этот Освальд Тёрнер на миг вскружил мне голову.

– Я был бы рад оказаться вам полезен в этом деле, но, увы, ничего не обещаю, – виноватым тоном ответил он. – Мы с вами познакомились недавно, и я о вас почти ничего не знаю.

Блин, он что, так вежливо отказывается? Так же, как Джон, не хочет иметь дело с психом?

Бедная я, несчастная!

– Да, у меня проблемы с памятью, но в целом я нормальный. Я не ем землю и не вою на луну по ночам.

– Отрадно слышать, – повеселел гость. – По крайней мере, ваше чувство юмора никуда не делось. Не хотелось бы прерывать наше общение, вы мне с первого взгляда очень понравились.

Супер, я ему нравлюсь! Как здорово, у меня словно выросли крылья... Ой, я же парень. Освальд сбежит, сверкая пятками, если заподозрит во мне гея.

Убедившись, что незнакомый джентльмен достоин моей компании, Чарли покинула нас. То ли он не произвёл на неё такого впечатления, как на меня, то ли она посчитала, что навязываться к мужчинам неприлично. Позже у неё спрошу, поболтаем по-девичьи.

– Значит, вы не отрицаете, что мы знакомы, – сказал Освальд, усаживаясь в кресло и закидывая ногу на ногу.

– Зачем мне это отрицать? Я даже родственников с трудом узнаю.

Ну вот, опять потеряла бдительность. Мы с Хантами договорились не кричать о потере памяти на каждом углу, чтобы избежать порочащих репутацию семьи сплетен.

Чувствуя неловкость, я села на диван и рассеянным движением погладила Тоби.

Да что со мной такое? Никогда раньше не смущалась при мальчиках! Да и не влюблялась, если честно...

– Бенджамин...

– Бен. Называй меня так, ладно? Мне так спокойней.

– Хорошо. Тогда и ты сделай кое-что для меня.

– Что же?

– Называй меня Озом. Так будет честно.

Мы с ним точно подружимся! Второй адекватный человек после Чарли в этом дурдоме!

Узнав, что Оз сын пэра, мистер Хант проявил к нему благосклонность, пригласив присоединиться к нашей трапезе. Серьёзно, не могу сказать, кто такой пэр и чем занимается. В школе топик про политическую систему Великобритании был у меня на втором месте по нелюбимости. Первое занимал топик «Environmental protection».

Миссис Хант тоже осталась довольна Озом. Она пребывала в непоколебимой уверенности, что её хороший мальчик Бенни просто не может связаться с негодяем. Если бы её вовремя не одёрнул муж, она бы ещё долго заливалась соловьём, вгоняя окружающих в краску. Зато Чарли по большей части молчала и поддерживала беседу слишком вяло. Неужели ступевалась перед незнакомым мужчиной?

Ну хорош ведь, как с картинки! А какие у него манеры: держится уверенно, но при этом не вызывающе. Я уже хочу познакомить его со своей мамой!

Да что же это... В любом случае я не смогу взять его с собой, так что придётся держать себя в руках.

А он как будто специально меня дразнит. Взял и сам навязался поехать со мной в приют. Видите ли, его сильно впечатлил рассказ

миссис Хант о моих добрых делах. А я чего? Мне с ним будет веселей.

В приюте всю кипела жизнь. Мужчины и женщины, нанятые подружками миссис Хант, наводили чистоту и порядок. Дети, которых я поначалу не узнала, от них не отставали. Никто без дела не сидел, даже самые маленькие помогали и, судя по их довольным мордочкам, работали они не из страха получить палкой по спине.

При виде этой картины у меня аж от сердца отлегло. При всём моём оптимизме я опасалась увидеть безлюдное здание или то же, что и в прошлый раз.

В первую очередь я прошла на кухню и приятно удивилась переменам. Вонючий запах, к сожалению, до сих пор нормально не выветрился (видимо, въелся во всё, что можно и нельзя), зато теперь было более или менее чисто. Женщина лет сорока с убранными в строгую причёску волосами самозабвенно занималась варкой горохового супа. Услышав наши с Озом шаги, она отвлеклась от своего занятия и, не дожидаясь вопросов, показала продукты и даже предложила снять пробу. Я поверила на слово: во-первых, побоялась обжечься, а во-вторых, аромат из кастрюли говорил сам за себя. Следующим пунктом я проверила спальные места.

– Ну хоть бельё новое, – резюмировала я.

– Это только начало. Рим не в один день построили, – подбодрил меня Оз. – Скоро это место будет не узнать. Хм, знаешь, я раньше не отличался тягой к благотворительности, однако сейчас не могу удержаться.

– Отлично! Пойдём с уборкой поможем, там ещё работы непочатый край.

В глазах Оза появились искорки азарта.

– Два джентльмена будут на виду у всех работать руками?

– А чем же ещё? Или они у тебя чтобы перчатки носить?

Не, а чё? Малявки пашут, а мы, два здоровых мужика, будем прохлаждаться? Вот фигушки.

Я за нас обеих решила, что нам лучше заняться уборкой территории. Нечего малышня туда пускать, ещё стекло какое-нибудь найдут и порежуются. Долговязый парень с обветренными губами и загорелыми руками поразился таким помощникам, однако всё же обрадовался, и следующие полчаса мы втроём разгребали мусор во дворе. А мусор здесь, по ходу, годами копился.

– Ох, и куда же это девать? – простонала я, когда мы набили доверху ещё один кособокий ящик.

– Так отдать можно, – подсказал парень.

– Это? – Я с сомнением оглядела ящики, из которых торчали деревяшки, куски старой мебели и обломки кирпичей. – Да кому это говно нужно?

Тот цыкнул языком.

– Если подождёте чуток, всё сделаю.

– Ну-ну. Делай.

Примерно через пятнадцать минут у ржавой изгороди приюта появились несколько бомжей. Видя, что их привёл наш работник, я разрешила им зайти. Как он мне чуть позже объяснил, нищие могут сдать весь хлам куда-то за деньги. На вторсырьё или что-то вроде. Вот и чудненько: у нас чисто, и у этих бедолаг небольшой заработок.

Я отошла от ящиков на почтительное расстояние, так как пахло от товарищей далеко не розами, да и их увлечённое копание в мусоре возбуждало брезгливость. А они, наверное, только так и зарабатывают на жизнь – вон, у каждого по корзине разной степени изношенности.

– Давно у меня не было такого весёлого воскресенья. – Обтерев ладони платком, Оз смял его и швырнул в один из ящиков. – Каждый раз одно и то же. А тут новые места и новые знакомства.

– Нам бы телешку. Полехше тащить будет, – прошамкал босяк, обряженный в ветхий сюртук с оттопыренными карманами. И пальцем на нашу тачку указал.

Я категорично покачала головой.

– Нет, господа хорошие, уж как-нибудь сами. Упрёте нашу тачку, и ищи-свищи вас.

– Бен, ты строгий руководитель, – отметил Оз.

– Будешь слишком добрым, и тебе на голову сядут.

– Лучше и не скажешь.

Оз снял с ветки квёло растущего дерева свой пиджак и, встряхнув его, оделся. Я поняла намёк и последовала его примеру. Пора и честь знать.

– Извини, ты ведь не на такую встречу рассчитывал.

– Не буду лукавить, я думал, всё пройдёт иначе. Зато впечатлений теперь на всю оставшуюся жизнь хватит.

И не сердится же. Точно воспринимает недостойное для джентльмена времяпровождение как приколы. Вот, а говорят, все англичане чопорные снобы. А Оз только на первый взгляд кажется недоступным идеалом. Правда, не совсем вникаю, зачем он с собой таскает короткую тросточку. У Джона и то посерьёзней аксессуарчик будет. Эх, понты, такие понты.

Неудобно-то как. Потасился со мной в такую дыру.

Я перепрыгнула мутную лужу сомнительного происхождения. Ну и люди здесь живут, просто свиньи! Ой, кто-то хрюкает поблизости или мне послышалось?

Поскорей бы выйти на какую-нибудь большую улицу, где можно поймать кеб. Никакого удовольствия тащиться по улочкам, где нищета бьёт по глазам, носу и ушам.

Главное не ныть. Оз держится молодцом, и я буду.

Такие же серые и неказистые, как окружающий пейзаж, подростки подошли к нам и, нагло ухмыляясь, взяли в кольцо.

Твою ж... Сейчас начнётся. «Как пройти в библиотеку?», «Который час?» или «Есть закурить?».

Я не стала дожидаться верного варианта.

– Дайте пройти.

Прыщавый гопник лет шестнадцати нагло ощерился в ответ. Фу, да у него зубы нечищенные!

– Не проходите мимо обездоленных, добрые джентльмены. Не хотите ли пожертвовать немного денежек?

Его подельник, чуть помладше, с долей растерянности в глазах продемонстрировал нам кухонный нож. Третий, рыжий пацан с оттопыренными ушами, скорчил рожу поборзей и многообещающе сунул руку к себе в карман.

– Часики, костюмчики. Всё возьмём, не побрезгуем, – гоготнул первый.

Что за дела! Куда полиция смотрит?!

– Да, да, конечно, – неожиданно быстро сдался Оз, отдавая рыжему трость. – Мы любим благотворительность. Правда, Бен?

Блин, а это явно камень в мой огород. Если бы не мой энтузиазм, ничего бы не случилось. Он никогда не простит меня и будет прав. Из-за него ему придётся добираться домой без денег, да ещё в исподнем.

И мне! Вот уж позорище, я умру со стыда! Прямо сейчас стеку по стеночке...

То, что я увидела в следующие секунды, взорвало мне мозг. Оз, сняв пиджак, накинул его на жадно протянутые руки, обмотав их, притянул нахала к себе и нанёс ему удар головой в лицо. Рассказываю долго, а всё произошло вот так – вжух!

Подросток с ножом испуганно вздрогнул, но всё же сделал шаг в мою сторону.

Зря. Ой, зря.

Сгорбившись, я растопырила руки и заревела, как дикий зверь. Мальчишка замер, словно наткнулся на невидимый барьер.

– Реальность иллюзия, вселенная голограмма, скупай золото!!! – проорала я голосом Джигурды.

Сопляк вскрикнул и бросился бежать. Его товарищи окончательно растеряли кураж, и их как ветром сдуло.

Оз подобрал трость и, сунув её под мышку, поднял с земли испачканный пиджак.

– Досадно, но несмертельно. – Он позволил себе легкомысленно улыбнуться. – А здорово ты их напугал. Я сам сначала не понял, что происходит.

Меня похвалили? Меня похвалили! Жизнь прекрасна!

Лишь бы сейчас не выглядеть кокетливой девочкой.

– Оз, ты только не думай, что я псих. Это была самооборона.

– Это было гениально.

– А ты круто ему вмазал!

– Предлагаю продолжить обмен комплиментами в другом месте. Мы здесь чужие, а за этими детишками стоят люди, которых наши с тобой трюки не смутят.

Мы с не свойственной приличным джентльменам прытью выбежали на забитую экипажами улицу.

– Как выберемся из этой клоаки, может, посидим в приличном пабе? – даже не отдышавшись, предложил Оз.

– Лучше в кофейне. Умираю как хочется кофе с тортиком, – выпалила я.

Вместо того чтобы поднять меня на смех, Оз, не выпендриваясь, принял моё предложение.

Да мы с ним спелись! Жизнь определённо налаживается.

А дома обязательно досмотрю «Гравити фолз», которому теперь обязана всем. Фантазия фантазией, а нужные слова иногда бывают банальными цитатами.

Глава 7. Аффтар жжот

«Эмма и Фредерик были самыми гадкими и непослушными детьми во всём Лондоне...»

Начало новой сказки мисс Боунс

Чарли неспешно разглядывала мои рисунки. Стопочка приличная накопилась, так как мой досуг в последнее время был сильно ограничен. А я, лёжа в обнимку с подушкой, не сводила глаз с её распущенных волос. Каштановые, с золотистым отливом, они покрывали её спину как шёлковый плащ. Красотища, всю жизнь о таких мечтала. Мои волосы тоже каштановые, но гораздо темнее и им не хватает лоска. Наверное, испортила, когда стала в старших классах баловаться краской и тониками. Будь я сестрой Чарли, обязательно бы расчесала эту красоту хоть разочек. Вот только я брат, и мне как бы не полагается так себя вести. Что за жизнь такая, я тут уже почти неделю, а всё никак не привыкну к викторианству, да и, если честно, тяжело строить из себя джентльмена. Я же, на крайний случай, леди!

Едва взглянув на очередной рисунок, Чарли вдруг разразилась смехом, за который матушка её бы непременно отчитала.

– Чё ржёшь, я тоже хочу! – Я отлепилась от подушки и, подпрыгнув на кровати, заглянула ей через плечо.

Оказывается, девушку насмешила сценка, нарисованная в чибби стиле. В маленьких большеголовых человечках с лёгкостью угадывались члены её семьи. Бен и Джон были связаны между собой длиннющим шарфом, и его кончик вёл к живо орудующей спицами миссис Хант. Над женской фигурой висело облачко с надписью «Теперь моим мальчикам будет тепло», а над её жертвами – «Мам, на дворе июль!!!».

– Ты никогда раньше так не рисовал, – выдавила сквозь смех Чарли.

От её реплики у меня пропало желание веселиться.

– Скажи, только честно. Тебе не противно со мной общаться?

– Что? Да как ты мог об этом подумать?

Она оторвалась от картинок и посмотрела на меня с укором.

– Ну... Джон говорит, что больше не видит во мне брата. Что я примитивное существо, занявшее его тело.

– Нашёл кого слушать, – вспыхнула Чарли. – Ты ничуть не изменился. Просто память иногда подводит. С кем не бывает?

Девушка притянула меня к себе и, обняв, чмокнула в лоб. Сопротивляться не было смысла, она по силе сама как парень.

– Бенни, всё в порядке. Ты всего лишь забыл о некоторых дурацких правилах, и тебя не сковывают приличия. Как бы мне хотелось оказаться на твоём месте...

Это уж вряд ли.

– Ты же не тупо меня утешаешь? Может, я на самом деле ужасный зануда?

– Ты зануда только для Джона и его недалёких дружков. Не обращай на них внимания.

Высвободившись из объятий, я вернулась к подушке. Пришла пора спросить то, что не давало мне покоя целый день.

– Чарли, а как тебе Оз?

– Оз? Тёрнер? – Она поправила ночную сорочку и села поудобней. – Никогда о нём раньше не слышала. У тебя не очень много друзей, ты более разборчив в связях, в отличие от Джона. И, честно говоря, я очень удивилась тому, что ты пригласил его к нам. Это мало на тебя похоже, ведь получается, что вы познакомились до того, как ты потерял память. Значит, уже тогда что-то произошло.

– А может, он так сильно мне понравился. Так как он тебе?

– И ты не теряешь надежду выдать меня замуж? – усмехнулась Чарли. – Зачем ему, самодовольному красавцу, такая как я? Портить породу? Да он даже не смотрел на меня.

Блин, из меня брат какой-то бестактный получается.

– Он не говорил с тобой обо мне?

– Нет, – призналась я, чувствуя, что начинаю стыдиться своих слов. Была бы девчонкой, разговор бы в нужную сторону пошёл, а так фигня выходит. – Но вы с ним даже не общались, так что не всё потеряно.

– Не переживай за меня, я всё равно не собираюсь замуж. Боюсь стать такой, как мама. Серьёзно, Бен! Я не хочу быть в тени мужа. Не хочу рожать ораву детей, чтобы избежать сплетен о постыдных болезнях и холодных отношениях с супругом.

У неё даже руки стали подрагивать. Большие сильные руки, не подходящие утончённой леди. Миссис Хант не раз при мне стыдила дочь за то, что краснеет из-за неё перед модистками.

– Мама довольна своей жизнью. Ей доставляет удовольствие даже её кривое рукоделие, а я так не могу.

– А что будет, если ты не выйдешь замуж?

– Останусь старой девой. Сначала в родительском доме, потом, если вы будете ко мне добры, кто-нибудь из братьев возьмёт меня к себе приживалкой.

Я как представила себя на её месте, у меня аж всё внутри похолодело. Одно дело быть женой, и совсем другое – жить у родственников на птичьих правах, изо дня в день слышать упрёки в свой адрес и терпеть змеиное шипение жён своих братьев.

Палка о двух концах. Выйдешь замуж – будешь мужу в рот заглядывать, не выйдешь – будешь кем-то вроде бесполезной старушки Мэгги. Вот средневековые нравы!

– Чарли, я постараюсь найти для тебя хорошего мужа, а не козла, который будет тебе всё запрещать.

– Хорошо бы, – то ли в шутку, то ли всерьёз ответила она.

Девушка вытащила из стопки рисунок, на котором я в анимешном стиле изобразила Тауриэль и Кили. Она с грустной улыбкой полюбовалась на влюблённую парочку киногероев.

– Если нравится, забирай.

– Спасибо, заберу... Ты сам их придумал?

– Не знаю, – не стала я присваивать себе лавры Толкиена и Джексона. – Может, в памяти всплыло. Читал или видел... в театре.

– А я люблю придумывать истории, – мечтательно произнесла Чарли. – Только я так стесняюсь, что даже тебе никогда об этом не говорила.

– Да ну?

– Ты знал, что я в детстве всякую чушь писала, и даже посмеивался надо мной. Но я это дело не бросила и до сих пор пишу. У меня несколько тетрадей-чистовиков. А недавно закончила первый роман.

И она стыдливо отвела глаза.

Да я обязана её поддержать, пусть её опусы и будут похожи на рукоделие миссис Хант в буквенном виде!

Договорившись о том, что утром она даст мне почитать свои рассказы, мы расстались.

Эх, не получилось нормально поболтать. Чарли, конечно, доверяет Бену, но мне-то надо разговаривать с ней как брат, а не как подружка.

Как же надоело быть другим человеком! Прикольно ненадолго примерить роль и совсем не прикольно остаться в чужом теле навсегда. Так ни с Чарли пооткровенничать, ни с Озом пофлиртовать.

В растрёпанных чувствах я погасила свет и стала в потёмках наводить порядок на кровати. Одеяло смято, подушка валяется не на положенном месте...

– Убирайся прочь, тварь!!!

Я выпрямилась от гневного окрика и огляделась по сторонам. В голове эхом проматывались эти слова, сердце бухало так сильно, что пульс болезненно давил на виски.

Никого. В комнате не было никого.

Я беспомощно села на пол, прислонившись спиной к кровати.

– Кто здесь?

Нет ответа. Только назойливый, как комариный писк, звон в ушах, и моё тяжёлое дыхание.

Тот голос. Он был мне знаком...

– Бен?

Догадка одновременно обрадовала и напугала меня. Я не угробила Бена, не отправила его душу в какое-то ужасное место. Он здесь. Со мной.

Хорошо это или плохо?

Я так долго ждала, когда Бен снова выйдет на контакт, что у меня закралась мысль о слуховых галлюцинациях. Естественно, подобное объяснение странного явления меня не устраивало. Я же явственно слышала его голос. Перепугалась, как героиня фильма ужасов, и даже умудрилась сильно обидеться. Из-за чего? А кому было бы приятно, если бы его ни за что ни про что тварью обозвали? Бедная Варешка ведь не виновата, что нечистая сила в виде кошачьей статуэтки запихнула её в чужое тело. Я тоже жертва. Маюсь в чужой семье, хожу на улицу ненакрашенная, в душе не моюсь, музыку не слушаю... И я

могу жаловаться до бесконечности, мой список претензий гораздо длиннее!

Однако я его понимаю. Не думаю, что я была бы в восторге от того, что в моём теле рулит кто-то другой. Наверное, это мерзко и стрёмно... Вдруг он в курсе всех-всех моих телодвижений? А-а-а, жу-у-уть! И всё равно я ни в чём не виновата!

На следующее утро я была так издёргана, что вцепилась в рассказ Чарли как в антидепрессант. Не очень благородно с моей стороны, зато ржач над графоманскими опусами в интернете всегда поднимал мне настроение. Что тут у нас? Лав-стори с фиалковыми глазами, в которых плещется ночь?

К собственной неожиданности, я с жадностью прочитала первую страницу, затем вторую... Да это весьма годная адвенчура! И таким красочным языком написана, что невольно смакуешь каждую строчку. Короче, там один парень, некий Джо Хиггинс, приезжает погостить в поместье к приятелю, и выясняется, что этот самый приятель давным-давно помер и его призрак скитается в мрачных стенах. Отважный Джо пытается выбраться из проклятого дома, но он постоянно попадает в ловушки. А вся фигня завертелась, потому что... Не буду спойлерить.

Меня потревожили, когда я дошла до эпизода, где главный герой заходит в комнату, в которой постоянно идёт снег.

С символическим стуком в приоткрытую дверь ко мне зашла вездесущая миссис Хант. За её спиной маячил субъект с по-дурацки подкрученными усами.

– Бенни, дорогой, ты не занят?

Вообще-то занят.

Джо метнулся назад, схватился голой рукой за металлическую ручку. Ай, примёрзнет же! Ну да, вот на ней остался кровавый след...

Я нехотя отложила чтение.

– Для мамы я всегда свободен.

– Как себя чувствует наш больной? – фальшиво-бодрым тоном воскликнул мужичок с усами.

Он без приглашения вторгся в мои временные владения и, подтащив стул к кровати, плюхнулся на него.

– Вы кто?

Я села на кровати и по-девчачьи поджала пальцы ног.

– Проявление беспокойства, – сообщил незваный гость.

Лады, пусть будет «проявление беспокойства». Ему подходит.

– Это доктор Слайм, он будет тебя лечить, – с кровожадным азартом изрекла миссис Хант.

В сомнении скривив губы, я покосилась на что-то быстро записывающего в блокноте «дохтура». На фиг он мне нужен? Меня доктор Симмонс более чем устраивал, я даже приноровилась выписанные им лекарства незаметно утилизировать.

Я старалась дышать неглубоко. Трудно было понять, чем больше от него пахнет, потом или одеколоном.

– На что жалуетесь, сэр?

– На домогательства посторонних личностей.

– Общение с вымышленными инфернальными сущностями, – пробормотал доктор Слайм, шустро водя карандашом в записной книжке.

Эй-эй, я общаюсь только с Беном, и то он больше не горит желанием продолжать знакомство.

– Я же вам говорила, доктор. После падения с лошади он ничего не помнит, – простонала миссис Хант.

– Проблема может быть более серьезной, поэтому я настаиваю на обследовании.

Испытывая гадливость, я отодвинулась от него подальше.

– Я против обследований. Категорически. Оставьте меня в покое, я вам не доверяю.

– Не стоит меня бояться. Я многих вылечил, и вы у нас скоро будете как новенький.

– Нет!

Мужик плотоядно улыбнулся.

– Для начала необходимо очистить ваше тело от вредных микроорганизмов, чтобы они не мешали восстановлению памяти. К вискам приложим пиявок, они уберут лишнюю, давящую на ослабленный мозг кровь, а регулярные холодные клизмы взбодрят кишечник. Так же пропишу для вас специальную диету и лекарства... Что вы сейчас принимаете?

– Доктор, да вы сами как будто под чем-то!

Миссис Хант почти натурально всхлипнула.

– Сыночек, не дерзи.

Да я не дерзю, а самообороняюсь. Ну не готова я ради её душевного спокойствия терпеть инквизиторские пытки.

Я выразилась предельно ясно:

– Вы мне не подходите.

– Это тревожный сигнал, когда больной отрицает свою болезнь, – заявил доктор Слайм. – В таком случае лечение необходимо проводить в клинике под неусыпным контролем, иначе желаемое улучшение так и не наступит.

– Мы согласны, доктор, – придушенным от отчаяния голосом сказала миссис Хант.

Мы?! Мы это кто? Николай Второй?

– Фигушки! – Я встала с кровати, прихватив тетрадь с рассказами Чарли. – Идите отсюда подобру-поздорову, вас наверняка заждались пациенты, которые жить не могут без ваших клизм и пиявок.

– Вы не можете отвечать за свои поступки, вы больны, – авторитетным тоном возразил доктор Слайм. – Вы ведёте себя агрессивно, а это в нашем обществе не норма. Я бы вам помимо прочего прописал покой и утренние прогулки на свежем воздухе, чтобы унять вашу активность. Рукоблудием не занимаетесь?

– Слышь, ещё одно слово, и я тебя покусаю!

– Ярко-выраженная куантропия! – Доктор с восхищением на усатом лице сделал новую пометку в записной книжке.

Чего? Это он типа олигофреном меня назвал или что?

– Ах вот так... Тогда скажите мне, что такое дефибриллятор?

Доктор уставился на меня в недоумении.

– Постараюсь на досуге посмотреть в словаре...

– Какой словарь! Вы врач и не знаете, что такое дефибриллятор!

Позор!

Щёки миссис Хант стали пунцовыми, как у матрёшки.

– Не говори плохие слова, Бенни!

Я говорю плохие слова?! А то, что выдаёт доктор, разве можно озвучивать в присутствии дамы?

– Повторяю для тех, кто с утра хлебнул тормозной жидкости. Вы мне не подходите. Смотрите, что вы делаете с моей матерью, да её сейчас апоплексический удар накроет! Пока вас не было, я спокойно вспоминал каждый свой выпавший молочный зуб, а с вашим приходом

у меня появилась вами же упомянутая агрессия. Может, у меня на вас аллергия?

Похоже, наш доктор был сбит с толку.

– Что такое аллергия?

– Здравствуйте! Врач не знает, что такое аллергия!^[3] Преступная некомпетентность! Я лучше буду следовать советам доктора Симмонса, он хотя бы лекарства с интересным эффектом прописывает.

Доктор Слайм не пожелал пополнять свой профессиональный словарный запас и ушёл, сказав миссис Хант напоследок, что за такой тяжёлый случай не возьмётся. Никто не возьмётся.

Тоби поставил лапы мне на колени и, тоненько поскуливая, заглянул в глаза. Пёсику явно не понравилось, что хозяин, вместо того чтобы продолжить прогулку, словно приклеился к скамейке. Да я вообще зверь, не человек. Знакомиться с прохожими не разрешаю, запрещаю гонять птиц и ещё покрикиваю, когда поводок натягивается, как струна.

– Бен, признайся, ничего не получится, – Чарли наклонилась к Тоби и потеревала его за ушами.

– Почему сразу – не получится? Вот если не пробовать, то да, ничего не выйдет.

– Ты просто хочешь меня подбодрить.

– И что? Одно другому не мешает.

– А вдруг мои рассказы ужасны? Я же не писатель.

– А кто ты тогда, плотник? Раз написала, значит, писатель. Хороший или плохой, рассудят читатели.

Чарли прекратила ласкать собаку и выпрямилась с отстранённым выражением на лице.

– Кроме тебя, я никому не показывала свои сочинения.

– Вот-вот, пришла пора расширить читательскую аудиторию. Ну всё, хватит меня отговаривать. Я пошёл.

Тоби радостно взвизгнул, но тут же приуныл, видя, что я, хоть и встала, передала поводок Чарли.

– Бенни...

– У тебя были копии рассказов, значит, ты планировала их куда-нибудь пристраивать.

– Как будто не знаешь, что мечты и реальность – разные вещи. Да кому я нужна? Мной не заинтересуется ни один издатель, потому что...

– Не бывает закрытых дверей, бывает слишком тихое «мяу»!

– Мау? – удивился Тоби.

М-да, кажись, они оба думают, что моя идея обречена на провал. Да щас прям!

Я крепче прижала к себе кожаную папку.

– Как я выгляжу?

– Как дурак, – не замедлила с ответом девушка.

– Отлично. То, что нужно.

Оставив друзей в скверике, я пошла пристраивать рассказ в добрые руки. По чесноку, я не была на сто процентов уверена в этой затее и на всякий случай прокручивала в уме возможные варианты. Вряд ли «Бэнк мэгэзин» единственный журнал, публикующий беллетристику, можно набрать в газетном киоске охапку подобных изданий и попытаться счастья там. Разумеется, будет ужасно обидно, если Чарли не попадёт в любимый журнал, но это всё же не конец света. Что ни делается, всё к лучшему.

Аудиенции у главного редактора я добилась без труда: он был не занят и сразу пригласил меня к себе в кабинет. На этом ништяки не закончились. Получив на руки копию рассказа, мистер Кокс не сказал мне что-то вроде «Мы вам позвоним».

– Присаживайтесь, мистер Хант.

Он что, будет читать при мне?

Да-да, так и случилось.

Я чуть шляпу свою не съела от напряжения!

Ему понравилось... О, май гад! О-о-о! У меня катарсис!

– «Дом-лабиринт» достоин печати. Свежая идея, исполнение мастерское. С удовольствием взял бы его в следующий номер. – Мистер Кокс расправил листы. – Автор знает, что вы понесли рассказ в редакцию?

– Знает. Автор – моя сестра, Шарлотта Хант.

Так, зачем-то сдвинул брови. Морщины на лбу проявились отчётливей.

– Не подумайте, что я сужу предвзято, сэр, – начал он издали. – Ваша сестра очень талантлива. Более того, она талантливей многих

мужчин, которые пишут для «Бэнк мэгэзин», но у нас могут возникнуть сложности.

– Какие же?

– Читатели больше доверяют мужским именам. Ваша сестра согласится взять псевдоним?

– А если подписать «Чарли Хант»? Так будет похоже на мужское. Главред кивнул. Вроде как одобчительно.

– Наш журнал печатает рассказы на гонорарной основе. Но леди не положено брать денег за свой труд. Понимаете?

А... Был же у нас разговор с Кейт. Женщина, которая работает, не может быть леди. И наоборот.

Что за сексизм в этом викторианстве! Если девушка умная и образованная, то ей надо либо быть леди, либо зарабатывать? Бред!

Но я не растерялась.

– Так не платите ей. Если вы принципиально намерены отдать деньги за публикацию, я могу их взять как её литературный агент.

Мистер Кокс рассмеялся, демонстрируя два ряда крупных зубов.

– Вижу, у вас вся семья творческая. Решено. «Дом-лабиринт» выйдет в свет на следующей неделе.

Вообще-то я планировала сообщить Чарли радостную новость двусмысленными фразами и театральными паузами, но всё же решила её не мучить. Даже представить себе не могу, как она переживала во время моего отсутствия. Когда я подошла к ней, девушка обмахивалась веером, а на её коленях (какой ужас для миссис Хант!) лежали перчатки. Сразу видно, измаялась вся.

Мои экзальтические вопли настроили против нас всех проходивших мимо людей, но мне было до лампочки. Тоби немедленно заразился моим возбуждением и с лаем стал скакать вокруг меня. Сама Чарли растерялась до такой степени, что позволила обнять себя на глазах у народа. Чихать на всех, зато она искренне улыбается и, похоже, готова свихнуться от счастья.

Нашу победу обязательно нужно было отпраздновать. К счастью, благодаря походу с Озом в кафе я убедилась, что нормальные сладости в викторианском Лондоне есть, и потащила юную писательницу в кондитерскую. Гулять так гулять!

Чарли запоздало вспомнила о возможной гневной реакции родителей, но я велела ей не думать об этом. Девочка моя, к тебе сова из Хогвартса прилетела, радуйся!

Дома купленные пирожные пришлись весьма кстати, так как миссис Хант пребывала в растрёпанных чувствах. Нет, это не мы накосячили. Ну, частично не мы. Гувернантка, мисс Боунс, потребовала немедленного расчёта из-за того, что Эмма и Фредерик сказали ей, что им не нравится её книга рассказов «О нравственности и добродетели» и что сказка про какого-то Бэггинса гораздо интересней и добрей. Творческая натура не выдержала такого удара, и поэтому в доме Хантов появилась новая вакансия. Прямо настоящая невезуха для хозяйки дома: за один день сбежали доктор и гувернантка, и это не считая уволенного на днях дворецкого. В свете последних событий мы с Чарли коллективно решили пока ничего не говорить предкам о её публикации. Мало ли что маман наговорит сгоряча, когда у неё настроение ниже плинтуса.

И ещё одной приятностью стало то, что Оз прислал записку! Мне! Написал, что до сих пор находится под впечатлением от нашего совместного дня и хочет зайти завтра в полдень. Вау! Я ему нравлюсь! Я. Ему. Нравлюсь! Очуметь!

Блин, вот губы раскатала. Нельзя мне подкатывать к Озу, я же, во-первых, до сих пор не девушка, а во-вторых, не планирую здесь надолго оставаться.

Очередную досаду компенсировал успех новой сказки на ночь. История про Мальчика-Который-Выжил произвела фурор у разбалованной публики. И это ещё малютка Гарри в школу волшебства и чародейства не успел приехать.

– Бен, ты чудо, – шепнула Чарли, когда мы уложили детей спать и вышли в коридор.

– Да ладно тебе. Будешь хвалить просто так – загоржусь.

– Ты заслуживаешь похвалы. И, знаешь... Мне так неудобно. Даже не знаю, как отблагодарить тебя.

– Послушай, ты моя сестра. Не помню, старшая или младшая, но любимая. Ты мне ничего не должна. Если хочешь, можешь рассказывать что-нибудь обо мне, чтобы память быстрее вернулась. А то, боюсь, родители найдут третьего доктора.

Чарли остановилась перед своей комнатой и взялась за дверную ручку.

– Ты совсем ничего не помнишь?

Еле нашлась, что ответить:

– Э... Вспоминаю. Эхом, так. Отголосками.

Я расслышала её вздох, от которого по коже побежали мурашки.

– Бедный...

Она резко развернулась и, рыдая, повисла у меня на шее. Немного отойдя от шока, я утешающим движением погладила её по спине и в конце концов обняла.

Ясно же, переживает. Говорит, что я, то есть Бен, такой, как прежде. Но кто знает? Может, как и Джон, Чарли видит во мне чужого? Или она всего лишь думает, что её брат страдает из-за шаткой неопределённости?

И я ведь не могу сказать ей правду. Поверит или нет, она только сильнее будет волноваться.

– Не прикасайся к моей сестре!!!

Я стиснула зубы, как от резкой боли.

Ох, Бен, и что мне с вами со всеми делать?

Глава 8. Улицы разбитых фонарей

«Я вас умоляю, разве это джентльмен? Я эту дрянь для валлийцев держу, вот они, собаки, жрут как свиньи, да».

Из разговора на рынке

Мало того что миссис Девидсон не стала чинить мне препятствия, она даже согласилась помочь. Наш борщ очень хвалила миссис Хант, так что кухарка была готова к новым экспериментам. Правда, сначала скептически похмыкала, узнав, что на сей раз придётся иметь дело с азиатской кухней, но ворчала она, скорее, для порядка. У меня, например, родители тоже никак не могут понять, как их доченька может класть в рот такую гадость.

Зато Озу должно понравиться. Всё-таки он молодой и фишку наверняка просечёт.

Ради дорогого гостя я не поленилась встать пораньше и сгонять на рынок. Топографическим кретинизмом не страдаю, дорогу ещё тогда запомнила, поэтому прекрасно обошлась без проводника. Поплутала немного, конечно, в бесчисленных торговых рядах, но в итоге неплохо так затарилась. Купила рыбку, в том числе угря (он дохлый такой страшный!), благо ассортимент морских и речных гадов был огромен, а вот с водорослями получилась накладка. Так я ж упорная! Я спрашивала у торговцев, и мне в конце концов указали на единственного мужчичку, продававшего эксклюзив. Совсем отчаявшись, я взглянула на его водоросли и чуть не завизжала на месте – это были нори! Вкусненькие, сочненькие нори! Я герой, я их нашла! Хорошо, что руки были заняты покупками, а то я бы кинулась их целовать, восхищаясь собственной гениальностью.

Миссис Девидсон не только выделила мне местечко на кухне, но ещё сварила по моим наставлениям замечательный клейкий рис на чугунном монстре, который оказался доисторической плитой, и помогла с рыбой. А в качестве компенсации за потраченное на мои причуды время пришлось ей бадью овощей настрогать. Я же типа джентльмен.

Пока скатывала роллы листом картона, поведала своей помощнице часть своих скудных знаний о Японии, которые, несмотря на поверхностность, и без того её впечатлили. В шутку предложила называть её «сэнсэй», и кухарка, посмеявшись, приняла столь лестный, с её слов, титул. Под конец готовки я вовсе сразила её наповал, напев пару куплетов из анимешных саундтреков.

Итак, что мы имеем? Большое серебряное блюдо с расставленными на нём аккуратными кучками роллов с сёмгой, угрём, огурцом, перцем и крабовым мясом. Для полного счастья не хватало васаби с маринованным имбирём, так я ж не виновата, у меня времени было в обрез! Некогда было бегать по незнакомому городу и искать все-все необходимые ингредиенты. На выручку пришёл мой сэнсэй, дав мне китайский соус, похожий на соевый, и коробочку зелёного чая. Положение было спасено!

Я отложила немного роллов для миссис Девидсон и Чарли, а сама не стала даже пробовать. Совсем скоро придёт Оз, и мы с ним оторвёмся.

Накрыв заварочный чайник потрёпанной рукавичкой, сделанной явно хозяйкой дома, я повертела головой и, совсем не думая, сунула пальцы в миску с белой пудрой. Сахар отобьёт желание пускать слюни на роллы.

– Тьфу! Это что, мука? – разочаровалась я в дегустации.

Миссис Девидсон даже ёрничать не стала.

– Нет, мистер Хант, это крахмал.

Фу, какой же он противный, аж язык стянуло.

– Его Кейт здесь бросила, – наябедничала кухарка. – Девочка сегодня какая-то рассеянная. Слушает вполуха, хватается за метлу, когда ей говорят, чтобы сковородку почистила...

– Влюбилась, наверное?

Лишь бы не в меня, лишь бы не в меня...

– Да не-е-ет, – ответила миссис Девидсон, не отвлекаясь от работы. – Или вы девок влюблённых не видели? Взгляд у них счастливый, будто ангела с корзиной конфет увидели, улыбки беспричинные, песенки мурлыкают. Нет, сэр, у Кейт всё наоборот. Видать, мачеха совсем бедняжку заела.

Ну прям Золушка! Интересно, у неё есть злые сёстры?

– А что мачеха? Прям-таки зверь?

– А вы как думаете? Бьёт девчонку, но это полбеды. По лицу дубасит! Это кто ж её замуж возьмёт, если ей зубы повыбивают?

– Отец тогда почему не защищает?!

– Так спился. Прошлой зимой свалился хмельненький на улице, да и душу Богу отдал. А говорят, приличный раньше был человек. Как жена первая померла, так сам не свой стал. Оно и понятно, без капитана корабль дрейфует, пока его не поглотят бурные воды. Женился во второй раз, а супружница новая дура дурой. Вложись, голубчик, в одно дело, в другое... Вот и прогорел. Мотался с детьми по съёмным комнатам и осел в Уайтчепеле, ниже падать – это в работный дом идти.

По ощущениям я будто угостилась целой ложкой крахмала. Всегда горько узнавать подобные вещи о тех, кто рядом с тобой. Приятней же думать, что у всех всё хорошо...

– Сэр, ваш друг скоро придёт, – не дала мне погрузиться в воспоминания миссис Девидсон. – Идите-ка, собой займитесь. Я скажу Джейн, чтобы вовремя подала поднос.

Пунктуальность Оза одновременно привела меня в восхищение и смятение. Никогда ещё не встречала людей, которые в гости приходят тогда, когда обещали. Чуть раньше, чуть позже или вовсе третий вариант – звонок «Прости, не приду». А тут явился, как только стрелки напольных часов в корпусе из красного дерева отбили полдень.

Оз в ответ офигел от того, что я первым делом пригласила его к столу. Вот блин, а нам ещё англичанка в школе говорила, что закармливать с порога гостей – чисто русская традиция. Палюсь пострашному. Ну фиг с ним, Оз вряд ли обидится. Да и, по-моему, мужчины – это существа, способные есть когда угодно и что угодно.

Ух, этот парень просто золото! Даже руки помыл, хотя поклялся, что на улице хватался за всё в перчатках. Как бы моей маме такой зять понравился... Ой, я же до тридцати замуж не собиралась, что это со мной?

Мы прошли в столовую, где нас ожидало блюдо с японскими вкусняшками, зелёный чай и тарелочки с нарисованными гейшами. Спасибо миссис Хант за то, что она по жизни сорока.

– У меня уже было незабываемое воскресенье. Теперь ты собрался устроить незабываемый полдник? – усмехнулся Оз.

Да что ж всех цивиллов на хи-хи пробивает при виде азиатской кухни?

– Ты не любишь роллы?

– Роллы, так это называется? Горю желанием отведать.

Мы сели друг напротив друга.

– Вообще-то их едят палочками, но придётся обойтись без них. Можно есть руками, это не запрещается, сами японцы так делают. А невежественные европейцы могут пользоваться вилками, – слово «невежественные» я взяла в кавычки, подёргав средним и указательным пальцами обеих рук.

Пауза.

Упс, кажется, мой приятель слегка завис, не выдержав эпатажа.

– Думаешь, я выгляжу безумно? – я против воли сделала виноватый вид.

– Даже если так, то почему бы нет? Мне нравятся люди, которые разбавляют серость этого туманного города. Иначе я бы не напросился в гости.

Опять его улыбка. Мягкая, не какая-нибудь манерная, как с обложки глянцевого журнала.

И Варя растаяла, как масло на тосте.

– Память возвращается? – участливо поинтересовался Оз.

А... Э... Чё сказать?!

– Медленней, чем хотелось бы миссис Хант, – выкрутилась я. – До сих пор чувствую себя чужим в этом доме. Но жизнь постепенно налаживается... Сегодня вспомнил, что люблю роллы.

Я подцепила вилкой ролл с огурцом из общего блюда.

– Итадакимас? Так японцы говорят вместо «приятного аппетита».

– Не уверен, что смогу это повторить.

– Да не парься. Будем есть в силу своих возможностей. Если ты заметил, я не приготовил васаби и имбирь, так что у нас всё равно неканоничное вкушение азиатской еды.

Оз замер с роллом на вилке.

– Ты сам занимался приготовлением?

– Ну да. Правда, мне миссис Девидсон помогала, она же босс на кухне. Ты не стесняйся: обмакиваешь ролл в соусе и целиком отправляешь в рот. По правилам надо, чтобы соус попадал только на

водоросли, но у нас же есть ещё и вывернутые роллы, где всё равно попадёт на рис, так что к чёрту правила.

Остатки напряжения испарились, и мы продолжили трапезу в мимимишной обстановке. Мешало мне только тело Бена: в нём можно лишь изображать друга, а не девчонку, готовую перейти из стадии «Просто поход в гости» в стадию «Свидание». А притворяться другим человеком мне не надоело... Меня это уже бесит! Не печалит, не раздражает, а именно бесит! И абсолютно искренней быть нельзя, и правду рассказывать страшно, а то реально в психушку упекут. Да и пробивает временами на женские хотелки. Роллы сделала – уже радуется, но мне ж ещё вдруг понадобились плюшевые мишки, косметика, сериалы с поцелуйчиками, фэнтезийные романы про любовь школьниц и нелюдей и полуночные душевные разговоры с подружкой. Пусть меня мама называет пацанкой, я всё-таки девочка-девочка!

Так, что-то я распыляюсь на мелочи. У меня же есть нечёткий, но всё же план, как попасть домой. Я собиралась искать людей с экстрасенсорными способностями или, на крайняк, шарящих в древнеегипетском колдовстве. Наивно и тупо, а что мне ещё делать? Сидеть на попе ровно и ждать чуда? Аккуратно с экзотики перевела разговор на тему сверхъестественного, и Оз с энтузиазмом рассказал, что сам интересуется медиумами и столоверчением. Он даже неподдельно удивился, узнав, что я никогда не посещала подобных мероприятий. Ну да, не ходила я ни на какие спиритические сеансы, только в детстве Пиковую даму на даче с соседскими девчонками вызывала.

Хоть какая-то зацепка.

– Сейчас в газетах часто можно увидеть объявления о сеансах столоверчения или статьи о популярным медиумах, – поделился информацией Оз, выбирая новый ролл. – Если хочешь, наведаемся к кому-нибудь, погоняем духов.

Я вскочила с места, как Тоби, увидевший в моих руках угощение.

– У нас полно свежих газет, сейчас принесу!

Не прислугу же звать с заявами «подай-принеси».

Я быстренько принесла сегодняшние «Таймс», «Дейли телеграф», «Индепендент» и ещё парочку газеток попроще. Вот любители макулатуры эти Ханты! Дома я новости узнаю из зомбоящика и интернета. А с тех пор как папа перестал жить с нами, в нашу

квартиру вообще перестали попадать газеты. Только журналы, и то редко.

Я как представила себе эту сцену... Два молодых джентльмена изучают содержание свежих выпусков, а на столе перед ними не традиционная английская еда вроде овсянки или яичницы с беконом, а псевдояпонские комочки риса в водорослях. Хвалёная викторианская эклектика?

– О, этот развратник попал на страницы таких серьёзных изданий, – Оз укоризненно покачал головой, осуждая то ли самого развратника, то ли редакторов.

– Кого ты имеешь в виду?

– Может, знаешь, маньяк новый в Ист-Энде завёлся. Бесстыдный душитель.

– Читал о нём не так давно, – без фанатизма ответила я.

– В последнее время он в ударе. Ещё пять жертв.

– Куда только полиция смотрит?

Оз с хрустом расправил страницы.

– Бен, ты как будто не видел местный контингент. Район настолько неблагополучный, что там хоть на каждой улице ставь по констеблю, а толку не будет.

Ага, а ещё нет телефонов, чтобы позвать на помощь, и камер наружного наблюдения. В наше время с преступностью трудно бороться, что уж говорить о прошлых веках.

– Мистер Хант!

Я увидела в дверях Кейт с огромными, как от испуга, глазами.

– Кейт, что случилось? – я отложила газету и привстала.

Девушка замялась. Её взгляд метался от меня к Озу и обратно.

Наверное, она не знала, что со мной в комнате гость, вот и ступсывалась.

– Ты хотела что-то сказать? Не бойся, здесь все свои.

– М-мистер Хант... Дайте мне газеты.

– Конечно, иди сюда. Бери какую хочешь.

Однако Кейт не сдвинулась с места. Она шумно всхлипнула, словно только что вынырнула из воды.

– Все! Умоляю, сэр, отдайте все!

Я больше не могла смотреть на зарождающуюся истерику и, подойдя к служанке, схватила её за плечи.

– Да что с тобой такое? Кейт, Кейт!

Поскуливая, она потрясла головой. Её щёки моментально покраснели, а ресницы заблестели от готовых сорваться с них слёз.

– Кейт Салливан? – спросил Оз.

Его спокойный голос подействовал на меня отрезвляюще. Не отпуская девушку, я повернулась в его сторону.

– Здесь и фотография имеется подписанная, – продолжил он, перелистывая газету назад. – Один в один.

Я не стала ничего уточнять, просто прижала к себе ревущую девчонку. Бедный ребёнок! И так жизнью со всех сторон обиженная, так ещё какой-то ублодок опозорил её на всю страну. Ни за что не прощу! Урою на фиг!!!

– Сволочь, – процедила я сквозь зубы, – и газетчики сволочи. Имя опозорили и фотку напечатали, уроды.

– Можно иск в суд подать, – предложил Оз. – Но я сомневаюсь, что девушка отважится на это. Тут нужна помощь покровителя.

– Какой на фиг суд! Её имя тогда ещё больше трепать начнут. А вот поймать душителя и глаз ему на жопу натянуть не помешало бы.

– Я бы с удовольствием понаблюдал за этим процессом для общего развития, – без тени улыбки сказал Оз, – если не убью его раньше.

Ну берегись, душитель, у джентльменов слова с делом не расходятся.

Я разглядывала улицу сквозь грязное, точно закопчённое окно. Унылое зрелище. Вдоль дома напротив, прямо на земле, сидят две женщины. Одна баюкает что-то завёрнутое в тряпье, и я отчего-то сомневаюсь, что там младенец. Её товарка устроилась чуть поодаль и, нарочито приподняв грязные юбки, демонстрирует всем желающим и нежелающим правую ногу без стопы. Обе то и дело собачатся друг с другом, ведь явно небогатым прохожим приходится делать выбор, кого одарить мелкой монеткой.

Несколько минут назад я с каменной рожей прошла мимо. Наверное, я чёрствый сухарь, но я никогда не подаю попрошайкам. Могу, если есть лишняя денежка, поучаствовать в какой-нибудь благотворительной акции или отослать эсэмэску в Русфонд. А тем, кто стоит с протянутой рукой, ничего не даю, как бы жалко они ни

выглядели. Да, я верю в мафию нищих, и отдельно взятые интересные личности мне тоже попадались. На моей улице одна тётка четвёртый год подряд просит милостыню на операцию ребёнку, но когда её спрашивают, чем болеет дитя и в какой больнице его можно навестить, она огрызается и отходит к другому дому. Ещё нам с мамой попадалась хитрая девчонка, которая просила у сердобольных прохожих деньги на билет домой и каждый раз называла новое местожительство.

Для нашего расследования Оз снял меблированную комнату на Флауэр-энд-Дин-стрит. Настоящий клоповник, зато находится рядом с улочками, где орудует Бесстыдный душитель. Почти идеальное место для размещения штаб-квартиры. Почти, потому что, как я уже отметила, клоповник. Комнатушка с кроватью, двумя облезлыми стульями и столиком с разномастными царапинами и пятнами. Для уюта стена над кроватью была обклеена картинками, вырезанными из журналов. И всё это было пропитано запахами, о происхождении которых лучше не задумываться.

Оз раскладывал на кровати наши покупки – одежду из местного секонд-хенда.

– Будем надеяться, на эти обноски никто не позарится. – Он расправил рубашку, зашивую под мышкой серой ниткой. – Прогуливаться ночью нагишом как минимум вредно для здоровья.

Я развернула второй свёрток, содержимое которого выглядело не более привлекательно. Мятое платье горчичного цвета, чудовищный чепчик и потрёпанный парик с твёрдыми завитыми локонами.

– Что-то ты приуныл. Передумал? – игриво поинтересовался Оз.

Я скорчила недовольную рожу.

– Конечно нет. Но ты сам посуди, какое убожество! Как женщина, такое нежное и прекрасное существо, может носить эту дрянь? Фу, я в шоке.

– Увы, в этом болоте нет фей, так что рассчитывать на что-то более презентабельное не приходится. Ты будешь мерить?

– А куда деваться?

У меня действительно не было выбора: раз придумала план, то, будь добра, следуй ему, а не скидывай проблему на чужие плечи.

Повернувшись к Озу спиной, я разделась до пояса и только потом поняла, что мне не стоит стесняться, я же не в женском теле. Платье

оказалось узковато в плечах и коротковато, зато в районе груди оно обвисло мешком.

Оз обошёл меня кругом.

– Тебе правду сказать?

– Что я выгляжу как debil или что я самая страшная баба на свете?

– Не обижайся, но на бабу-то не очень похож, – он похлопал меня по груди, отчего мне стало вдвойне стыдно. – Где волнительные перси?

Где, где... В Караганде!

Я шлёпнула его по руке.

– Сделаем тебе перси. Или ты думал, я купил два мешочка с крупой, чтобы прикормить мышей, которые отвезут меня на бал?

– Вот тут не совсем понял. К чему такие сложности? Можно же обойтись, например, свёрнутой тканью. На кровати полно тряпья.

Под «тряпьём» он, очевидно, подразумевал постельное бельё, которому от наших экспериментов хуже не станет.

Фыркнув, я начала стягивать с себя платье.

– Оз, ну ты когда-нибудь женскую грудь видел? Под платьем хотя бы? Разве она выглядит, как скомканная простыня? Да ты возьми мешочки и приглядишься. Благодаря крупе они примут нужную форму, и никто ничего не заподозрит. У нас получится первоклассный женский силуэт!

Судя по звуку, Оз сел на скрипящий стул.

– Что мне нравится в твоей эксцентричности, Бен, так это то, что за ней можно различить незаурядный ум. И ты до потери памяти был таким?

К этому времени я закончила воевать с недоразумением под названием «платье».

– Ну... – Я машинально прикрылась предметом маскировки. – Отец вроде говорил, что я не самый глупый из его детей. А Чарли говорит, что у меня прежний характер...

И смотрит на меня. Внимательно, почти взглядом хищника. Его синие глаза пронзают меня, словно булавки бабочку. Остаться в их плену и страшно, и приятно. Тепло, рождающееся в животе, стремительно растекается по всему телу, но кожу колет от мурашек, будто в обманном тепле затаился холод.

Отвернулась от него, чтобы избавиться от морока. Варя, включи мозги! Нельзя сейчас влюбляться, нельзя! Даже собственное тело не дало бы мне никаких преимуществ, я же не могу втрескаться в парня, который уже лет сто как помер!

Оз понял моё смущение по-своему.

– Прости мою бестактность, Бен. Если эта тема слишком тяжёлая для тебя, мы больше не будем её поднимать.

– Всё нормально. Просто думаю много... о сволочи, которую мы обязаны поймать. Так как тебе наряд? Попрёт?

Он хмыкнул.

– Попрёт.

Я не удержалась от улыбки. Оз такой забавный, когда повторяет за мной дурацкие слова.

– Не хотел бы злословить, но здесь полно подобных женщин, – он опёрся локтем о столешницу. – Замученных, некрасивых, с неполным набором зубов и почти полным – венерических заболеваний. Так что вряд ли наш маскарад кого-то поразит. Да и, как видишь, спросом пользуются далеко не только смазливые девчонки. Проститутки, что нас на первом этаже встретили, нам в матери годятся, а глазками стреляли так, что ой-ой-ой.

За стеной раздавались прерывистые стоны. Кому-то было то ли очень плохо, то ли очень хорошо. В этот момент я старалась убить свою фантазию, чтобы не представлять всю сцену целиком.

Эх, сама сюда полезла, так что нечего жаловаться.

Это был эпик фейл.

Единственным светлым пятном в этой мутной истории было то, что я наконец увидела Оза обнажённым, правда, в меру приличий. Из-за хренового освещения толком ничего не разглядела, но хотя бы ознакомилась в общих чертах. Такой спортивный, с сильными руками... Не будем о прекрасном, нечего сыпать соль на рану.

А я ведь думала, что отсутствие у маньяков интереса ко мне – худшее, что может случиться. Сюрприз! Весьма некстати на нас сагрился патруль полицейских. Видите ли, прогуливающаяся ночью парочка вызвала у них подозрения. Мужчина и женщина идут в тёмное время вместе по улице? Ай-ай-ай, это же, как пить дать, проститутка с клиентом! Вариант, что мы друзья, родственники или влюблённая

парочка не рассматривался вообще. Объяснить что-либо полиции нравов на месте не получилось, потому что какой-то умник посветил мне в лицо фонарём и воскликнул: «Ба! Да это мужик!»

От позора мне хотелось повеситься в проруби. Оз, наверное, окончательно во мне разочаровался и больше ни за что не будет со мной общаться. Ещё больше его презрения я боялась гнева мистера Ханта. Папаша у Бена суровый, он стопудово разозлится и как-нибудь накажет меня. Психушкой, скорее всего. Вряд ли он позволит «сыну» снова разгуливать по улицам в непристойном виде и ввязываться в сомнительные авантюры. А миссис Хант опять будет рыдать, и что самое ужасное, прижимая нерадивое чадо к себе.

Мироздание не жалело для меня унижений. В обезьяннике горе-трансвестита встретили мерзким улюлюканьем, и мне в первые же секунды досталась пара щипков за мягкое место. Было почти не больно из-за слоёв ткани, зато обидно до жути!

Да я просто не доживу до утра при таком обращении.

Блин. И плакать нельзя. Во-первых, я парень, а во-вторых, моя слабость только раззадорит этих гиен. И огрызаться тоже нельзя, криминальные личности не любят борзых. Нет, я вживую с подобным раньше не сталкивалась, просто моя мама смотрит бандитские сериалы на канале НТВ, и я иногда волей-неволей слышу и вижу отрывки.

– Попрошу без оскорблений, – я постаралась напустить на себя важный вид. – Я артист, мне можно в чём угодно ходить.

Кто-то присвистнул, в полумраке не разглядела.

– А артистик-то хорош. Нелл, смотри, парнишка покрасивше тебя будет.

– Чё? – возмутилась тётка с пропитым лицом.

Я спиной вжалась в стену. Да меня тут запросто изнасилуют!

Оз крепко стиснул пальцами моё плечо.

– Не бойся, нас долго здесь держать не будут. Если договориться, отпустят под залог.

Хорошо бы. Только нам папаши могут головы оторвать.

– Эй, артист! – позвал маргинал в смятом цилиндре. – А развлеки нас!

– Давай-давай! А то здесь сдохнуть от скуки можно, – пожаловался не менее сомнительный тип.

– Иль ты не артист вовсе? – усомнился третий.

Ну да, не артист, а извращенец, который любит с другом гулять в женском платье!

– Леди и джентльмены, вам очень повезло. Нынешним вечером я выступаю бесплатно.

И я, ни на что особо не рассчитывая, запела. Конечно, боялась, что придёт сержант и даст по башке, но потенциального изнасилования я боялась ещё больше.

Публика, что удивительно, оказалась очень даже благодарной. Меня не перебивали, не закидывали мусором, а под конец песни вовсе стали подпевать.

Хэй, хэй, пой, не жалея
Ни вина, ни песен!
Жить в цепях – не твой удел,
Волен только тот, кто смел,
Дерзок и весел!

Спасибо Скай, которая в своё время, скинула мне песни отечественной группы «Марко Поло». Баллады «Blackmore's Night» и «Blind Guardian» пошли бы на ура, но я их композиции знаю лишь отрывками, а на отрывках далеко не уедешь.

– А спой-ка чё-нить про море, – поступил первый заказ от огромного детины.

К счастью, у этой же группы я помнила наизусть песню «Дейви Джонс». Когда я её допевала, молилась про себя, чтобы никто не попросил ничего про тюрьму. Далека я от шансона.

Я заметила подошедшего к камере сержанта. Он спокойно дождался конца представления и только потом велел нам с Озом выйти.

– Молодец, парень, – сказал он мне. – Повеселил. Эти тоже поют, да так, что хоть святых выноси. Что ни слово, то ... и

Вместо точек он озвучил не самые приличные наименования интимных частей тела.

Нас отвели, как я поняла, к главному. Благодаря демонстрации часов с фамильным гербом и взятке господин полицейский признал в

Озе сына пэра. Мне же было нечего предъявить, однако приятель меня выручил, сказав, что я из класса джентри. Понятия не имею, что это за секта такая, но протестовать не стала. А прогулку в неподобающем для джентльменов виде Оз объяснил просто: пытались поймать маньяка на живца. Во как, иногда честность – лучшая политика. Нас по-отечески пожурили за ребячество и отпустили на все четыре стороны.

– Бен, ты не расстраивайся, что всё так вышло. В следующий раз его поймает.

– Ты реально не хочешь меня убить?!

– Господи, за что? Мне никогда не было так весело.

Я выпала в осадок. Вот это терпение у человека! Я бы на его месте поорала для приличия.

– Берегись!

Оз резко дёрнул меня за руку, и туда, где только что я неспешно шла, сверху шлёпнулась дурно пахнущая жидкость.

Я читала, чтобы так поступали в Средневековье, но чтобы на пороге двадцатого века люди вели себя так же...

Не отойдя от шока, я задрала голову и громко произнесла пару «ласковых» в адрес свиньи, которая это сделала. В ответ услышала более изощрённую брань и предложение скинуть на меня кое-чего похуже. Пришлось ретироваться.

– Никакой культуры, твою мать, – прошипела я.

– Согласен. Не возражаешь, если я ненадолго тебя покину? По деликатному делу.

Оз, и ты туда же!

– Здесь разве есть общественный туалет? – съехидничала я.

Он взмахнул рукой в жесте экскурсовода.

– Мой друг, если ты ещё не заметил, здесь везде общественный туалет. Тебе не надо?

– Не надо, – обиделась я.

И не приключение, и не свидание, а фиг знает что. Что полезного можно извлечь из этой истории? Ничего. Не, всё-таки сдери с паршивой овцы клочок шерсти. Расскажу Чарли про наши злоключения, а она, может, потом в своих сочинениях подобное опишет. Творческому человеку всякое может понадобиться.

Заслышав шаги Оза, я не стала оборачиваться. Что-то не хочется сейчас видеть его довольную рожу...

Перед глазами молниеносно промелькнуло что-то тёмное, и горло сдавило так, аж зубы клацнули. Я беспомощно вцепилась в удавку, но даже не смогла протиснуть пальцы между ней и шеей. Из горла вырвался тихий невнятный звук, в котором была попытка вдохнуть и позвать на помощь. От нехватки кислорода у меня быстро стали подкашиваться ноги.

Искрой вспыхнуло воспоминание о Джеке-потрошителе: якобы он своих жертв сначала душил и только после этого резал...

Всё, допрыгалась.

Внезапно хватка чуть-чуть ослабла, и я захрипела в новой попытке позвать Оза.

– Снимай панталоны, сучка, – раздался возле уха сочный бас.

Ага, сейчас штаны сниму, потом всё остальное.

Удавка стала уверенно возвращать свои позиции. Кажется, Бесстыдный душитель не любил, когда его заставляли ждать...

От гневного окрика преступник сильно дёрнулся, едва не удушив меня разом. Меня спасло то, что я инстинктивно привстала на цыпочки.

Краткий миг свободы – и мощный удар в спину свалил меня на землю. Я слышала позади нехилую возню, но не могла заставить себя обернуться. Я самозабвенно кашляла, раздирая горло, и при этом суетливо убирала грязными руками лезший в рот парик. Несколько волосинок никак не хотели выплёвываться и противно царапали язык.

– О... Оз...

Как здорово, что он разрешил себя так называть, а то я его полное имя не смогла бы выговорить.

Запутавшись в юбке, я неуклюже развернулась... и подумала, что оставшийся на некоторое время без кислорода мозг выдал мне галлюцинацию.

«Мортал Комбат» отдыхает.

На земле боролись двое. Оз и какое-то чудовище в женском платье и чепчике. Их борьба выглядела ужасно нелепо, и вообще этот поединок совершенно не подходил для джентльмена. С нечленораздельными звуками они не давали друг другу подняться, как

старшеклассницы, подравшиеся из-за самого красивого мальчика в классе.

Блин, так кто меня душил? Неужели баба?!

Видя, что Оз далеко не звезда реслинга, я кинулась его спасать. Ай, мамочки, она же тяжёлая, как гиппопотам, как она его только не расплющила! А эти руки?! Они созданы для того, чтобы убивать!

Да-да, «двое на одного», «лежачего не бьют», а что делать?

Связав женщине руки её же удавкой, которыми оказались чьи-то старые панталоны, мы пошли в знакомом направлении. В полицейский участок. В этот раз нас даже не оборжали, так как наша Прекрасная душительница (как мы переименовали её с Озом) в силу своего скудоумия и возможного психического расстройства не отрицала вины.

Однако, несмотря на благополучный исход проблемы, гнев влиятельных отцов нас всё ещё страшил, поэтому в награду мы попросили одного. Чтобы общественности не стали известны наши настоящие имена.

Глава 9. Умереть от любви

*«Сенсация! Сенсация! Бэтмен и Робин поймали
Бесстыдного душителя!»*

Крики мальчишек-газетчиков

Несмотря на то что я первым делом приняла дома ванну, запах трущоб не давал покоя даже во сне. Я видела знакомые места, свой настоящий дом, но везде ощущалась еле уловимая вонь. Различала как отдельные запахи, так и непередаваемые созвездия ист-эндовских «ароматов». К счастью, сознание недолго надо мной издевалось, и с каждым новым сном напоминаний о ночном приключении становилось всё меньше.

Я в нашей гостиной. Всё как обычно. На журнальном столике лежат томики с дамскими детективами, которые мама так любит. В люстре перегорели две лампочки и, по-хорошему, следовало бы попросить у соседей стремянку, чтобы наладить освещение, да что толку суетиться во сне? Интересно, мама уже поменяла лампочки или сидит в темноте и ждёт меня?

Слышу с кухни звуки телевизора и направляюсь туда. Хоть бы одним глазком увидеть маму...

Этот сон сминается, и меня выкидывает в другой.

И почему я в своё время не овладела техникой осознанного сновидения? Лень или мне просто нравилось укурище, которое я вижу каждую ночь?

Ну вот, я всё-таки на кухне. Несколько тягучих секунд уходит на то, чтобы понять, что она чужая.

Женькина кухня.

Мы часто с ним пили здесь чай, а иногда после ночёвок я готовила нехитрый завтрак из яичницы и сосисок для Женькиного папы, который приходил с ночной смены.

Тот день, когда я была здесь в последний раз.

Тесное пространство едва вмещает меня и ещё пару женщин, чьи имена я давно забыла. Они ходят туда-сюда, болтают, перескакивая с темы на тему.

Меня бесит, когда они говорят о Женьке, и почему-то успокаивает, когда разговор скатывается к бытовым вопросам и обсуждениям курса валют.

У меня руки в крошках от яиц и картошки, потому что так же, как в тот раз, я режу салат. А какой у меня красивый маникюр. На выпускной сделала. Бордовый, глянцевый, непривычной для меня прямоугольной формы. И всё в белых и жёлтых крошках от продуктов.

Я стараюсь сдерживаться, но слёзы одна за другой капаят на доску и на порезанный салат. Благо совсем не красилась в тот день, а то салат получился бы в чёрную крапинку.

– Детонька, ты картошку посолила? – спрашивает пожилая женщина, вытаскивая из духовки пироги.

Я киваю, хотя знаю, что она стоит спиной ко мне.

Посолила. Ещё как посолила.

Я проснулась, едва ощутив наяву давно забытую горечь в глазах. Вытерла слёзы рукой и судорожно всхлипнула. Понравилось. Но я стиснула зубы и села на кровати, чтобы прогнать остатки кошмара. Нельзя плакать, я же обещала, что больше никогда не буду. Стоит ведь только начать, и я втянусь. Плач как пирожное: сначала хочется ещё, а потом тошнит. И мне эта девичья слабость ни к чему.

– Что, плохо тебе?

Бен! Нашёл, блин, момент для злорадства.

– А ты как думаешь? – огрызнулась я. – Я хочу домой, в своё тело. Я же не демон, не призрак какой-нибудь, я такой же человек, как и ты.

И зачем я это всё выговариваю? Он, наверное, опять исчез и не слышит меня.

– Зачем тебе тогда моё тело? – Бен всё же продолжил диалог.

– Да оно мне нужно как рыбе зонтик! Я тоже жертва обстоятельств, меня запихнули сюда, не спросив разрешения.

Надо бы потише говорить, а то домочадцы услышат бубнёж за стенкой, и здравствуй, дурка.

– Не понимаю, как такое могло произойти, – в голосе Бена послышался оттенок грусти. – Это же нереально. Невозможно подселить душу одного человека в тело другого.

– Как видишь, можно. По крайней мере, законом точно не запрещено и проверено как минимум на двух придурках. А чего ты

разговорился? Молчал, не отзывался, а теперь вдруг поговорить захотелось.

– Я не молчал. Когда сознание прояснялось, я пытался докричаться до тебя, но без толку.

Я поёжилась и обхватила руками согнутые в коленях ноги.

– И... как это? Ты сейчас как бы в своём теле, но не можешь им управлять?

– Да. И я эту позу с детства не принимал.

А, ну да. Джентльмены так не сидят.

– Я словно очень долго сплю, а потом бодрствую урывками, – пожаловался Бен. – Что-то вижу, что-то слышу, однако не могу ничего сделать. Не знаю, как долго я смогу ещё выдержать эти муки.

Моё положение было не многим лучше, но мне стало невыносимо стыдно оттого, что я ем приготовленную для него еду, сплю в его постели, играю с его собакой и купаюсь в любви его родственников.

– Меня очень задело, что некто в моём теле пытается совратить мою же сестру, – кажется, Бен снова начал сердиться. – Что она делала здесь в одной ночной рубашке? Зачем ты её... трогал?!

Я спрятала лицо в ладонях. Двойной фэйспалм, так сказать.

– Да что вы здесь какие-то все озабоченные! Чарли была в ночнушке, потому что у нас были посиделки перед сном. Болтали мы с ней по-дружески. И почему мне нельзя её обнимать, тем более когда есть повод? Я вообще люблю обниматься. Это мило и абсолютно не пошло. Да, кстати, никого насиловать я не собираюсь. Я, если ты не заметил, девушка.

Парень так долго не отвечал, что мне показалось, что связь опять прервалась.

– Девушка? Ты девушка?

– Угу. Слушай, а я могу у вас считаться леди? Я школу окончила, в университете учусь. Рисую, на скрипке играю. Правда, с рукоделием у меня не сложилось, но пуговицы я умею пришивать.

Завидная невеста, чё уж там.

– То есть... ты не англичанка? – бедный Бен с трудом подбирал слова.

– Не, я русская. А ещё я из будущего. У нас в России давно царя нет, у нас теперь республика. А у вас монархия осталась, но она так, чисто декоративную функцию имеет.

Тут я притормозила. С удовольствием бы рассказала ему о будущем, но решила лишний раз не травмировать бедолагу.

– Как тебя зовут?

– Варя. Полное имя Варвара, но мне оно не очень нравится. Так что называй меня Варя или Варежка.

Судя по тому, как он долго зависает от моих реплик, стоит с ним быть поласковой. Хотя я и так сама доброта, куда уж дальше. Хм, а ведь был таким уверенным, пока не узнал, что имеет дело с девчонкой. Главное, чтобы он недолго стеснялся, а то это раздражать начнёт.

– Варя, – его голос зазвучал приглушённо, – я приношу свои искренние извинения за то, что не скупился на обидные слова, которых ты недостойна. Пожалуйста, прости меня, если они причиняли тебе боль.

Погодите, он что, меня не только «тварью» обзывал? Коммуняка проклятая! Ну ладно, так и быть, прощаю. Я бы тоже на его месте ругалась.

– Да не извиняйся. Я же не извиняюсь за то, что порчу тебе репутацию.

– Верно, – с неохотой признал Бен после очередной тревожной паузы.

Я подгрребла к себе подушку и обняла её.

– Бенни, я понимаю, что мы оба сильно влипли, но давай дружить. Наверное, ты очень хороший, раз тебя так любит Чарли...

– Зачем ты мнёшь подушку? – перебил меня Бен. Видимо, по-настоящему переживал за свой имидж.

– Как «зачем»? Я представляю, что это ты.

– А ты смелая.

– Не нужно много смелости, чтобы мять подушку.

– Девушки... Леди так себя не ведут. Не обнимаются с незнакомыми мужчинами.

– Ты мне почти родной.

К сожалению, ответа я так и не услышала. То ли его опять затянуло в муть подсознания, то ли обиделся. А что больше всего меня огорчило, так это то, что мы с ним не успели обсудить дальнейший план действий. Врозь же нам лучше будет.

Чарли умоляла не рассказывать о нашем с Озом приключении детям. Человек, изгнавший из дома автора сборника «О нравственности и добродетели», был обязан стать более достойной заменой. На деле же мои поступки граничили с плохим примером. Бесспорно, прекрасно то, что я отомстила обидчику Кейт, изловив его и отдав в руки правосудия, но мне же пришлось ради благородной цели обмануть родных, разгуливать по опасным ночным улицам и вырядиться в женское платье. Видите ли, что позволено вымышленному герою, то непростительно для Бенджамина Ханта. И, несмотря на то что Чарли отчитала меня, она живо интересовалась бытом ист-эндовцев и устройством полицейского участка. Знала же, что ей это всё для творчества может пригодиться.

А малявки обиделись на меня. А я им ничего плохого не сделала, просто ушла ловить маньяка, не рассказав на ночь сказку. Пришлось пообещать, что вечером обязательно продолжу знакомить их с приключениями Гарри Поттера и его друзей. Чтобы наверняка избавиться от клейма врага народа, решила откупиться. Взяла бумаги и понаделала лягушек и самолётиков. Не прогадала: Эмма и Фредерик пришли в неописуемый восторг от новых безделушек. Реально не рассчитывала на такую реакцию у тех, за чьи игрушки с радостью бы поборолись музеи и коллекционеры со всего мира. Эмма была счастливой обладательницей кукольного домика с кучей мебели и куколок, под командованием Фредерика находилась целая крепость с солдатыками, а сколько у них на полках стояло симпатичных мелочей! У меня руки так и тянулись к ярким фигуркам животных и механическим коробкам с танцорами. Однако кто разберёт детскую душу. Если бы самолётики не могли летать, то остались бы без должного внимания, так как детишки о таком чуде техники и не мечтали. Зато стая бумажных лягушек быстро заняла первое место в их хит-параде. Они даже нарисовали попрыгушкам глазки и короны. С лягушки, подписанной «Бен», я ржала долго и со вкусом. На «Варю» я, может, обиделась бы слегка, но имя-то не моё. А потом начался мой персональный ад: дети попросили меня обучить их искусству оригами. Со стороны всё выглядело умильно, но сколько нервов мне стоило показать им, как правильно складывать бумагу! Подумать раньше не могла, что быть учителем непросто. Оказывается, надо не только уметь объяснять то, что сам хорошо знаешь, но и иметь отменное терпение.

Мне двум вундеркиндам хотелось постучать по голове, чтобы знания лучше утрамбовывались, а каково же тем, кто обучает класс из двадцати-тридцати человек? Слава Эру, мама не уговорила меня подавать документы на поступление в пединститут. Я бы после первой практики села в тюрьму за преступления, связанные с несовершеннолетними.

Спасло мои нервы появление миссис Хант в компании новой гувернантки. Я искренне посочувствовала девушке, предстоящей возиться с двумя недорослями. Чарли, кстати, тоже сочувствовала разного рода учительницам, так как, с её слов, нет ничего страшнее для леди, чем остаться без покровителей и быть вынужденной идти и самой зарабатывать себе на хлеб. За каждой гувернанткой скрывалась своя грустная история, и вряд ли мисс Бишоп была исключением.

Почувствовав себя лишней, я скромно поздоровалась и пошла прочь из детской. Новоявленная Джейн Эйр также поздоровалась, но в её голосе и взгляде было столько презрения, как будто это я, такая убогая, пришла устраиваться на работу. Что ж, буду надеяться, что это нормальная девушка без заскоков, а её внешняя холодность всего лишь защита.

Как выяснилось, Оз не забыл о своём предложении приобщиться к миру сверхъестественного. Он прислал мне записку, в которой приглашал нынешним вечером пойти с ним на сеанс некой Элизабет Хайнц. Честно предупредил, что удовольствие платное, с оговоркой, что каждый оставляет столько денег, сколько посчитает нужным. А что, интересный ход. Нет отпугивающих цен, зато простаков, желающих узреть чудо, найдётся немало.

Ох, не люблю днём валяться без дела, да куда деваться, если к вечеру я должна быть бодрой как огурчик. И так ночка у нас выдалась не из лёгких, поэтому придётся себя поберечь.

Скинув ботинки, я легла на кровать и попыталась представить предстоящий сеанс «чёрной магии». Там будут фокусы вроде карточных? Или мадам-медиум действительно обладает экстрасенсорными способностями? Будет здорово, если она поймёт, что в этом теле существуют два человека, тогда у меня появится шанс вернуться домой, а Бен наконец станет собой.

Стоп! Нечего губы раскатывать, от этого разочарование только сильнее будет.

Стоило хорошенько так задремать, на кровать запрыгнул Тоби и разлёгся у меня на животе. Вместо того чтобы прогнать щенка, я погладила его, и спустя считанные секунды мы затеяли весёлую возню. Немного ласки его не избалует.

– Ну всё, всё, дружок. Давай отдыхать.

В ответ Тоби полез лизаться.

– Вечером... у меня... важное дело... – я еле-еле отстранила от себя жизнерадостного пёсика. – Свинтус мелкий, я же тебе спать не мешала.

Я даже была рада внезапному появлению горничной, которая против воли отвлекла внимание Тоби на себя. Бигль соскочил на пол и буквально полез ей под юбку.

– Ваш чай, сэр, – невозмутимо сказала девушка. Подождав, когда я уберу собаку, шурша своим одеянием, прошла дальше в комнату и поставила поднос на стол.

– Спасибо, Джейн. А я разве просил чай?

– Сегодня вы выглядите очень уставшим. Обычно в такие минуты вы пьёте чай. Обязанность прислуги – угадывать желания хозяев, – произнесла она, слово заученный отрывок из параграфа.

Ну чай-то можно попить. Лучше бы кофе, но зачем гонять человека туда-сюда и изводить капризами? У слуг и так жизнь не сахар.

Я взяла в руки горячую чашку с розой на боку и позолоченной каёмочкой. Какой запах... Не скажу, что прям совсем вонища, в трущобах всякого нанюхалась, но я не люблю чаи с химическими отдушками, как бы Скай ни пыталась меня на них подсадить. А вот мяту, чабрец и небезызвестный «Эрл Грей» я уважаю, они хотя бы не имеют вкуса экологической катастрофы.

А Бен суровый парень. Его чай – пустой. На подносе ни конфетки, ни печеньки, ни кусочка сахара. Должно быть, горничная знает его привычки, поэтому не стала радовать меня сладким. Жестоко.

Сделала один глоток и отложила чашку на блюде. Сорри, гайз, но вливать в себя через силу эту бурду я не могу. Невкусно, несладко и вообще фу. Чувствую, чаёк отправится туда же, куда и мои лекарства –

за окошко. Кстати, пока не успела отлить из бутылок сегодняшние дозы.

Расправившись с нежелательными жидкостями, я выгнала Тоби в коридор и с чувством выполненного долга разлеглась на кровати.

В первом же сне я снова очутилась на унылой Флауэр-энд-Дин-стрит. Да что такое, мне нужны розовые пони, а не грязные проститутки!

Ко мне приблизилась размытая фигура. В её руке сверкнул нож, а в следующее мгновение мой живот пронзила острая боль.

Сдавленно вскрикнув, я проснулась.

Что за... Ой!

От нового приступа рези я сложилась пополам. Блин, и так долго не отпускает... Как больно!

Я со свистом дышала через стиснутые зубы и не могла заставить себя распрямиться. Что за дела?! Так болит, будто что-то разрывает внутренности. Может, это аппендицит? Или тогда только бок болит? А какой, левый или правый? Ох, и тошнить начинает... Если это и вправду аппендицит, нам с Беном хана.

– Бен, – просипела я, сминая пальцами плед. – Бенни, чем ты болеешь? Скажи...

Не отзывается. Не слышит или не может ответить.

Стоило боли слегка притупиться, я дотащилась до ванной комнаты, где меня благополучно вырвало. Тошнота отступила, но резь возобновилась с новой силой. Да из меня Чужой вот-вот вылезет!

Чарли даже не пришлось ничего объяснять. Она под руку отвела меня к своей кровати, помогла улечься и поставила рядом пустую корзину для бумаг. Терпеть не могу, когда за мной ухаживают, как за маленьким ребёнком, но сильная боль в животе лишала остальные части тела гибкости, поэтому сопротивляться было невозможно.

– Опять что-то экзотическое придумал? – Чарли наклонилась надо мной и быстро провела платком по лбу и щекам. – Это пот или ты умывался?

Фак, мне и так плохо, а предстоит выбрать, на какой вопрос ответить в первую очередь.

– Умывался, но это может быть и пот.

В ванной я увидела своё лицо в зеркале и поразились тому, как Бен ухитрился так вспотеть. В родном теле на мне никогда не появлялись

ни «бисерины», ни тем более «горошины» пота. А может, мне просто никогда не было так хреново.

– Ничего такого я не ел, – заговорила я после короткой передышки. – Сегодня ел, как все, даже меньше. Потому что спать хотелось больше, чем есть.

– Признайся, в трущобах что-то перехватил. Купил какую-нибудь дрянь у уличного торговца.

Да я что, враг себе? Я даже дома фастфуд придирчиво выбираю. Никогда не беру шаурму и то, что готовится непосредственно в антисанитарном ларьке.

От боли я прижала руки к животу, как актрисы, которые в кино изображают выкидыш.

– Я там, как в царстве фей, ничего не ел. Там же микробы размером с собаку бегают.

– Сделаю вид, что поверила, – хоть девушка хмурилась, она всё равно не могла сдержать волнение. – Может, дело в твоих лекарствах?

– Я не принимаю лекарств.

– Тебе же доктор Симмонс...

– Я их не принимаю, – повторила я. – Он выписал их наугад, не разобравшись, нужны ли они мне вообще.

– Бенни...

– Хочешь сказать, что я безответственный кретин? А люди, которые предлагают мне принимать наркотики и обвешиваться пиявками, адекватные?

Оставаясь в образе умудрённой жизненным опытом женщины, Чарли вздохнула и покачала головой.

– То есть ты даже от обезболивающего откажешься.

– Если не спирт и не наркотики, то нет.

– Хорошо. Тогда я дам тебе микстуру, которую принимаю, когда... – девушка вдруг замаялась и вовсе не закончила предложение.

Я тихо застонала от нового приступа боли.

– Когда у тебя женские дни? Давай, значит, точно поможет. Уй-уй-уй, как больно... Щас умру!

– Если ты умрёшь, я тебя убью!

– Делай со мной всё, что хочешь, только маме своей ничего не говори.

Не знаю, обратила ли Чарли внимание на явно лишнее слово, однако она не стала со мной спорить. Её лекарство я приняла безропотно, даже не стала спрашивать его состав. Когда что-то сильно болит, мир резко суживается и гордость отступает на задний план. Что угодно проглотишь, лишь бы больше ничего не болело.

– Либо говори правду, либо вспоминай, что ел. – Похоже, Чарли взяла на себя роль мамочки.

Некстати подумалось о допросах с пытками. Теперь я определённо знаю, что боль не способствует лжи.

– Да клянусь тебе, ничего такого в рот не брал... А знаешь, было кое-что подозрительное. Джейн принесла мне чай, хотя я не просил. Такой противный, жуть.

Чарли встрепенулась.

– Где чашка?

– У меня. Я её никуда не уносил.

Она тут же за ней сгоняла.

– Дурак, – зашипела девушка, потрясая пустой чашкой с розочкой, – она же отравой пахнет, а ты всё выпил!

– Ничего не всё! Пригубил слегка, а остальное вместе с лекарствами в окно вылил!

Чарли медленно поднесла чашку к лицу, словно и так помнила сей «божественный» аромат, но всё-таки поморщилась.

Ну раз англичанка нос от чая воротит, значит, тут действительно что-то не так.

Нервно сцепив между собой пальцы, горничная смотрела на меня затравленным взглядом. Даже если она ни в чём не виновата, её волнение понятно: вызов на ковёр всегда грозит неприятностями.

Наверное, это не по-джентльменски, но я не стала при ней вставать с кровати. Боль не настолько утихомирилась, чтобы её можно было терпеть стоя.

Чарли не церемонилась.

– Джейн, что это?

У девушки задрожали губы, когда ей продемонстрировали злополучную чашку.

– Отвечай, иначе мне придётся доложить обо всём матери.

– Я не хотела ничего плохого, – прошелестела горничная.

– Ага, попалась, – я приподнялась на локте. – Зачем ты дала мне этот чай? Видишь, мне плохо от него стало, живот до сих пор адски болит.

Джейн сглотнула.

– Это был не чай.

– Не чай? А что? Мышьяк? Цианистый калий?

Тягостный вздох.

– Любовное зелье.

Мы с Чарли аж переглянулись. Ну и как на это реагировать?

Я нашла в себе силы сесть.

– Джейн, зачем ты меня чуть на тот свет не отправила, раз так любишь?

Она сделала шаг назад, будто боялась, что я на неё накинусь.

– Простите, сэр. Я вас не люблю.

– Так быстро разлюбила?

– Вы всё неправильно поняли.

– Лады. Представь, что мы с Чарли два идиота. Попробуй нам всё рассказать так, чтобы мы поняли.

Горничная с сомнением оглядела «идиотов», однако ей всё же было некуда деваться.

– Это всё Мэри.

И замолчала. Хоть клещами из неё слова вытаскивай!

– Какая Мэри? – в один голос спросили мы.

– Мэри Бишоп. Она очень просила меня отнести вам зелье. Говорила, что давно в вас влюблена.

– Новая гувернантка? – удивилась Чарли. – Она же сегодня первый день работает. Бен, ты ничего от меня не скрываешь?

Насчёт Бена ничего не могу сказать, свечку над ним не держала, а я точно ни с кем шуры-муры не крутила. Значит, буду отвечать только за себя.

Отпустив подозрительную горничную, мы с Чарли устроили совет. Верить на слово было нельзя, Джейн ничего не стоило свалить свою вину на нового человека в доме. О содержимом чашки также невозможно было однозначно судить. Это мог быть как яд, так и любовное зелье кустарного производства. Если последнее, возможно, дурёха была влюблена в хозяйского сына, но побоялась признаться.

Как-то не верится, что на Бена положила глаз незнакомая девушка, которая при встрече смотрела на меня как на дохлого таракана.

Переживания по поводу собственного самочувствия легко испарились. После лекарства боль практически отпустила, и новых симптомов вроде затруднённого дыхания, паралича или банальной диареи не последовало. Можно было жить дальше.

– Чарли, попробуй аккуратно узнать у мамы что-нибудь про этих девиц. Откуда они, что вообще о них известно. Будет спрашивать, зачем это тебе, скажешь, что ты будущая хозяйка и должна уметь подыскивать прислугу.

Она согласно кивнула.

– Ты хорошо придумал. С учётом того, что в последнее время у нас тут просто исход евреев из Египта, мама ни о чём не догадается.

Не очень поняла, что она имела в виду, но «Египет» неприятно царапнул душу.

Глава 10. Тариф «потусторонний»

«Это был мой ангел-хранитель, но, увы, как ни стараюсь, не могу вспомнить его лицо...»

Дневниковая запись, 15 апреля 1912 г.

Оз явно пытался меня развеселить, рассказывая забавные истории о спиритических сеансах, на которых имел счастье присутствовать, и от этого моё настроение только сильнее портилось. Материализовавшиеся призраки, которые оставляют на зрителях следы от муки, не помогут мне вернуться в двадцать первый век. Не нужна мне шоу-программа со спецэффектами, мне давно пора домой!

А Чарли не могла удержаться от смеха. Она стыдливо опускала голову и прикрывала рот рукой, потому что леди не пристало ржать, как лошадь. Будь здесь миссис Хант, она бы обязательно отругала дочь за столь вольное поведение. Она вообще любила шпынять девушку по поводу и без. Не так села, не то сказала. «Дорогая, не накладывай себе столько мяса, это неподходящая пища для леди». «Голубушка, этот разговор не для девицы». «Чарли, почему ты за всю неделю не связала ни одного носка?» «Не улыбайся зубами, это не красит леди». И так до бесконечности. Сестра Бена спокойно терпела тычки и упрёки и огрызалась лишь в крайних случаях. Прежде чем выцыганить разрешение Чарли пойти со мной, я морально приготовилась к длительной осаде, однако строгая маменька очень обрадовалась такому повороту событий. По её мнению, Чарли надо чаще выходить в свет, да и перспектива сблизиться с сыном пэра была весьма заманчивой.

Думаю, миссис Хант немало огорчилась бы, узнав, что потенциальная пара таковой не являлась. Молодые люди вели себя дружелюбно, и только.

Я разглядывала активно заполняющуюся гостиную, в которой с минуты на минуту должно было начаться представление. Здесь не было мест, как, например, в театре. Зрители рассаживались, где им было удобно, благо в их распоряжении были диваны, кресла и пуфики. Также отсутствовало подобие сцены и прочих атрибутов вроде

самоходных тарелок и дощечек с буквами. Даже атмосфера не напоминала о сверхъестественном, не было здесь ни черепов, ни страшных оккультных изображений. Радовали глаз изящные лампы с нарисованными бабочками и цветами, статуэтки в виде слонов и пузатых купидонов, бархатные подушечки с кисточками и прочие безделицы. А от вида обильных угощений на натюрморте у меня тоскливо сжимался желудок. Из-за отравления пришлось вынужденно сесть на диету и хотя бы на сегодня забыть о сладком и жирном.

– Надеюсь, мисс Хант, вы не испугаетесь гостей из потустороннего мира, – неудачно пошутил Оз.

Неудачно, потому что реакция Чарли оказалась для меня предсказуемой.

– А с чего вы решили, что я должна испугаться? Раз я женщина, значит, должна падать в обморок, услышав мышинный писк?

– У вас более деликатная нервная система. – Оз избрал более или менее верную тактику, не став напрямую говорить о женщинах как о нежнейших волшебных созданиях. – Женщины легко возбуждаются и много переживают, а о нас, мужчинах, в этом плане природа позаботилась гораздо лучше.

Ага, как же. Встречала я в своей жизни и «железных леди», и слабохарактерных мужиков-паникёров.

– То есть природа женщин обидела, – не удержалась я от подкола. – Оттого они такие убогие и несчастные.

– Ну что ты, Бен. Не убогие и несчастные, а утончённые и ранимые.

Чарли положила на колени сложенный веер. Она вообще этот аксессуар не любила и обмахивалась им редко.

– Как мне надоело это лицемерие! Если женщины, как вы говорите, утончённые и ранимые, то почему нас мучают нелепыми запретами, неудобной одеждой и обязанностью рожать целую армию детей, когда двух-трёх вполне достаточно?

Я заметила, что некоторые люди заинтересовались нашей беседой, однако, к счастью, не решились к ней присоединиться.

– Это мужской шовинизм, бессмысленный и беспощадный. – Я откинулась на спинку дивана и похлопала Чарли по плечу. – Надо бороться с патриархатом и стремиться к равноправию полов.

– Откуда ты берёшь такие дерзкие фантазии? – хмыкнул Оз.

– Что в этом дерзкого? По-моему, общество, в котором мужчины и женщины имеют равные права, гораздо лучше того, где особи одного пола всячески принижают других. Я бы с удовольствием жил в таком.

Приятель с тихим смешком покачал головой.

– Боже, ну и глупость.

Ни фига не глупость! Это моя родная стихия! Ну ничего, я всю дурь из тебя выбью!

– Ах так! Да женщины ничуть не глупее нас!

– Может, им ещё политикой заняться?

– А как же королева? – вмешалась Чарли. – Или она, по-вашему, только личным хозяйством управляет?

– Боже, храни старушку, – вставила я с серьёзной миной.

Оз даже не улыбнулся.

– Бен, а ты какой партии сочувствуешь?

– Я беспартийный, – гордо ответила я.

Чарли неопределённо фыркнула. Каюсь, наверное, ошиблась, но я не виновата, что мне никто не подсказал нужный ответ. Зато кое-что я знаю точно.

– В ближайшие сто лет женщины добьются равноправия. Они будут учиться в университетах и получать профессии, о которых даже мечтать не смели. Их одежда станет гораздо удобней и привлекательней, в частности нижнее бельё. Никто не будет навязывать им нежелательных мужей и заставлять рожать, если они не хотят.

– Какое страшное пророчество, – рассмеялся парень. – Тогда же настанет хаос!

– А сейчас что, тишь-гладь-Божья благодать? Нет чтобы нормально разобраться с грязью на улицах и разворованными приютами, мужчины вбухивают все силы и средства в войны.

– А мне нравится «пророчество», – заявила Чарли, не дав Озу и рта раскрыть. – Я бы хотела быть более самостоятельной. Мистер Тёрнер, это же нечестно! Почему, если девушка рождена в бедной семье, ей придётся смириться со своим незавидным положением, а молодой человек может сделать карьеру и сколотить капитал? Или посмотрите на меня. Я воспитана в благополучной семье, но в случае отцовского разорения могу в лучшем случае рассчитывать на место гувернантки. А я не такой доли себе желаю. Да будет вам известно,

честолюбие мне не чуждо, я бы нашла, куда применить свои таланты. К сожалению, из меня пытались вырастить всего лишь «украшение гостиной», однако, если верить словам матушки, любое чучело со стеклянными глазами будет более достойным образцом, нежели я.

Ай, молодец! Миссис Хант удар бы хватил от дочкиных откровений.

Оз вытянул шею, явно стараясь разглядеть время на каминных часах. То ли мы его достали, то ли ему не терпелось увидеть медиума.

– Мисс Хант, может, вы тоже изречёте какое-нибудь пророчество?

– Нет уж, – отбила троллю атаку Чарли, – пусть этим занимается Бен, у него лучше получается.

Я с радостью возобновила поток «хороших новостей».

– Русские первыми полетят в космос, появится мгновенная электронная почта, и президентом Соединённых Штатов Америки станет негр.

Чарли с Озом одновременно засмеялись. Блин, на нас уже народ косится с откровенным презрением. Наверное, думают, что мы насмехаемся над миссис Хайнц.

– Вот вы гиены, я же правду говорю, – моя обида была почти настоящей.

Рискуя потерять облюбованное место, к нам приблизился юноша с зализанными волосами и в смешных очочках.

– Прошу прощения, – заблеял он. – Мне правда очень неудобно...

– Неудобно спать на потолке – одеяло падает, – ляпнула я, вызвав новый приступ веселья у Чарли. – Вы хотели сказать что-то более существенное?

Парнишка сдавленно покашлял, словно этот ритуал должен был придать ему смелости.

– Сэр, вы действительно знаете будущее?

Бедный лошарик принял мои слова за чистую монету! С одной стороны, приятно, что хоть кто-то воспринял меня всерьёз, с другой же, было жалко этого простофилю. Неудивительно, что при наличии подобных ему зрителей бизнес медиумов и столовращателей процветает.

– Смотря что, – уклончиво ответила я. – С тех пор как я ударился головой после падения с лошади, меня иногда посещают видения. Порой вижу, что буду есть на завтрак, а бывает, в моём сознании

всплывают события мирового масштаба. Гибель принцессы Дианы, атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, казнь Саддама Хусейна, Олимпийские игры 1980 года в Москве... Я знаю слишком много.

Чесслово, у чувака сейчас глаза из орбит выскочат.

– Невероятно... Наверное, тяжело обладать даром ясновидения?

– Увы, не все это понимают. Вы первый, кто проникся сочувствием, – вздохнула я.

А друзья мои, засранцы, молчат. Позволяют глумиться над очкариком.

– Прошу простить мою бестактность... Не могли бы вы и мне что-нибудь предсказать?

Круто. Когда я приносила из школы двойки, мама говорила, что я буду играть на скрипке в переходе. Фигушки, у меня новый источник дохода – гадания.

– «Титаник» ещё не затонул?

Признаюсь, с цифрами и датами у меня всегда была беда.

– Какой «Титаник»? – не понял простачок.

Попала.

– Чудненько. Ни в коем случае не покупайте билет на этот корабль. Потонет к чёртовой бабушке.

– Не покупать билет на «Титаник». Я запомню, – с благоговением откликнулся очкарик.

– И вот ещё что. – Я подалась вперёд и заговорила на полтона тише: – Больше никогда не просите помощи у колдунов и медиумов. Вас обманут.

– Не слишком ли жестоко ты с ним? – шепнула Чарли, стоило счастливому дурачку отойти.

– Поверь, он во всех смыслах так целей будет. Кстати, вы тоже билеты на «Титаник» не покупайте, вы всё равно не сможете спокойно на нём плыть.

Элизабет Хайнц не была похожа на городскую сумасшедшую. И на гения с агрессивной харизмой, собирающего людей стадионами, она тоже не тянула. Перед нами предстала женщина лет тридцати с хвостиком, но сохранившая детскую наивность во взгляде. Волосы «мышьиного» цвета были убраны в подколотую гребнем

незамысловатую причёску. Ещё больше сходства с мышкой ей придавали маленькие круглые ушки без серёг. Она была одета в бордовое платье не слишком сложного кроя и обошлась практически без украшений. Единственным предметом бижутерии, который наверняка заметили все, была небольшая тёмная брошь в виде черепа на скрещённых костях, что ярко контрастировало с её образом. Медиум держалась весьма скромно, негромко поздоровалась со зрителями и поблагодарила их за то, что пришли. Вообще-то я люблю шоу и фриков, однако поведение миссис Хайнц мне очень импонировало. Я бы сразу разочаровалась, увидев страшную бабу в татуировках и с длинными чёрными ногтями, разговаривающую с публикой театральными фразами. Чу! Я слышу шаги призрака!

Рядом с ней крутился её муж, тип с густыми усами и обширными залысынами. То ли действительно беспокоился о супруге, то ли следил за тем, чтобы никто не заметил подвоха. Оз говорил, будто на таких сеансах зрители чувствуют посторонние запахи и слышат странные скрипы и вздохи, а иногда кто-то замечает лески, к которым подвешивают «летающие» предметы. Так, ну вроде не видно ничего подозрительного, нет посторонних запахов, и команда «Все видят раду? Отлично, поехали!» не прозвучала.

Медиум опустила на поставленный в центре гостиной стул с мягкой спинкой и, закрыв глаза, стала глубоко дышать.

– На ней нет корсета, – авторитетно шепнула мне на ухо Чарли.

Вряд ли осуждала, скорее, восхищалась.

Спустя примерно минуту миссис Хайнц открыла глаза.

– Я готова. Чей дух я должна вызвать?

Вот так, по-скромному, без всяких «Врата в сумеречный мир открыты!».

Первыми клиентами стала по виду семейная пара почтенного возраста. Они пришли на сеанс, чтобы получить весточку от своей дочери.

Заказ был исполнен в рекордные сроки.

– Маман? Рара? – миссис Хайнц заговорила другим тембром. – Я тоже скучаю по вам. Никакими словами не описать мои страдания, когда я вижу ваши слёзы. Вы пятнадцать лет плачете, а я пятнадцать лет из-за этого мучаюсь.

– Марджори... Это моя дочка, – всхлипнула пожилая женщина и промокнула глаза белоснежным платочком. – *Ma chère fille*, я не знала, что мы так тебя расстраиваем. Ты никогда об этом раньше не говорила.

– Мы впервые общаемся за столько лет разлуки.

– Как? – похоже, бедная мать была немножко шокирована. – Мы с тобой в последний разговаривали год назад на сеансе мистера Фэбьюлуса. Я просила совета, как украсить твой любимый садик.

«Дух» стоял на своём.

– Нет, тапан, вас с рара обманул этот злой человек, воспользовавшись вашей безутешностью. Умоляю, перестаньте плакать, и не надо каждый день приносить в мою комнату букет роз.

– Ах, никто об этом не знал! Дочка, что мы можем сделать для тебя?

– Не плачьте. У вас же есть ещё дети и внуки, ради которых стоит жить. И у меня будет всего одна просьба. Покажите Эмми Джонс мои акварели, и пусть она возьмёт те, что придутся ей по сердцу.

Старичок уставился на жену.

– Кто такая Эмми Джонс?

– Не знаю, *mon cher*... Эмми! Наша горничная?

– Эта милая девушка очень любит живопись, – пояснила медиум.

Первый акт был благополучно завершён. Супружеская пара удалилась, оставив некоторую сумму в прозрачном сосуде, который выполнял функцию кассы. А хитро придумано: вроде платишь сколько считаешь нужным, но другие видят, что ты оставляешь. Некоторым явно стрёмно выделяться грошами.

А представление само по себе – развод чистой воды. Спасает только то, что сыграно без фальши и фанатизма. Даже по конкуренту умудрились проехаться.

Дальше всё пошло не так радужно.

Мужик, попросивший об аудиенции с недавно умершим папашей, устроил скандал. Миссис Хайнц прекрасно справилась с новой ролью, она действительно говорила низким мужским голосом, и как раз то, что она говорила, выбесило клиента. Оно и понятно, кому понравится, если любящий родственник сыпет проклятьями вместо того, чтобы мирно предложить забрать ценные бумаги из секретного места? Мужчины неприятно посмеивались, немногочисленные женщины изо

всех сил изображали стыд, а наследничек чуть ли ногами не топал от негодования. В итоге он ушёл. И не оставил ни пенни.

Следующий вызов духа ещё больше позабавил присутствующих. Мистер Хайнц чуть не надавал по морде юнцу, полезшему целоваться с медиумом, изображавшей покойную невесту. Спектакль спектаклем, а смотреть на это было до тошноты противно. Вместо трогательной сцены воссоединения влюблённых получился балаган с колотушками. Миссис Хайнц даже выглядела после этого инцидента донельзя смущённой и за нового духа взялась без энтузиазма. И опять по комнате пролетела птичка обломинго! Клиент разбушевался из-за того, что умерший не назвал клички лошадок, на которых можно поставить, а посоветовал взяться за голову и бросить распутный образ жизни. Мистер Хайнц и ещё пара равнодушных мужчин решили выпроводить товарища.

– Какое ты имеешь право мне морали читать, шлюха?! – надрывался идиот. – Впускаешь в своё тело всех подряд! Чтоб ты сдохла!

Медиум нервно сжимала свои маленькие пальчики и смотрела на публику, как несправедливо обиженный ребёнок. Больно, страшно, и непонятно, почему с тобой так обошлись. Её начало мелко трясти, в глазах заблестели слёзы. Маленький рот с пухлыми губками был приоткрыт, словно слова защиты и оправдания потерялись на полпути.

Отмахнувшись от Оза, явно всякого навидавшегося на таких мероприятиях, я подошла к женщине. Наклонившись, взяла в руки её холодную вспотевшую ладошку.

– Не переживайте, – тихо сказала я и зачем-то добавила: – Вы прелесть.

И чувствовала себя при этом полной дурой. Не сомневаюсь, кто-нибудь, как Оз, посчитал, что я купилась на актёрский трюк. Да ещё я вдруг застеснялась чужого тела: из-за существенной разницы в росте Элизабет Хайнц представлялась мне крохотной девочкой. Её рука выглядела детской в моих огромных ладонях.

Блин, хочу снова стать полутораметровой девушкой.

Медиум отреагировала на мои фамильярные прикосновения заторможенно.

– Вы... Спасибо.

Не улыбнулась. Смотрит со страхом. Как собака, ожидающая получить пинок, после того как её подозвали ласковыми словами.

– Часто над вами издеваются?

– Муж меня защищает, – немного невпопад ответила она слабым голосом.

Упс. Как бы мне товарищ муж кое-чего не оторвал.

Я быстро подавила страх перед мистером Хайнцем и даже не обернулась, чтобы убедиться, что опасность далеко.

– Живые пострашней мёртвых, правда? – пошутила я.

Она наконец оттаяла.

– Вы заблуждаетесь, сэр. Нельзя недооценивать мёртвых. Ох, простите!

Её ладонь холодной рыбкой выскользнула из моей хватки.

– Простите, – повторила она. – Я вас напугала?

– Нет конечно. Вы совсем нестрашная.

Заметив приближение супруга, женщина приняла более или менее спокойный вид. Не успел мистер Хайнц что-либо сказать, как она посчитала необходимым вступить за меня.

– Джордж, всё в порядке. Этот джентльмен очень добр ко мне.

– Благодарю за то, что оказали поддержку моей супруге, – без особой благодарности произнёс мистер Хайнц, чьё лицо до сих пор выражало воинственность и готовность напасть на врага по малейшему поводу. – Полагаю, стоит закончить этот балаган.

– Дорогой, ещё один дух. Я же не могу остаться в долгу.

Мистер Хайнц придирчиво оглядел меня, затем метнул полный ненависти взгляд в публику. Зрители преспокойно обсуждали нынешний перформанс, будто пришли сюда не столько ради общения с душами умерших, сколько ради шоу. Даже понять их можно, без телика и интернета ведь живут.

– Сэр, – миссис Хайнц подняла на меня глаза, – кто вам нужен из мира мёртвых?

В этот момент я реально растерялась. Даже если бы я очень хотела с кем-нибудь встретиться, ничего бы не получилось: эти люди пока даже не родились.

Я неопределённо помотала головой.

– Нет, нет, у меня нет никаких пожеланий.

– А если кто-то сам хочет вам что-то передать?

– Было бы невежливо отказывать в этом усопшему, – не стала спорить я.

Чувствуя себя не в своей тарелке, снова села между Озом и Чарли. Толку от какого-то духа, раз госпожа экстрасенс не увидела во мне ничего особенного. Хоть в цыганский табор иди за помощью.

– Не переживай, Бен, – шепнула Чарли. – Ты не выглядел дураком, ты повёл себя как истинный джентльмен.

Только мне от этого не легче.

Вновь обратив на себя внимание зрителей, миссис Хайнц приступила к вызову очередного духа. Она пребывала в трансе дольше, чем обычно, и, открыв глаза, медленно поднялась со стула.

Вот и я о чём. Некого вызывать, фокус не удался. Что ж, в любом случае честь ей и хвала, значит, она действительно вступает в контакт с мёртвыми. Так что мне даже не стоило ничего ожидать по поводу моей проблемки, она, видно, специализируется только на некромантии.

Элизабет Хайнц подошла ко мне.

– Не стоит извиняться, мэм, – мигом затараторила я. – Вы же не виноваты в том, что духи не хотят со мной общаться...

Она стала гладить меня по голове. Я чётко ощущала, как она теревит волосы, наматывая прядки себе на пальцы и вновь распуская.

И она заговорила. На совершенно незнакомом мне языке. В её тоне сквозила жалость, которую можно было принять и за издёвку.

– Простите, я не понимаю, – вякнула я, что вышло у меня довольно жалко.

Медиум смотрела на меня, как хищник, готовый броситься на невезучую жертву. Без агрессии, но с пугающей решимостью. Исходящий от неё тонкий аромат лаванды заметно притупился.

Золотистый отблеск в глазах.

Я его уже видела. Кошка! Проклятая кошка!

– Что тебе нужно от меня? – воскликнула я, готовая вцепиться в женщину мёртвой хваткой.

Она отвечала на том же языке. Непонятно. Снова гладила, успокаивала.

– Пожалуйста, прекратите запугивать моего брата, – грубо, несмотря на прозвучавшее «пожалуйста», сказала Чарли.

– А мне интересно, – пробормотал Оз.

Да вы что, не видите, это же не игра!

Медиум нежно касалась пальцами моего лица и всё говорила и говорила...

– Отпусти меня. Я хочу домой, – прошептала я.

Снова её глаза замерцали.

Что? Меня поняли? Неужели...

Женщина со всхлипом распрямилась, словно её пронзила боль, и стала падать. Вскочив с места, я подхватила её. Из носа миссис Хайнц потекла кровь, тёмная дорожка из левой ноздри мгновенно добежала до губ. Задыхаясь, она открыла рот, и часть её белых зубов окрасилась в красный. Мистер Хайнц вырвал её у меня из рук как тряпичную куклу.

К счастью, она быстро пришла в себя, и на такой более или менее оптимистичной ноте сеанс был завершён. Я всё порывалась поговорить с медиумом, но её муж был слишком встревожен.

А мне-то теперь что делать?

– Когда я могу прийти? – напирала я.

– К сожалению, это невозможно, сэр, – без сожаления ответил мистер Хайнц. – Утром мы уезжаем. Столица приняла мою жену не очень ласково, а ей вредно столько нервничать и терпеть насмешки обывателей.

– Мне нужно узнать, что это был за дух и какое послание он мне передал.

– Даже если бы дух представился, это бы не помогло. Элизабет не знает экзотических языков. Обратитесь к кому-нибудь другому, и от души желаю вам не наткнуться на проходимца.

Меня даже не раздражал кеб с его скрипами, звонким стуком копыт и грязью на полу. Я всё думала о произошедшем, и мои мысли металась в голове в лучших традициях броуновского движения. Не попала домой – это, естественно, плохо. Но я же была близка! Зацепилась за наконец-то найденную ниточку, а это уже достижение. Правда, ниточка порвалась, и от этого накатывает уныние... Зато появилась слабенькая, но всё-таки надежда, что таинственный дух кошачьей статуэтки снова даст о себе знать. Не зря же он сам захотел выйти на контакт со мной.

А Чарли, похоже, тоже вся издёргалась. С одной стороны, у неё теперь масса новых впечатлений, а с другой – её явно беспокоит то, что творится с «братом». Она мнёт перчатки и каждые несколько минут спрашивает, в порядке ли я.

– Чарли! – голос Бена раздался так внезапно, что я вздрогнула.

Охо-хо, почему ты так не вовремя...

– Чарли... – в отчаянии повторил Бен. – Я скучаю по тебе, Чарли...

Я кое-как вытянула руку в неудобном летнем пальто и, приобняв девушку, потёрлась щекой о её плечо.

– Ты чего?

– Ничего. Я просто люблю свою сестрёнку.

Она дурашливо надвинула фетровую шляпу мне на лицо.

– Да ну тебя.

– Нет, правда...

– Так на тебя повлияло общение с покойниками?

– Вот ты вредная девчонка!

– Сестёр не выбирают.

Это точно. Только всякие духи их вместо братьев подсовывают.

Глава 11. По следам чёрной кошки

«11. Напомнить юному джентльмену, как важно быть внимательным перед выходом на улицу, дабы не быть оконфуженным».

Из ежедневника дворецкого Дженкинса

Я должна была во что бы то ни стало найти статуэтку.

Ночью, увы, я ничего не придумала, так как быстро отрубилась и наслаждалась здоровым сном до самого утра. И потом лучше не стало. Что ж, придётся подолбать Чарли и Оза, возможно, они что-нибудь дельное подскажут.

– Варя.

Я аж дёрнулась, будто меня током шарахнуло.

– Ты чуть не убил нас, – прошипела я, откладывая лезвие.

Ну хоть не на горшке застал, и на том спасибо.

– Прости, мне так стыдно...

– Угу. Леди не должны брить лицо, есть у вас такое правило? – перебила его я, чтобы он не расплылся на китайские церемонии. – Слушай, помоги. У вас в каком-нибудь музее есть артефакты из Египта?

– В Британском, но, Варя...

– Супер! Ты просто душка! Ты что-то хотел сказать?

И тишина.

Я успела закончить все необходимые утренние процедуры, а он так и не отозвался. Блин, абонент не абонент. Когда ж у нас связь нормальная наладится?

После завтрака я предложила Чарли пойти со мной в Британский музей. Я не была на сто процентов уверена, что там мне повезёт, но мысль о других музеях и частных коллекционерах пришлось задвинуть в дальний ящик сознания, чтобы не портить себе настроение. К моему огорчению, у Чарли оказались другие планы на этот день. Чем именно она собралась заняться, она не сказала, было лишь заметно, что сестра Бена возбуждена не меньше меня. Наверное,

на фоне последних событий ей пришла в голову какая-нибудь классная идея для книги. Ладно, тогда не буду мешать.

Договорившись с миссис Хант, что она сама проверит приют, и поиграв с кроликами, которых дети переименовали в Фили и Кили, я отправилась на поиски. Или на охоту, как это будет уместней называться?

Райончик Блумсбери в центре Лондона мне приглянулся сразу. Шумно, многолюдно, как везде, зато по сравнению с мрачным Ист-Эндом просто рай. Кеб остановился на Грейт-Рассел-стрит, дальше мне предстояло пройти пешком.

– Погодите, сэр! – окликнул меня кебмен.

Еле заставила себя развернуться. Опять, что ли, накосячила? Ну да, я периодически путаюсь в местных денежных единицах, но расплатилась вроде правильно.

– Вы забыли свою трость.

– А я без трости, – весело ответила я. – Но благодарю за бдительность!

Признаюсь, раньше меня завораживали изображения мужчин с этим аксессуаром. Однако, приглядевшись, я поняла, что эта штука бесполезней, чем клатч. Многие тросточки были до того коротки, что на них не представлялось возможным опереться. А фигнушка, которую меня домочадцы заставили взять с собой на спиритический сеанс, была до того сопливой, что я боялась её сломать. Что самое обидное, меня толком никто с тростью-то и не увидел. Добравшись в экипаже до дома, который снимали Хайнцы, оставила её в прихожей, а потом повторила действия в обратном порядке. Всё! Кто хотел поглазеть на Варю с тростью, тот опоздал.

Надо бы спросить дорогу. Вон, дамочки с плакатами «Право голоса женщинам» и «Нет насилию над женщинами!» выглядят очень симпатичными.

Вот только я им симпатичной не показалась.

– Сэр, как мило с вашей стороны, что вы обратили на нас внимание! – воскликнула худая тётка в кокетливой шляпке, явно приколотой к причёске. – Полубуйтесь, до чего вы нас довели! Мы вынуждены вопрошать у учёных мужей, почему они единственные могут считаться интеллектуалами.

Эта компания из восьми барышень примерно одного возраста действительно топталась у здания, похожего на учебное заведение.

– Да я не собираюсь вас осуждать, – я встала на свою защиту. – Я просто хотел спросить, как пройти в Британский музей.

Худощавое лицо женщины с острым носом стало ещё больше похоже на мордочку маленькой, но очень хищной птички.

– То есть вам абсолютно наплевать на то, что мы делаем?

Наверное, до отчаяния довели леди, раз она употребляет сниженную лексику.

– Нет...

– Вы считаете, что мы могли бы сейчас готовить мужьям обеды и вышивать им бисером тапочки?!

– Да нет же...

– Что мы попусту тратим время, стоя здесь, и позорим имена наших отцов?!

Фух, вот это напор!

– Да я за вас! – перекричала я защитницу прав женщин.

Постепенно снижая голос, я объяснила свою позицию, и за пару минут мы очень даже подружились. Мне пожаловались на то, что леди стыдно работать и получать за это плату, хотя на джентльменов этот бред не распространяется. Рассказали, как страдают женщины из низшего класса, теряя на нечеловеческой работе здоровье и получая за это меньше денег, чем мужчины. И, естественно, проехали по вопросу деторождения. Когда вновь пришла моя очередь говорить, меня слушали, как бродячего проповедника. Женщина должна заниматься сексом не по первому требованию мужа, а руководствуясь собственными желаниями, и при этом обязательно получать удовольствие от процесса. Количество детей в семье должно исходить от здоровья матери и материального благополучия: не дело же губить себя и плодить нищету, чтобы малыши потом мучились. Так же, по моей теории, всем женщинам должны разрешить работать, в том числе заниматься интеллектуальным трудом, а не тупо шить рубашки. А моё высказывание о декретном отпуске и выплачиваемом пособии по уходу за ребёнком вовсе произвело на них неизгладимое впечатление.

– От всего сердца благодарю вас за поддержку, сэр, – чинно сказала мне на прощание «атаманша». – Я понимаю, что лично вы не в силах что-либо изменить, но ваши слова породили в моей душе

уверенность, что среди мужчин попадаются не только самовлюблённые болваны.

На столь оптимистичной ноте я поскакала в Британский музей.

У меня аж дыхание перехватило.

Наш краеведческий музей смотрелся унылой коробкой с покоцанной лепниной на фасаде, а Британский музей выглядел воистину божественно. Огромное здание с колоннами в античном стиле одним своим видом переносило прохожих в другой, удивительный мир, абсолютно не похожий ни на этот, ни на мой родной.

Эх, Даньку бы моего сюда! Малой бы пищал от радости. Здесь столько статуй, барельефов с древними сюжетами и всего-всего, что глаза разбегаются. Да я сама была готова разорваться на несколько Варь, лишь бы хоть немного постоять у каждого экспоната. Но я-то сюда не за этим пришла.

В первом зале, посвящённом Древнему Египту, я просто офигела от количества артефактов. Помимо мелочовки вроде той, что привезли в наш музейчик, тут были бюсты фараонов, саркофаги и мумии. Настоящие засушенные человеческие трупы! Фу-фу-фу!

Ладно, я не из пугливых. Ищем кошку. Кис-кис-кис, зараза ты этакая!

О, кошачья мумия, больше всего похожая на кеглю, чем на животное. Не то, но уже теплее.

– Простите, сэр?

Я обернулась на голос. На меня пялился интеллигентного вида мужчина лет сорока пяти – пятидесяти с короткой рыжеватой бородой.

– Вы что-то ищете? – спросил он с долей усталости и недовольства.

А, точно. Я же, в отличие от других посетителей, мечусь как угорелая.

– Э... Просто...

– Если вы ищете Розеттский камень, то вы прошли мимо, – джентльмен сделал лёгкий взмах тростью по направлению к стенду с большим тёмным куском плиты.

Ох, не фиговый такой камешек. Мне почему-то казалось, что он поменьше будет...

– Потрясающая штукавина, только я ищу кое-что другое. Вы не видели здесь кошку?

– Кошку? – тот даже всю суровость растерял.

– Чёрную, с жёлтыми глазами. Не живую, конечно, и не мумию. Статуэтку.

Он ответил не сразу.

– Здесь есть бронзовая статуя. Это не единственный зал с египетской экспозицией, можете попытать счастья в других. Древние египтяне любили кошек.

– Ну вдруг видели. Каменная, маленькая такая. – Я пощёлкала пальцами, что было весьма непросто сделать в перчатках. – Богиня Бастет. Двадцатая династия, кажется.

Бородатый джентльмен приблизился ко мне вплотную.

– Разумеется, это не моё дело, однако ж позвольте полюбопытствовать. Для чего вам понадобилась эта кошка?

То ли у меня паранойя, то ли дяденька и впрямь подозрительный.

Не поверит же, если скажу, что всего лишь хочу позырить на диковинку.

Я тягостно вздохнула, чтобы выиграть время для подбора слов.

– Наверное, моё объяснение вам покажется странным, но вы сами хотели это знать. От этой статуэтки зависит моя жизнь.

– Вы видели её раньше?

– Да.

– Не здесь.

– Точно! Вы что, мысли умеете читать?

– Чего не умею, того не умею, – он вдруг огляделся. – И знаете, сэр, вам лучше признаться, где вы её видели.

Так, а с наездами со мной не надо разговаривать, я этого не переносу.

– Вы мне угрожаете?

– Если вам будет угодно, скажу прямо. Ваше нежелание отвечать на мои вопросы может привести к тому, что вас задержит охрана, и в случае вашего упрямства вами займётся полиция.

Ух, как всё серьёзно! Из всей этой кучи-малы я понимала только то, что не хочу снова угодить в кутузку.

– Ну подождите! Давайте разберёмся как нормальные, адекватные люди. Начнём с вас. Вы-то чего переполошились из-за кошки, будто

она ваша собственность?

Во взгляде ярого защитника каменных животных вновь появилось высокомерие.

– Я профессор Пембертон, участник экспедиции, из которой был привезён сей артефакт, и поэтому имею полное право знать, что с ним произошло.

Как круто! Если найти к нему подход, от него может быть польза.

– Вы тот, кто мне нужен! – я едва не взвизгнула от счастья.

– Молодой человек, вы...

– Пойдите... – до меня наконец-то начало доходить. – То есть вы тоже не знаете, где она?

Несколько секунд мы напряжённо играли в гляделки.

– Где вы видели её раньше? – профессор Пембертон не выдержал первым.

В краеведческом музее провинциального города России. Ах, да! Самое главное, в двадцать первом веке.

Нет, такое ляпнешь – и охрана в лучшем случае вышвырнет меня на улицу. Надо сначала прощупать почву.

– Профессор, вы верите в мистику?

Чесслово, у него щека дёрнулась.

– Вы не замечали за этой статуэткой ничего странного? – тем же загадочным тоном продолжила я. – Необычные происшествия. Изменения. Может, у неё глаза светились?

Мужчина сделал глубокий вдох и медленно выдохнул.

– Сэр, я уже было собрался выгнать вас взащей, но вам удалось меня убедить. Один из рабочих, египтянин, устроил в лагере переполох, крича, что Бастет гневаётся и от этого якобы пылают жёлтые глаза фигурки. Но проводник сказал мне и моим товарищам, будто это местный дурачок и обращать внимания на его истерику не следует. Один мой коллега тоже говорил о чём-то подобном, а позже опровергал свои же слова. Хм, где же вы могли её видеть? Вряд ли в Египте, я запомнил всех европейцев, бывших с нами в экспедиции. Да и вы бледны, как немощная девица, значит, не знакомы с тем климатом. Следовательно, вы были в хранилище, но кто дал вам допуск?

Вот Шерлок Холмс нашёлся!

– Да это неважно! Из-за этой кошки вся моя жизнь пошла наперекосяк.

– Сожалею, но не могу ничем помочь вам в поисках. Статуэтка исчезла из хранилища музея вместе с мумией царевны Неферпсут.

Что? Мироздание снова надо мной издевается?! Я этого не заслужила!

И что теперь делать? Ждать, когда статуэтка найдётся? Да её без камер наблюдения и дактилоскопической экспертизы будут годами искать. Мы с Беном не сможем столько терпеть!

– Я готов поучаствовать в расследовании! – в отчаянии выпалила я.

Заслужила скептический взгляд профессора.

– Вы что, детектив?

– Так, давайте я вам всё расскажу, – я постаралась придать себе наичестнейший вид. – Мне все говорят, что я Бенджамин Хант, сын банкира Арчибальда Ханта. Не верите, спросите у миссис Хант, она всё-всё про меня знает.

– То есть...

– Да, я потерял память, – назвала я официальную версию событий. – Джон, мой брат, говорит, что я, наверное, упал с лошади. У меня тогда действительно была несерьёзная рана на голове, но во всей этой истории много нестыковок. Последнее, что я отчётливо помню, – статуэтку и её светящиеся глаза. Тут поневоле в мистику поверишь!

– Сэр, если бы вы вспомнили, где видели артефакт, это бы ускорило поиски.

– Да вы что, шутите? Я себя-то не помню! Женщина, которая называет себя моей матерью, меня порой пугает. Она толпами таскает домой сомнительных врачей, они ж меня залечат до смерти!

Получила тростью лёгкий тычок по ноге.

– Будьте любезны, не шумите. На нас уже смотрят, – приглушённым голосом сказал профессор Пембертон. – Ваша история удивительна, и у меня нет оснований вам не верить. Так же как и нет оснований полностью вам довериться, – обломал он меня под конец.

Блин, какой несговорчивый мужик попался! В принципе, его можно понять. Музей обворовали, и тут я, такой сказочник, припёрся.

Надо быстро-быстро соображать. Так-так-так... А что же я зациклилась на этой гадской кошке? У Элизабет Хайнц так же сияли

глаза, когда она была в трансе, а это что-то да значит.

– Профессор, пожалуйста, расскажите мне об этой кошке. Может, это поможет мне всё вспомнить.

– Если это будет для вас полезным... Статуэтка изображает Бастет, весьма неоднозначное божество в мифологии Древнего Египта. Многим эта богиня известна как покровительница домашнего очага, материнства и празднеств. Но существуют ещё поверья о её второй ипостаси – грозной хищнице, покровительствующей магам.

Я в нетерпении кивнула. Потом у Даньки энциклопедию возьму. Покороче, профессор!

– Статуэтка была найдена в гробнице царицы Неферпсут, – с воодушевлением продолжил джентльмен. – Что это за гробница, просто загляденье! Маленькая, зато не разграбленная и, я вам клянусь, в том же виде, что она была перед тем, как вход запечатали. Никогда прежде мне не случалось видеть столь яркие рисунки на стенах. Какие сочные краски! Мы с коллегами обследовали её несколько дней, и я пришёл к выводу, что изначально гробница предназначалась другому человеку. Картуши с именами усопшего были изменены. Оно и понятно, вряд ли кто-нибудь подозревал, что царица уйдёт в Царство мёртвых, будучи совсем юной. И знаете, что мне поначалу показалось странным, сэр? Помимо злополучной статуэтки, в усыпальнице больше не было ни одного изображения кошки.

– Может, она их при жизни не любила?

– Напротив! Благодаря древнегреческим историкам известно, что Неферпсут была жрицей запрещённого культа Бастет. Той кровожадной Бастет, которую боялись египтяне. Скандальная ситуация, ведь Неферпсут, старшая дочь фараона, должна была стать верховной жрицей Амона-Ра, а уж никак не своевольной колдуньей. Возможно, из-за разногласий с представителями официальной религиозной пропаганды в гробнице нет кошачьих изображений. Лично я подозреваю, что статуэтку подсунул кто-то из сторонников Неферпсут, так как она была спрятана в корзине с тканями.

Зажав трость под мышкой, профессор Пембертон достал из внутреннего кармана пиджака блокнот и карандаш.

– Я бы продолжил с вами этот разговор, но не сейчас. Я пришёл сюда по делу, а в зал зашёл, чтобы ещё раз взглянуть на наши

находки... Вы можете прийти ко мне вечером, например к половине восьмого?

– Да! Спасибо за доверие.

Он написал адрес и, вырвав листочек из блокнота, протянул мне.

– Думаю, не заблудитесь. Я живу недалеко от музея.

– Не заблужусь, – пообещала я, цепляясь за заветную бумажку, как утопающий за спасательный круг.

Вот везуха! Кошку не нашла, зато подвернулся чувак, который может мне помочь в сборе информации. Теперь я знаю, что надо обратить внимание и на царевну, а не заикливаться на одной вещи. И если профессор будет со мной ещё более откровенен, можно попытаться выйти на след похитителя. Зря я, что ли, столько детективов перечитала?

От радости мне хотелось петь и танцевать, только посетители музея меня бы неправильно поняли.

– Бен!

Оз! А он здесь откуда?

– Ваш дворецкий сказал, что ты здесь, – ответил парень на неозвученный вопрос.

Да я просто очаровашка, раз он всё время ищет повода со мной потусоваться. Интересно, я бы его зацепила в своём обычном облике? Хотя что за вопрос, я же не только умная, но и красивая!

Мы немного постояли у Розеттского камня, заглянули ещё в пару залов и на этом решили прервать экскурсию. Голова шла кругом от количества экспонатов, так что посмотреть всё за один раз не представлялось возможным.

– Бен, по-моему, ты очень впечатлительный. Так переполошился из-за представления медиума, – сказал Оз, как только мы вышли на улицу.

– А как бы ты вёл себя на моём месте? У миссис Хайнц глаза сверкали по-настоящему! И ещё она говорила на непонятном языке.

– Ну, глаза я не видел, она смотрела на тебя, а язык, может, сама придумала. Чего только медиумы на своих сеансах не вытворяют. Видел, как одна такая заклинательница духов садилась к мужчинам на колени и уверяла, что она Клеопатра.

Мы ещё немного поцапались и договорились, что сверхъестественное существует, но жуликов всё же больше.

Мои новые знакомые стояли на прежнем месте.

– Кто мы?!!

– Женщины!!!

– Чего мы хотим?!!

– Права голоса и контрацепции!!!

– Когда мы хотим?!!

– Всегда!!!

Я чуть в ладоши не захлопала.

– Правда, круто? Это я их научил.

Приоткрыв рот, Оз посмотрел на меня, затем перевёл взгляд на защитниц женских прав. Другие прохожие тоже не оставались равнодушными. Мужчины по большей части демонстративно сплёвывали себе под ноги и позорно ускоряли шаг. А женщины разделились на два лагеря: на тех, кто, стыдливо опустив глазки, пробежал мимо, и на тех, кто притормаживал, чтобы посмотреть на столь эффектное зрелище. Одна мадама прикрывала глаза девочке лет семи, а семенящая рядом малышка помладше вопрошала писклявым голосочком: «Мамочка, что такое контрапедия?»

– Узнаю твой стиль, – прочистив горло, оценил Оз.

– Оз, ты не любишь женщин, – обиделась я.

– Я их обожаю, но суфражистское движение выходит за рамки дозволенного.

– Ты больше не будешь со мной дружить, потому что я суфражист?

В ответ он так рассмеялся, что я присоединилась к нему. Что-что, а поржать с друзьями я люблю. Даже моя обида испарилась, стоило Озу вместе со мной поприветствовать суфражисток, отсалютовав шляпой.

Ничего, я тебя ещё перевоспитаю.

Успела как раз к обеду. Миссис Хант ревностно следит, чтобы домашние вовремя садились за стол, и всегда ворчит, если отсутствует отец семейства. Я же в такие моменты тихо радуюсь, потому что мне стрёмно находиться с ним в одном помещении и уж тем более вместе трапезничать. Аппетит улетучивается в считанные секунды. Старик так смотрит на меня, будто каждый съеденный кусочек считает. Реально, боюсь представить, что у него на самом деле в голове творится.

Может, размышляет, как без лишнего шума запихнуть меня в какое-нибудь милое лечебное учреждение с мягкими стенами. Он ведь возлагал на Бена надежды, а тут я некстати появилась. Какое всем планам. И репутации заодно.

К счастью, в этот раз мистера Ханта не было дома, и я спокойно пообедала в душевной обстановке. Про археолога и кошку, конечно, не стала ничего говорить, но про другие экспонаты Британского музея рассказала. Мумии произвели фурор: дети пришли в неописуемый восторг, а миссис Хант включила дурочку и спрашивала, неужели они настоящие. Ну не могла леди представить себе, что кто-то выложит на всеобщее обозрение человеческие останки и что найдутся извращенцы, которые будут на это глазеть.

После обеда Чарли утащила меня к себе в комнату.

– Садись. Я сейчас тебе такое расскажу!

Я послушно плюхнулась на застеленную пледом кровать. От сытой тяжести в желудке хотелось лечь, но пришлось сидеть, как хороший мальчик.

– Ты что, маму обманула? Разве ты с Мэгги не ходила в гости к Джону?

Девушка хитро улыбнулась и покачала головой.

– Нет, я действительно была у Джона. Знаешь, даже наш легкомысленный братец бывает полезным.

Она села рядом, матрас ощутимо прогнулся.

– Я всё думала, как же нам вывести на чистую воду отравителя. Мама толком ничего не смогла мне сказать про Джейн и эту Мэри Бишоп. Мол, рекомендации у них хорошие, и слава богу. Дженкинса я бы исключила из списка подозреваемых, он сегодня первый день работает, да и вообще он давно знает нашу семью. На этом все ниточки обрывались, поэтому я решила посмотреть на сложившуюся ситуацию шире. Джон всегда любил сплетни собирать, ему девкой надо было уродиться! Вот я спросила у него, нет ли у нашей семьи врагов. А что? Джейн могла быть исполнительницей злодеяния, к которому гувернантка вовсе не причастна.

Ай, умница! Не то что я.

– Ты здорово придумала! И что Джон?

У Чарли аж щёки разругались от азарта.

– Сказал, что папа мечтает всех своих врагов выставить в шеренгу и расстрелять.

– Я не удивлён, – призналась я. – Какой-то он у нас неприветливый.

– Не вникаю в его дела, но, по словам Джона, он суров и порой излишне жесток. Мол, с добрым сердцем денег не заработаешь. Так, не отвлекай меня. Угадай, кто точит на папу зуб? Некий Льюис Бишоп. А его старшую дочку зовут...

– Мэри?

– Правильно. Разумеется, я предполагаю, что мы можем иметь дело не с ней, а с её тёзкой, и всё же у той самой Мэри Бишоп мотивы очень серьёзные. Её отец якобы разорился из-за нашего.

Эх, Чарли! Верила бы ты ещё в сверхъестественное, я бы с тобой нашла и кошку, и мумию царевны-жрицы.

Да она скорее в изобретение мобильного телефона поверит, чем в сказки про проклятия фараонов и их ближайших родственников.

Глава 12. Третий лишний

«Ужасное происшествие на Гордон-стрит».

Заголовок в «Таймс»

Нам не открывали.

Мы с Озом как дураки стояли на крыльце серого таунхауса. В правильности адреса я не сомневалась, так как почерк у профессора Пембертона был очень чётким.

– Может, он задерживается? – Я огляделась и по старой привычке похлопала себя по карманам в поисках телефона.

– А может, дал тебе неверный адрес, чтобы ты оставил его в покое, – хмыкнул Оз.

– Он не такой. Ты же не видел, как мы общались.

– Извини, запамятовал, что ты разбираешься в людях.

– В доме кто-то есть, возможно, сам хозяин, – я снова включила режим сыщика. – На крыльце была свежая грязь. Вряд ли это прислуга наследила, они чёрным входом пользуются. Да и не кинулся никто нам открывать.

Я потянулась к позолоченному молоточку и, моментально передумав, толкнула чёрную дверь.

Не заперто.

– Чувствую себя взломщиком, – пройдя за мной внутрь и закрыв дверь, сказал Оз.

Я еле справилась с другой привычкой – разуваться в гостях. Стрёмно топтать чужую ковровую дорожку в уличной обуви.

– У тебя есть идеи получше?

– Можно оставить записку на столике для визиток и уйти, пока соседи или прохожие не заметили нашего вторжения.

– Оз, когда мы на маньяка ходили, ты был смелее.

Тот подошёл к зеркалу и поправил и без того безукоризненно сидящую шляпу.

– На то он и маньяк, чтобы с ним не церемониться. А тут совсем другое дело – джентльмен, профессор... Хм, что-то никто не выходит на наши голоса. Должно быть, тебя ввели в заблуждение.

Блин, а вдруг меня реально провели, как ребёнка? Что, если профессор Пембертон подумал, что я хитрый охотник за древностями? О-о-о, а вдруг мы вообще в левый дом залезли?!

– Вот поэтому я пошёл с тобой, – огорчённо произнёс мой приятель. – Ты был под сильным впечатлением от талантов Элизабет Хайнц и мог чересчур увлечься шальными идеями. В таком состоянии нетрудно угодить в переделку.

– Тогда объясни, почему дверь была не заперта? – зацепилась я за очевидный факт. – И смотри! На вешалке его куртка, и его трость тоже здесь.

Отбросив сомнения, я начала путешествие по дому.

– Профессор Пембертон! Это Бенджамин Хант! Профессор!

Да что это такое. Допустим, сначала он не мог нас встретить. Не слышал, там, или занят был чем-то важным... У него было достаточно времени, чтобы понять, что к нему пришли гости.

Мы ещё некоторое время искали хозяина, но никто на наши вопли не вышел.

– Похоже, квартира пустая, – пробормотал Оз.

– Слушай, а может, его что-то напугало, и он сбежал? – ахнула я.

– Думаешь, у профессора есть враги?

– А почему нет? В музее он вёл себя осторожно, я еле-еле вытянул у него информацию о краже из хранилища. Наверное, есть чего опасаться, когда дело касается древних артефактов. Это как минимум золотая жила для торговцев чёрного рынка.

Оз подошёл к окну и зачем-то снял перчатку.

– Бен...

Я насторожилась.

Он потеревил зелёную бархатную занавеску.

– Смотри. И на полу тоже.

Меня сковал колкий страх прежде, чем я успела сообразить, что он имел в виду. На ткани темнело два парных, едва не слившихся пятна, а на полу застыло несколько капель красной жидкости.

Оз опустился на корточки и коснулся пальцем самой крупной капли.

– Свежая.

Нет, я не боюсь крови. Кишок немного, но только не крови... Так чё ж меня мутит? В первый раз, что ли, такое вижу? А, это, наверное,

из-за мужского организма. Слышала, будто женщины по понятным причинам легче воспринимают вид крови.

Я хотела сглотнуть, но во рту почти не было слюны.

– Кто-то пришёл сюда раньше нас, – с напряжением в голосе выговорил Оз, – и явно не с добрыми намерениями. Бен, у тебя просто нюх на приключения.

Мерзкое покалывание на коже усилилось, в голове стало появляться знакомое чувство пустоты.

Только бы не обморок. Только бы не истерика.

Я сделала глубокий вдох и помассировала себе виски.

– Всё равно надо найти его. Мы можем успеть.

Кровавый след привёл нас в кабинет профессора.

Он был здесь. В окружении беспорядка, мало походившего на творческий.

Это не первый труп, который я видела. И всё равно неприятно.

Профессор Пембертон лежал на полу, на скомканном ковре, как будто до самого конца боролся с убийцей или пытался встать.

Сняв перчатки, я опустилась перед ним на колени и проверила пульс. Было поздно.

Противно прикасаться к мертвецу. Горько от того, что теперь это всего лишь неживая плоть. А ведь недавно этот человек разговаривал со мной в музее, в гости пригласил...

И обидно. Почти до слёз обидно.

Я не могла понять, из-за чего больше горюю. От чего сердце готово разорваться? Что меня больше расстроило – чья-то смерть или потеря надежды на скорое возвращение домой?

– Какое гнусное преступление, – процедил сквозь зубы Оз. – На него напали со спины.

Я не была в этом уверена на сто процентов, однако спорить не стала. На спине жилет профессора был распорот, и на месте разреза запеклась кровь. Кровь натекла и из приоткрытого рта убитого... Даже не хочу знать анатомических подробностей!

– Орудие убийства унесли с собой, – я говорила не с целью поумничать, а чтобы отбросить эмоции. – Это подтверждает занавеска в коридоре, убийца вытер об неё лезвие.

Оз стоял напротив письменного стола и с характерным шелестом перебирал разбросанные бумаги.

– По-твоему, убийца принёс оружие с собой?

– Да. Здесь полно вещей, которым можно запросто убить человека: клинки, которые висят у него на стене вместе с уродскими масками, нож для вскрытия конвертов, пресс-папье, или вон тем бронзовым львом на подставке можно разбить череп... И остаётся ещё множество вопросов. Например, сам ли профессор впустил убийцу, или тот, как мы, просто воспользовался тем, что квартира была не заперта?

Оз пошуршал страницами толстой записной книжки.

– Злодей явно что-то искал в его кабинете. Профессор Пембертон, как я погляжу, был весьма педантичен и сам такой беспорядок устроить не мог. Боюсь, поймать убийцу будет гораздо сложнее, чем Бесстыдного душителя. Мы ничего не знаем ни о профессоре, ни о его недругах.

Прежде чем встать и отойти подальше, я провела кончиками пальцев по голове мертвеца.

Спите спокойно. Я вас не знала, но вы мне очень помогли.

Спасибо.

Оз внезапно отвлёк меня от сентиментальщины:

– Бен, это ты чем-то щёлкнул?

Я встрепенулась.

– О чём ты?..

Он подбежал к двери и подёргал резную ручку.

– Чёрт! – он дёрнул сильнее. – Кто бы ты ни был, ты об этом очень пожалеешь!

Невероятно! Убийца всё это время находился в доме!

– Оз, – я схватила его за предплечье, – не спеши выламывать дверь. Оружие-то при нём.

– Мы тоже можем вооружиться...

– Предупреждаю, я вряд ли убью нападающего.

– Тихо. Он всё ещё там. Почему он не уходит?

– У него спроси, – буркнула я.

И почему сразу «он»? Женщины что, на такое не способны?

Так, я не привыкла паниковать. Надо действовать спокойно и хладнокровно. Эмоции зачастую мешают трезво мыслить.

– Придётся дать ему уйти, – сказала я и, поймав недоумённый взгляд Оза, пояснила: – Неизвестно, чем может кончиться схватка. Как

только он уйдёт, взломаем замок и сами смоемся. Главное – успеть до прибытия полиции, а то фиг мы докажем, что невиновны в убийстве профессора.

Когда за дверью исчезли признаки возни, мы принялись ковырять замок. А он, зараза, не поддавался! От наших усилий кончик ножика для вскрытия писем отломился и застрял внутри, так что пришлось ещё повозиться, чтобы достать его оттуда и найти новое орудие взлома.

Услышав отдалённое потрескивание, я сначала подумала, что это у меня уже в ушах трещит от бесконечных попыток сладить с замком, но потом поняла, что звуки не синхронные.

Я посмотрела под ноги, и чуть не выругалась вслух от увиденного.

Где раньше убивали гонца, принесшего дурную весть?

– Не хочу тебя пугать, но, кажется, мы горим, – похоронно выдала я.

Оз тоже заметил дым и, в отличие от меня, не стал стесняться в выражениях.

Нехорошие ожидания оправдались в полной мере: коридор был в огне, а злого психопата и след простыл. Распространяя душливый дым, пламя жадно захватывало всё новые территории. Обои, деревянные панели и паркет словно были созданы для великолепного костра.

Вырвавшись из одной ловушки, мы тут же угодили в другую.

Мы кинулись к лестнице, но и там нас ожидала неудача. Как вредная стриптизёрша, рыжее пламя издевательски танцевало на перилах и ступенях и не давало к себе приблизиться. С каждой секундой от жара и дыма становилось труднее дышать, я чувствовала, как мне за шиворот течёт пот. Голова начинала кружиться...

Оз встряхнул меня за плечо.

– Бен! Окно!

Ничего не соображая, я кинулась за ним. Парень одним махом сорвал пылающую занавеску и открыл окно. Свежий ветерок принёс временное облегчение. Думаю, пожар тоже оценит такую заботу, от кислорода он же ещё сильнее разгорится.

– Будем прыгать?! – не поверила я, подходя ближе.

Когда огонь будет спину лизать, тогда куда угодно сигану, а сейчас у меня не хватит смелости!

Оз закашлялся.

– Давай на сарай для угля, а оттуда на землю.

О, этот белоручка знает слово «сарай»... Блин, я, когда нервничаю, бываю такой тупой и несобранной!

Он выбросил вниз свою трость, чтобы не мешала, затем вылез на деревянную пристройку и, свесившись за край её крыши, спрыгнул на землю.

Альтернативы не было, и я последовала за ним. Видела бы меня наша универская физручка! Непременно бы похвалила... Правда, не студентку Варю Пономарёву, а храброго неизвестного парня. По примеру Оза я свесилась с крыши, и вспотевшие пальцы предательски почти сразу соскользнули. Только коснувшись ногами земли, я не удержала равновесие и неуклюже бухнулась на пятую точку.

Немного больно, но пофиг. Я жива! I'm alive!!!

Оз вытирал покрасневшее лицо платком, который от копоти темнел на глазах. Наверное, я выгляжу не лучше.

– Пойдём задними дворами, с той стороны много шума.

Я с готовностью встала и шустро принялась отряхивать руками одежду.

– Почему нас хотели убить? Мы же не видели убийцу.

– Не знаю, Бен. Не знаю.

Я думала, Чарли меня убьёт. По крайней мере, голову мне чуть не оторвала – до того старательно вытирала её полотенцем. Во избежание лишних расспросов пришлось зайти в дом через чёрный вход и воспользоваться лестницей для слуг, где я навернулась, отбив колено. И только после принятия ванны пришла к сестре Бена исповедаться.

Новая история о моих приключениях настолько её взбудоражила, будто это я убила несчастного профессора и сожгла его квартиру. Она долго не могла успокоиться и всё твердила, что мне стоит прекратить соваться в сомнительные места и заводить опасные для жизни знакомства. Мои доводы, якобы мне нужно вернуть память, казались ей просто несерьёзными. Она уверяла, что лучше потерять память, чем жизнь, и с ней было трудно не согласиться. Но мне-то нужно выбраться из чужого тела и попасть домой! Чарли была бы рада

помочь спасти брата, да разве она мне поверит? Я же не Гарри Поттер, который взмахнёт волшебной палочкой и докажет, что он волшебник. Моя история будет выглядеть ничем не подкреплённым бредом, и девушка ещё больше расстроится из-за моих чудачеств. А это было бы слишком жестоко.

Вернувшись из детской после очередной сказки на ночь, я не стала сама ложиться спать. Взяла бумагу с карандашами и, устроившись за письменным столом, принялась рисовать схемы, чтобы хоть как-то упорядочить мысли. Начала со злополучной квартиры. Понарисовала крестиков и стрелок, но всё выходило слишком абстрактным. Мы с Озом начали шуметь ещё в прихожей, так что у преступника было время, чтобы затаиться в одной из комнат на втором этаже...

Я отогнала от настольной лампы назойливого мотылька с мерзкими усиками.

Погодите, а что убийца там так долго делал? Я лично прикасалась к трупу, он был гораздо холоднее живого человека. Значит, остыл, пока убийца что-то искал в его кабинете. Не один час, что ли, копался? Интересно, что же такого хранил у себя дома профессор Пембертон? Что-то из экспедиции?

Блин. Не сходится. Если убийца что-то искал, то зачем устраивать поджог? Он же мог лишиться себя заветного предмета. Вот не верю я в совпадение, что мы пришли точь-в-точь, когда он уже всё нашёл и, счастливо насвистывая, наострил лыжи к выходу.

И для чего тогда вообще нужно было устраивать пожар? Нас с Озом даже убивать не за что: мы не видели убийцу, так что не можем считаться свидетелями. Достаточно было нас запереть в кабинете и свалить. А пожар по меньшей мере привлекает внимание соседей и прохожих.

Либо убийца идиот, либо я настолько тупа, что не могу разгадать его мотивы.

– Варя!

Чуть не вскрикнув от испуга, я зажала ладонями уши. Без толку, прямо в мозг же транслирует.

– Варя, что случилось?! – надрывался Бен. – Я видел огонь, что произошло?

– Успокойся, всё хорошо, – прошептала я.

– Мне сначала показалось, что я проснулся в аду. Это был пожар?!

Я смахнула со своих художеств задолбавшего меня мотылька.

– Не переживай, это не у вас в доме было.

– Слава богу... А где?!

– Ну... – я покрутила карандаш. – Как бы тебе покороче сказать. Я пыталась найти способ вернуться домой, и меня чуть не убили.

Реакция Бена мало чем отличалась от реакции его сестры. Семейное это у них, что ли?

– Варя, ты поступила неразумно, подвергнув себя опасности. Не смей больше так поступать, слышишь!

– А что мне остаётся делать? Если я буду бездействовать, ты навсегда останешься нудным голосом у меня в голове. Я хотела нам помочь.

Похоже, Тоби не понравился мой бубнёж. Щенок подошёл ко мне и с душераздирающим стоном зевнул. Я посадила его себе на колени.

– Бен, ты здесь? – спросила я, поглаживая Тоби.

– Здесь, – ответил он неожиданно угрюмо. – Не знаю, сердиться на тебя или нет. Из-за тебя мы оба могли погибнуть.

– Тогда почему ты в раздумьях, раз твой аргумент и без того весомый?

– Потому что жалко тебя.

Вот как?

– Я понимаю, ты ни в чём не виновата. Тебе нужно домой, к своей семье, а тебе приходится жить здесь и терпеть моих родственников. Не думал, что ты будешь так к ним добра. Я видел, как ты дружна с Чарли, как проводишь время с младшими. Никогда не замечал, чтобы ты грубила моим родителям, хотя они могут запросто вывести из себя постороннего человека. Ты даже с моей собакой ласкова. Я бы не смог так, как ты, у меня бы не хватило сил дарить кому-либо любовь, когда душа начинает черстветь от безысходности. Варя, я всегда считал себя спокойным, но, когда оказался заперт в этой клетке, мной завладели дурные чувства. Страх породил отчаяние, а отчаяние – гнев. Извини, тебе, наверное, неприятно это слышать, но я не могу это скрывать. Я страстно желал уничтожить паразита, захватившего моё тело. Я хотел убить тебя.

Я прижала к себе задремавшего щенка. Как бы ни хотелось вставить слово, я давала Бену выговориться.

– Сможешь ли ты меня простить?

Тут я не выдержала.

– Дурак. Ты же не предполагал, что я девчонка. Ты, наверное, думал, что я какой-нибудь демон. Никто тебя не может осудить за это.

– Варя, откуда в твоём сердце столько добра?

Вот это да. Мне раньше иногда делали комплименты вроде «Прикольно накрасилась» или «Какие у тебя клёвые джинсы», но доброй меня ещё не называли.

А это приятно. И почему-то немного смущает.

Я ни на минуту не забывала, что помимо таинственного поджигателя у меня был ещё один смертельный враг.

Позанимавшись несколько часов с детьми, Мэри Бишоп вышла из дома Хантов, оценивающе посмотрела на тяжёлые тучи и быстрым шагом пошла вдоль улицы. Я – за ней. Если честно, то еле поспевала. Девушка торопилась уйти, то ли желая убраться подальше от ненавистного рабочего места, то ли опасаясь попасть под дождь. Выйдя на первую широкую улицу, она хотела поймать омнибус. Я уже нашарила в кармане пальто мелочь, но вдруг заметила, что гувернантка решила продолжить путь пешком – подъехавший омнибус был переполнен. Либо она не так далеко живёт, либо подумала, что на другой улице ей больше повезёт с общественным транспортом.

Начал накрапывать дождик. Мимо проносились хмурые прохожие, торговцы спешили спрятать свой немудрёный товар. Во влажном воздухе намертво застыл лошадиный запах.

Я упорно продолжала преследование.

Мисс Бишоп неожиданно притормозила, повертела головой по сторонам и после недолгих раздумий зашла в лавку готовой одежды. Я встала поодаль, так как не пристало джентльмену торчать напротив витрины с разодетыми манекенами. К моему счастью, мисс Бишоп быстро оттуда вышла. Без покупок. Хотела спрятаться от дождя, но почему-то передумала?

Дождь усиливался. Я раскрыла зонт. Не могу назвать себя неженкой, но после всего случившегося пообещала лучше беречь тело Бена. Тем более миссис Хант недавно рассказывала, как один её знакомый месяц провалялся в постели с банальной простудой. А мне

такого счастья не надо, и без болячек экстрима хватает. Ой, забыла в этот раз скормить свои лекарства окну...

Я шла дальше и сквозь зубы ругалась на загораживающих мне обзор прохожих. Нельзя потерять её из виду, тогда придётся начинать всё заново. Почему бы не устроить загадочной гувернантке допрос, когда снова придёт к Хантам? Да потому что это невозможно сделать при детях и миссис Хант. А попробуешь загнать её, допустим, в комнату Бена, чтобы поговорить тет-а-тет, и получится как с той пугливой горничной. Даже если мисс Бишоп будет не против столь близкого знакомства, это всё равно не укроется от домочадцев. Какое неподобающее поведение, стыд и срам!

Что ж, мы отошли достаточно далеко.

Пора.

Я как резвый футболист оббежала несколько препятствий в виде прохожих, сломанной тележки и меланхоличной дворняжки и поравнялась с объектом слежки.

– Мисс Бишоп!

Она встала как вкопанная и повернулась ко мне.

– Мистер Хант?

– Мисс Бишоп...

– Мистер Хант...

– Мисс Бишоп, – я невольно повысила голос, – как хорошо, что мы встретились!

– Что... Что вы делаете?

– Делюсь с вами зонтом.

Я пыталась понять её эмоции и немного в этом преуспела. Сначала была явно застигнута врасплох, теперь, по-моему, раздражена.

– Я ценю вашу заботу, сэр, но нам не по пути. Ваш дом в другой стороне, – холодно сказала Мэри Бишоп. – И провожать меня не стоит, – добавила она слишком резко.

– А мне не надо домой. Я как раз оттуда. Не поверите, я шёл за вами и не мог заставить себя отвести от вас взгляд. Я потерял покой с тех пор, как впервые увидел вас...

Блин, и стоит с каменным лицом. Удивись хотя бы или порадуйся! Докажи, что ты человек, а не статуя!

– Не могу смотреть на других женщин, все они мне кажутся пустыми и блёклыми. Мисс Бишоп, все мои мысли только о вас, вы

украли моё сердце... Вы любите поэзию? Ах, что за глупый вопрос, простите. Все девушки любят поэзию! Если хотите, я напишу поэму в вашу честь.

– Не нужно, сэ. Я не поклонница сентиментальной чуши. Жизнь вынудила меня смотреть на вещи более практично.

– Как разумно слышать это от женщины! В наши дни леди только и думают, что о ленточках, вышивке платочков, комнатных собачках и прочих безделицах. А вы другая. Вы сразу покорили меня своей непохожестью на остальных...

– Вы влюблены в меня? – спросила она с пугающей прямоотой.

Но Варю просто так не запугаешь.

– Да, чёрт побери, да! – в деланом экстазе воскликнула я. – Что же это ещё может быть, как не любовь?

Шизофрения, например.

Мисс Бишоп недобро прищурилась.

– Ради всего святого, говорите тише!

– Как можно! Я же выражаю свои чувства!

– Пожалуйста, выражайте их умеренно и не привлекая к себе внимания.

– Мисс Бишоп... Мэри, неужели вы не рады тому, что Провидение послало вам меня?

– Рада. Но меня не радует, что вы ведёте себя безумно.

– А любовь разве не безумие? Милая Мэри, умоляю, сделайте меня счастливым. Пойдёмте к вашему батюшке, я попрошу у него благословения.

Мисс Бишоп взяла меня под руку.

– Пойдёмте.

Э... что?! Детка, ты что, переиграть меня захотела?

– А вы отчаянная особа, – начала я раскрывать карты. – Выйти замуж за незнакомого человека, предварительно опоив его бурдой под названием «Любовное зелье», это так... Нагло?

Выдержке мисс Бишоп можно было позавидовать. В кафе, куда я её привела с целью продолжить разговор, она вела себя уверенно, совершенно ничего не смущалась и заказала чай с лимоном и яблочный пирог. За мой счёт, разумеется.

Лишь бы хоть что-то выжать из врага.

Она не стала отнекиваться и сочинять на ходу нелепые отговорки. Да, хотела приворожить и, женив на себе, отомстить отцу Бена. Впрочем, она призналась, что не опечалилась бы, если бы я склеила ласты от её «зелья». В ответ я высказала ей всё, что думала о её методах и моральных качествах, но как будто выговаривала это всё бездушной стенке: девушка преспокойно хомячила пирог.

Страшно жить рядом с такими людьми. Вроде неглупые люди, а способны на поступки, достойные психов. И Мэри не одна такая. Например, коллега моей мамы, человек с двумя высшими образованиями, ходила к какой-то бабке, чтобы та навела порчу на любовницу мужа. И глупо, и жестоко.

– Я вам сочувствую, и лишь поэтому не собираюсь обращаться в полицию. Должно быть, мой отец поступил непорядочно по отношению к вашей семье, однако это не повод опускаться до его уровня. Действуйте цивилизованно, подайте на него иск в суд, только не травите больше никого. И вот ещё что: вы уволены. Я не пущу вас на порог нашего дома, даже не смейте приближаться к детям.

– О, вы так великодушны, – мисс Бишоп впервые позволила себе улыбнуться. Гаденько так. – А на что я должна кормить своих младших сестёр?

Из кафе мы разошлись по разным направлениям. Она в нанятом мной кебе поехала к себе, а я в препаршивейшем настроении и без гроша в кармане пошла пешком к Хантам.

Глава 13. Золушка

«Запомни, милочка, нам следует искать настоящего джентльмена. Иначе я бы сразу привела тебя на скотный двор...»

Обрывок разговора миссис Уилсон с мисс Уилсон

Вместо долгожданного тепла и уюта меня ожидала зона военных действий. Миссис Хант и Чарли не стеснялись переходить на крик, лишь бы провозгласить своё мнение единственно верным. Мать требовала, чтобы дочь поехала на званый вечер к какой-то большой шишке, а та, в свою очередь, пыталась отвоевать право остаться дома. Аргументы Чарли были мне понятны, и поэтому я немедленно встала на её сторону. Зачем насильно тащить человека туда, где ему скучно и неприятно? Однако миссис Хант стояла на своём, повторяя как мантру: «Мы должны выдать её замуж». Между этими двумя и так почти постоянно проходили пикировки на тему замужества, а предстоящий бал вовсе истрепал нервы обеим. Напрасно я думала, что ситуация сама по себе рассосётся – она только сильнее накалилась. Я боролась за Чарли как могла, пока не влезла Эмма. Не выношу детских воплей! Малая закатила истерику, потому что ей, в отличие от старшей сестры, хотелось и на бал, и замуж, а брать её с собой взрослые не собирались. Под давлением тяжёлой артиллерии я предложила составить им компанию, так как приглашение имелось и для Бена, и под шумок ушла в закат. Мне на правах больного (и никого не узнающего) можно было вообще никуда не ходить, но слово не воробей: раз вылетело, обратно не затолкаешь.

Что за бестолковый день...

Элизабет Хайнц уехала из Лондона. Профессор Пембертон мёртв. Где искать статуэтку, неизвестно. Как обратиться к этой золотоглазой нечисти, тоже непонятно.

Такими темпами я лично увижу детей и, может, внуков Чарли.

Пересмотрела свои вчерашние зарисовки, но свежие мысли не появились.

Самое время забиться в эмо-угол и начать жалеть себя.

– Варя, что там были за крики?

Бен. Странно, но только с ним я могу быть откровенна. Больше здесь нет никому до меня дела.

– Крики? – Я отошла от окна, чтобы шум дождя не заглушал его. – Просто Чарли не хочет на бал.

– Она не любит такие мероприятия. Ей невыносимо скучно, к тому же она плохо танцует, и это раздражает маму, – Бен даже не удивился.

– И мне придётся пойти в качестве группы поддержки, – вздохнула я.

– А ты сама не хочешь... Прости, пожалуйста. Ты же леди. Ты, наверное, хочешь быть, как все девушки, в красивом платье, ловить восхищённые взгляды окружающих, а придётся...

– Быть тобой? – Я приземлилась на стул и, закрыв глаза, откинулась на спинку. – Переживу. Это не первый мой испорченный бал.

Даже губы дрогнули. Уже год прошёл, а всё нелегко об этом говорить.

А началось всё гораздо раньше.

Мы с Женей Дегтярёвым были неразлейвода, дружили с начальной школы. Наперёд скажу, мы не встречались как парень и девушка. Ни о какой романтике между нами не могло быть и речи, Женька даже называл меня «братиш» или «бро». И общался со мной как с пацаном... Нет, не в том смысле, что звал пойти вместе на футбол. Он был порой слишком бестактным, но я старалась этого не замечать, хотя иногда дико обижалась на него, когда он, высунувшись с балкона, орал мне вслед: «Юки, ты опять свои трусы в ванной забыла!» А на ночёвку я ходила к нему каждую неделю. Женька помогал мне с домашкой, в которую я, попросту говоря, не врубалась, особенно с алгеброй, геометрией и физикой с химией. Я и так не светоч разума, да ещё музыкалка отнимала немало сил и времени. Мой дружбан же не был обременён дополнительными занятиями или кружками и вообще не любил напрягаться. Если бы не лень, был бы круглым отличником.

А ведь когда-то в олимпиадах участвовал, места призовые получал. Но ему было пофиг.

Зато он всегда был в курсе новинок кинопроката, следил за выходами альбомов популярных групп, первым играл в свежие компьютерные игры. С ним не было скучно, он часто цитировал героев из книжек и фильмов, подсовывал мне всякие интересности.

А ему нравилось, что я рисую и играю на скрипке.

В одиннадцатом классе нашей идиллии пришёл конец.

Он стал без причины уходить с уроков.

Потом стал пропускать целые дни.

Он отмахивался. Придумывал отговорки. А я, дура, верила.

Однажды я пришла к нему после уроков и увидела, что он как ни в чём не бывало играет в компьютер. В бардаке. Полуголодный. И невменяемый.

– Отстань, – в который раз повторил он, возвращаясь к игре. – «В школу ходи», «Срач убери»... Достала!

– Жень, что у тебя случилось?

– Отстань!!!

Меня напугала эта вспышка ярости. Жень выглядел психованным, хотя раньше мне казалось, что добрее и апатичнее нет никого на свете.

Как будто это был не он.

На следующий день он всё-таки появился в школе, но в упор игнорировал меня. Пересел на последнюю парту.

И я к нему не подходила. Изо всех сил демонстрировала обиду.

Двойки сыпались на Женьку как из рога изобилия. Его это злило, он рвал тетрадки и грубо матерился, словно пытался убить нежеланную оценку. Спустя примерно месяц он вообще перестал обращать внимание на свою успеваемость. Ему было абсолютно по барабану, сколько двоек и колов он наполучал, теперь его бесили только учителя. Одноклассники давно перестали с ним общаться.

И я тоже.

Может, это не по-товарищески, но я почти к нему не лезла. Наши редкие разговоры заканчивались его истериками.

А ещё я тогда от него узнала, что я, оказывается, «сука».

И девчонки подливали масла в огонь, шепчась по углам. Будто гадина Пономарёва отвернулась от своего парня, когда ему плохо. Будто он злится из-за того, что «она ему не даёт».

До сих пор поражаюсь, как в драку не полезла. Помню, часто снилось, как я расцарапываю морды особо языкастым сплетницам.

Правда была слишком горькой.

Я шла домой от репетитора по математике, когда зазвонил давно забытый рингтон. На дисплее светилось «Джокер». Женькин никнейм.

Он еле ворочал языком, я с трудом разобрала несколько слов. «Помоги», «умираю», «дома».

Плюнуть бы тогда на него, пойти домой, отдохнуть от долбанных цифр, но моя совесть мгновенно подняла тревогу.

Задыхаясь от бега, я влетела в отчего-то незапертую квартиру и нашла Женю без сознания на полу в ванной. Мне тогда хватило хладнокровия без лишних телодвижений и воплей вызвать «Скорую» и найти Женькин мобильник, чтобы позвонить его отцу.

Я не знала, что могу сама сделать. В ожидании помощи нервно ходила взад-вперёд, то пыталась дозваться большое худое существо, бывшее моим другом, то садилась в коридоре на тумбочку и разглядывала грязные следы на полу. С ним кто-то был в квартире, но, увидев, в каком тот состоянии, удрал, не заперев дверь.

Мне было страшно. Никто из соседей по лестничной клетке не открыл, хотя я до одури давила на кнопки звонков. Лишь из одной квартиры отозвался детский голосок, бесхитростно сообщив, что не пустит чужого, пока не придут взрослые.

Врачи с отцом Жени приехали почти одновременно. Мне велели не путаться под ногами и идти домой.

Однако прежде доктор, притянув меня за подбородок, зачем-то проверил мои глаза.

– Зрачки в норме, – отметил он, и меня выставили за порог.

Оставшуюся неделю я приводила мысли в порядок и привыкала к тому, что никогда не смогу помириться с Женькой. Я подозревала раньше, что у него депрессия, а переживать ему было из-за чего. Мать особо им не занималась, а в последние годы жила у любовников-алкашей. Отец, дядя Костя, тоже почти не интересовался жизнью сына, но у него хотя бы причина достойная была: он вкалывал, как проклятый, чтобы тот ни в чём не нуждался и в случае неудачи при поступлении мог быть зачислен на платное отделение. А Женька сам не мог определиться, стоит ли ему вообще учиться и какое найти себе занятие.

А мог же у меня совета спросить. В жилетку бы поплакаться дала. Нет же, он никого в свой внутренний мир не пускал.

Меня злило, что новые знакомые, предлагающие ему попробовать то одну, то другую дрянь, стали ему дороже всего. Дороже меня.

Потом был звонок с воплями: «Из-за тебя отец всё узнал!!!»

А во время случайной встречи на улице он ударил меня по лицу. Это и стало последней каплей. Я окончательно бросила за него бороться.

Прошли месяцы, я успешно сдала экзамены и вовсю готовилась к выпускному балу.

Сначала хотела шокировать одноклассников каким-нибудь косплейным нарядом и причёской с разноцветными прядями, а потом разложила всё в голове по полочкам и... передумала. Всё-таки становлюсь взрослой, нужно выглядеть иначе.

Я надела коктейльное платье восхитительного фиолетового оттенка. Накрасилась по видеоурокам. Выпрямила волосы маминым утюжком.

Не вру, я даже казалась себе сексуальной, и очень этим гордилась.

Невероятно счастливая, я ждала во дворе такси и собирала комплименты проходящих мимо соседей. Все говорили, какая я красивая, с улыбками указывали на футляр со скрипкой – я должна была в тот вечер выступить на концерте.

Девчонки точно обзавидуются. Остальные будут только петь, а Тане Макаровой не разрешили выступить с танцем живота. Физичка наконец поймёт, что мне её предмет на фиг дался. Все в этой цитадели зла от меня обалдеют.

Звонок с незнакомого номера.

Я не сразу поняла, что это Женя. Его голос звучал слишком вымученно, речь была путаной. Поздравлял с выпуском из школы, желал счастья. Повторялся. Запинался. Но говорил.

– Прощай, Юки. Я ухожу.

– Куда? – У меня аж всё внутри похолодело от дурного предчувствия.

Он проигнорировал вопрос.

– Мы больше не увидимся. Ты хорошая девочка. Меня в Рай не пустят. Жаль. Знаешь, а небо такое прекрасное... Может, ты меня видишь... Посмотри наверх.

И сбросил.

Намёк был прозрачным: мы когда-то часто залезали на крышу его дома. Там никто не ругался на то, что я музицирую. А слушать мою игру Женька любил, хотя я далеко не Паганини...

Не помня себя, я неслась в соседний двор. Чуть не подвернула ногу, сорвала туфли на высоких каблуках, которые до этого целую неделю разносила дома, и побежала дальше босиком. Больше нелепая, чем красивая, со скрипкой, клатчем и норовящими выпасть из руки туфельками.

Мне не пришлось смотреть вверх.

Он уже был внизу.

В изломанной позе и в луже крови.

И тут меня прорвало.

Я верещала как резаная и выкрикивала его имя на разные лады. Горячие слёзы всё бежали по лицу, а этот кошмар не заканчивался.

Потому что это был не сон.

Вокруг собирались люди. Причитали, матерились, куда-то звонили. Немолодая тётка в домашнем халате и тапочках подсунула мне корвалол и велела выпить. Я ещё ей стакан с ярким отпечатком помады вернула... Кто-то дал мне салфетку, чтобы я привела себя в порядок, но, как позже увидела в зеркале, только сильнее размазала макияж. Я пыталась позвонить маме, но у меня ужасно дрожали руки, а пальцы гнулись с переменным успехом. В итоге мне добрые люди набрали номер, но я ничего не могла внятно сказать. Как умалишённая звала маму и рыдала.

До сих пор стыдно вспоминать эту сцену. Я абсолютно не владела собой и позволяла окружающим обращаться со мной как с куклой. Никогда не забуду ту унижительную покорность. Я глотала корвалол, хотя в нормальном состоянии отмахнулась бы от лекарства. Пила солёную минералку из чужой бутылки. Поехала в отделение полиции с незнакомыми людьми.

И все меня жалели. Все-все-все.

Не Женьку. Меня.

Слышала, как девушка в форме сотрудника полиции с вдохновением рассказывала кому-то о произошедшем:

– И прикинь, какой козёл! Испортил девчонке праздник! У неё же сегодня бал!

Не было у меня бала.

Так хотела, а не было.

Не было...

– Варя, – Бен заговорил после длительного перерыва. – Варешка...
Обними себя.

– Чего?

– Представь, что это я.

После сырости вечернего Лондона было особенно приятно очутиться в просторном холле, украшенном цветами и фонариками. Отдав лакеям верхнюю одежду и трости, мы пошли на второй этаж в бальный зал. Чарли старалась держаться поближе ко мне, хотя спрятаться от бдительных родителей в нашем положении было практически невозможно.

– Как я выгляжу? – раздражённо шепнула мне Чарли.

Не очень. Пушистое перо в причёске с шиньонами глупо покачивалось, как на пружинке. Щедро украшенное жемчугом платье из ярко-зелёной тафты ей, мягко говоря, не шло. Плюс над девушкой поиздевалась сама эпоха, сдавив талию корсетом и сделав зад больше за счёт идиотского турнюра.

Я сконвертировала своё впечатление:

– Как бешеный страус.

– Дети! – рыкнул мистер Хант.

Всё, молчим, молчим.

А обидно же, что миссис Хант так позорно вырядила дочку. На других девушках платья смотрелись гораздо лучше, невооружённым глазом было заметно, что над ними поработали люди с отличным вкусом. Попадались и карикатурные дамочки вроде бедняжки Чарли, но они выглядели более бодрыми. Наверное, считали себя неотразимыми феями.

А я легко отделалась. Миссис Хант долго за мной гонялась, умоляя напомадить волосы, но я не далась.

Хозяйка меня сразила наповал. Она была в розовом платье, явно не соответствующем почтенному возрасту. И пудры на бабе было столько, что я боялась её вдохнуть! А что у неё в районе декольте... Миксер мне в глаза! Чучело канарейки! Еле скрывая брезгливость, я вслед за мистером Хантом поцеловала воздух над её затянутой в

перчатку лапой и, бросив на ходу: «Мы погуляем», увела Чарли подальше.

– Мама всё равно нас найдёт. Будет мне женихов подсовывать, – пробурчала девушка.

– А вдруг кто-нибудь приличный попадётся?

– Бенни, о чём ты говоришь! Нашей маме это платье показалось приличным!

Я быстро оценила масштаб катастрофы.

– Тогда будем брать дело в свои руки.

Надрывался оркестр. По залу носились танцующие пары. Да, не поэтично с моей стороны, но меня же можно понять! Я же не железная, я завидую.

– Куда ты смотришь? – озабоченно спросила Чарли.

Ох, не признаваться же, что я с тоской пялюсь на скрипачей. Поиграть бы немножко, нервы в порядок привести.

– Никуда.

– Хочешь потанцевать?

– А я разве умею?

– Прости, забываю, что ты... всё забыл, – Чарли отвернулась от меня.

Я ободряюще коснулась её плеча.

– А ты помоги мне вспомнить.

Она сжала в руках сложенный веер.

– Ты любишь танцевать. Даже пытался меня научить, но мы только об мебель ударялись.

Надо же, Бен у нас танцор! Интересно, а у Оза как с этим дела? Бли-и-ин, не время мечтать о танце с ним!

Похоже, у нас с Чарли самые унылые рожи на этом празднике жизни. Так нельзя, надо срочно исправлять ситуацию.

– А тут нет твоих подружек? Столько народу, неужели потусоваться не с кем?

– Пока не вижу никого знакомого.

– Тогда пойдём познакомимся с кем-нибудь?

– Бен, ну ты как ребёнок. – Чарли принялась обмахиваться веером. – Или, скорее, как Тоби на прогулке... Фух, я в этом футляре дышать не могу.

– А я и без футляра с трудом дышу. Здесь так жарко!

Я не пыталась изобразить сочувствие, мне действительно было душно. Полно народу, сотни две, а кондиционеров нет и в помине. А если я сниму фрак или сорву галстук-бабочку, окружающие примут меня за психбольного, потому что так никто не делает. По крайней мере, мне стало понятно, для чего в зале находилось несколько ледяных скульптур, в которых угадывались черты лебедей: какая-никакая замена сплит-системе.

– Мама, – посчитала своим долгом предупредить меня Чарли.

Миссис Хант была не одна, а в сопровождении женщины её возраста и хорошенькой девушки лет двадцати в персиковом платье. По сравнению с ней Чарли смотрелась недовольной лягушкой на фоне весёлой птички-невелички.

– Бенни, – тоном, не терпящим возражений, начала миссис Хант после короткой церемонии приветствия, – разве ты не находишь мисс Уилсон очаровательной?

Юная мисс Уилсон авансом улыбнулась мне, не показывая зубов. У меня же не было ни малейшего желания рассыпаться в комплиментах при Чарли.

– Пока не определился. Вы ей слова не даёте сказать.

Обе мамочки удивлённо захлопали ресницами.

– Я эту леди совсем не знаю и лицемерить не намерен, – спокойно пояснила я.

– У вас будет возможность узнать друг друга поближе, если ты пригласишь мисс Уилсон на танец, – намекнула миссис Хант.

О да. Как можно нормально разговаривать, кружась в танце, будучи закованной в корсет и ещё фиг знает что? Девчонке грозит потеря сознания в объятиях кавалера. Или женщины этого и добиваются?

– Мамочка, не надо обнадёживать людей, – я перевела взгляд на миссис Уилсон. – Очень сожалею, но, боюсь, о танцах не может быть и речи. Видите ли, я недавно получил травму, упав с лошади, и доктор советовал воздержаться от физических нагрузок. Не хотелось бы сконфузить даму, свалившись на неё.

Мать и дочь пожелали мне скорейшего выздоровления и отправились на поиски нового кавалера.

Миссис Хант выпучила глаза, стараясь выглядеть страшно сердитой.

– Дети, вы меня очень сильно расстраиваете.

О как! И Чарли ни за что ни про что досталось.

– Мы пойдём тогда, в углу постоим, подумаем над своим поведением. – Я уже было собралась увести Чарли, но её маман была настроена решительно.

– Стоять! Бенни, как ты мог отказать леди в танце?! Это же возмутительно! Ни в коем случае нельзя было отказываться!

– Не слышала, чтобы это правило распространялось на мужчин, – встала на мою защиту Чарли.

– А ты, моя дорогая, позаботилась бы о своей бальной карточке. Сколько у тебя танцев? Ни одного!

Сколько заморочек. Карточка ещё какая-то. Чтобы знаки внимания, что ли, записывать?

– Не позорьте семью. Ведите себя так, как подобает леди и джентльмену. И я больше с вас глаз не спущу... О, это же Харриет! А с вами, негодники, я ещё поговорю.

Бросив детей на произвол судьбы, миссис Хант поскакала к своей подруженции.

Нам же лучше. А то её неуёмное желание продолжить живую играть в «Симс-2» кого угодно выведет из душевного равновесия.

А ведь Чарли не зря не хотела сюда ехать. Пообщаться не с кем, танцевать надо только с тем, на кого маменька укажет, а ещё платье отвратительное и жутко душно.

И скучно. Скучно, скучно, скучно. Я мужественно боролась с зевотой и жалела о том, что у меня нет веера.

Я чуть не подавилась особо мощным зевком, когда Чарли толкнула меня в бок.

– Смотри, там Стивен Сазерленд! Боже, не ожидала его здесь встретить!

– Надо поздороваться...

– Ты что! Мы же незнакомы. Я его видела на одном приёме, но меня никто ему не представил.

Я всматривалась в каждого мужчину, лишь бы распознать таинственного сердцееда.

– Напомни-ка, чем примечателен этот Стивен?

– Он литературный критик. Я его статьи просто обожаю, – раскрасневшаяся девушка стала интенсивнее обмахиваться веером. –

Он такой образованный! Благодаря его трудам я узнала столько всего интересного... А его новая статья на последнюю книгу Франчески Уайлд? Я была бы с ним согласна полностью, если бы не пара замечаний, касающихся...

– Во! Тема для разговора нашлась. Пошли, сейчас откритикуешь этого критика.

Чарли в неподдельном мучении закатила глаза.

– О... Бен, но я же не представлена ему! Будь это всё так просто, я бы не стояла тут и не ныла.

Вот проблема нашлась.

– Я тебя тогда представлю Сузерленду.

– Сазерленду!.. Так вы же не знакомы!

– Тихо! Пока ты будешь щёлкать клювом, какая-нибудь другая любительница литературы его уведёт. Это вокруг него толпа собралась?

– Нет, он у стены стоит один.

Ну что ж. По крайней мере, не придётся пробиваться сквозь ряды восторженных фанаток.

Наш объект обожания, кудрявый парень лет двадцати пяти, с каменным лицом переминался с ноги на ногу и держал в руке наполовину пустой бокал, к которому при мне ни разу не приложился.

– Здравствуйте! Вы Стивен Сазерленд?

Я старалась изо всех сил произвести благоприятное впечатление. Даже «здравствуйте» вместо «здрасте» выговорила.

– Да, это я. Добрый вечер, – осторожно ответил тот, прищуриваясь.

– Не хотите ли познакомиться с интересным человеком?

– С вами? – Стивен Сазерленд выгнул бровь.

– Благодарю за комплимент, но вынужден вас огорчить. Я не такой интересный, как человек, с которым хочу вас познакомиться.

Тонкие губы критика тронула улыбка.

– Вот как? А чем же, позвольте узнать, этот человек может быть мне интересен?

– Этот человек – писатель.

Улыбка стала саркастической.

– В вашем понимании, возможно, графоман, – я моментально расшифровала негласное послание, – но уверяю, ваше чувство

прекрасного никоим образом не пострадает...

– Так мне вас называть «мистер Писатель» или «мистер Графоман»?

Я рассмеялась.

– Сэр, я, конечно, страдаю раздвоением личности, но прямо сейчас я в полном адеквате.

Лицо мистера Сазерленда просветлело.

– А вы забавный. Простите, до сих пор не знаю вашего имени.

– Бен. Я сейчас приведу человека, только никуда не уходите.

– Ни в коем случае. Вам удалось меня заинтриговать.

Мне нравилось быть Крёстной феей.

Я наблюдала за парочкой с маниакальным энтузиазмом. Сазерленд был не прочь продолжить знакомство с «интересным человеком», и мне оставалось с умилением наблюдать за тем, как писатель и критик воодушевлённо общаются друг с другом. Миссис Хант была бы не миссис Хант, если бы не захотела вмешаться, но я сдержала мать, переключив её внимание на проблемы приюта. Правда, пришлось какое-то время уделить горстке её подружек, восхвалявших наши труды и жаждущих последовать нашему примеру. Поучив меценаток уму-разуму, я кинулась на поиски Чарли и выругалась сквозь зубы, заметив, что она в одиночестве сидит на стуле и лениво обмахивается веером. Моя злость мигом испарилась, едва я увидела Сазерленда, спешащего к ней с вазочкой мороженого в руках.

Раз дело дошло до мороженого, значит, у них всё серьёзно!

Блин, я так рада за Чарли!

Они о чём-то оживлённо болтали, смеялись и выглядели самыми счастливыми людьми в зале. И пусть миссис Хант не ворчит, что её дочь очаровала лишь одного кавалера... Так, что это... Офигеть! Чарли, ненавидящая танцы и стесняющаяся своей неуклюжести, позволила Сазерленду увлечь себя в вихрь дискотеки. Моя ж ты хорошая девочка...

Пара не стала расходиться даже после танца, как это делали большинство гостей бала. Этим двоим было плевать на приличия.

– Это просто проклятие какое-то, – громко жаловался товарищам полный парень с блестящими от помады волосами. – Мне сегодня уже

два раза отказали. «Простите, сэр, я уже обещала танец другому». Что за ерунда, я вас спрашиваю?

– Просто в последнее время ты так увлекаешься ростбифами, что даже твоё имя уже не помещается в бальную карточку, – сострил один умник.

– Иди ты к чёрту, Билли. На себя бы лучше посмотрел. Потанцевал с парой старух, которые чуть не померли от твоей польки в процессе.

– Мне нравятся зрелые женщины, – возразил тот.

– Среди девочек почти нет достойных образцов, – поддержал его молодчик с лицом сонной рыбы. – Мисс Пейдж и мисс Уилсон вроде бы ничего, но у их мамаш такие надменные рожи! Я вам клянусь, это передастся по наследству.

Юные джентльмены загоготали, довольные шуткой.

– А к мисс Рейнелл я и на пушечный выстрел не подойду, – разоткровенничался толстяк. – Видели, какая у неё бородавка? Ей-богу, ведьма.

Отпив из бокала вина, до сих пор молчавший парень пьяненько погрозил пальцем.

– Не согласен! Это мушка.

– Осёл! Они же давно не в моде, – накинулись на него остальные.

В ответ несведущий в моде развязно пожал плечами.

– Значит, прыщ.

Ёперный театр. Может, кроме меня ещё каких-нибудь девчонок судьба запихнула в мужские тела? А то уж слишком недостойные джентльменов разговорчики!

– Ту, в зелёном платье, видите? Весь вечер с одним кавалером проводит, – с кровожадным удовольствием отметил Билли.

– Наверное, это её брат.

– Или кузен.

– А её наряд? Это же безвкусица, неудивительно, что она не пользуется популярностью.

Я сжала кулаки. Подойду ближе и скажу им пару ласковых.

– А формы у неё ничего, – сменил курс Билли. – Без платья она гораздо симпатичней будет.

Стоп, Варя. Нельзя рвать чужие волосы и выкалывать глаза, нельзя!

– Так, ребята, встали в ряд и шагом марш! Вы немедленно извинитесь перед леди!

Они даже гыгыкать перестали. Кто-то поперхнулся от неожиданности.

– Сэр, а не слишком ли самонадеянно с вашей стороны предъявлять нам претензии? – толстяк напустил на себя важный вид. – Мы с друзьями мило беседовали, пока не пришли вы и не...

– Заткнись. Думаете, я не слышал, о чём вы тут трепались? Обсуждали окружающих, как зловредные бабы. Неужели ни капельки не стыдно?

– Сэр, вы, должно быть, очень благородны, если вас так задел разговор, который, кстати, было неприлично подслушивать.

Реально бы вцепились ему в волосы, но мерзкий вид помады останавливал. Не хотелось об него буквально пачкать руки.

– Вы ржёте, как кони, вас только глухой не услышит.

– Мы говорили не о вас...

– Вы оскорбили мою сестру, а значит, оскорбили меня. Мне-то ваши извинения не нужны, а перед леди вы обязаны извиниться, иначе вы долбоящеры, а не джентльмены.

Парни из компашки переглянулись. Парень, похожий на рыбу, захлопал губами, усиливая сходство:

– Какие ещё долбоящеры?

– Конченые, – ласково подсказала я.

– Ну, знаете, сэр, – лоб толстяка начал влажно блестеть, а щёки розоветь, – мне ничего не стоит дать вам в глаз.

– Прямо здесь и сейчас? Я увернусь от первого же удара, а потом буду бегать от вас по залу с криками «Бе-бе-бе!». Вам это надо?

Ха! Ну чё, съели? Одно дело языком чесать и совсем другое...

А? Меня облили шампанским! Прямо в лицо выплеснули!

Не успела я перейти в атаку, как мой порыв добиться справедливости был остановлен женским возгласом:

– Молодые люди, это что ещё за выходки?!

На всех парах к нам летела хозяйка.

– Леди Милдред... – нестройным хором заблеяли парни.

– Устроить драку в моём доме – уму непостижимо! Что вам сделал мистер Хант?

Опять невнятное блеяние.

– Я предложил им извиниться перед моей сестрой за то, что они злословили за её спиной, – сказала я.

– Злословили? – ахнула леди Милдред.

– Да, мэ. Не хочу выглядеть в ваших глазах ябедником, но они говорили возмутительные вещи.

– Где ваша сестра? Ах, я и сама найду бедную девочку. Только у её платья была такая чудесная расцветка... Джентльмены, вы все до одного сейчас подойдете к мисс Хант и принесете ей извинения. В противном случае я буду вынуждена отказать вам от дома.

Вместо того чтобы торжествовать, я чувствовала себя подавленной. Я ведь могла запросто оказаться на месте этих засранцев, если бы кому-нибудь вслух сказала, что леди Милдред со своей дохлой канарейкой смахивает на пирата с попугаем.

Будет мне урок. Джентльмен всегда должен им оставаться.

Глава 14. Момент истины

«Ждите гостей».

Неподписанная телеграмма

После бала у меня глаза слипались от усталости. Хотелось лечь в кровать и заснуть, укрывшись прохладным одеялком, однако мистер Хант не разделял моего мнения. Стоило нам переступить порог дома, он велел мне следовать за ним в его кабинет. Вот что за нафиг? По дороге он мне ни слова не сказал, а теперь, видите ли, поговорить приспичило.

Корча за спиной старика рожи, я вошла следом за ним в кабинет, который так же выполнял функцию библиотеки. Мы с Чарли иногда заходили сюда, когда мистера Ханта не было дома. Весело было книжки перебирать...

Мистер Хант зажжёт свет, налил себе из прозрачного графина мутной жидкости и, вздыхая, подошёл к портрету пожилого джентльмена с маленькими сонными глазами и тяжёлым подбородком. Я терпеливо стояла у двери в расчёте на то, что выскользну в коридор при первом удобном случае.

– Бенджамин, – трагично начал мистер Хант и замолчал. Видимо, для усиления эффекта.

Откликнуться, что ли?

– Я здесь.

Старик повернулся к портрету, словно нашёл собеседника получше.

– Прошло без малого десять дней, а твоя память всё ещё не восстановилась.

– Так я же что-то вспоминаю...

– Нет, – мистер Хант отрицательно мотнул головой, даже не посмотрев в мою сторону. – То, что ты якобы вспоминаешь, – полная чушь. Истории о том, как ты в восемь лет собирал камешки на берегу моря, ничем не помогут тебе в жизни.

– Не всё сразу. Сначала вспомню детство, потом...

– Молчать.

Ненавижу, когда мне рот затыкают. Если он будет ещё и орать, моих нервов может не хватить, я и так их в последнее время потратила в огромном количестве.

Мистер Хант невозмутимо отпил из стакана. Пожевал губами.

– Как бы мне ни было горько, ты можешь навсегда остаться ущербным. Придётся тогда либо всерьёз заняться Джоном, либо подождать и посмотреть, на что способен Фредерик.

Я стояла и просто офигевала от его цинизма. Как можно было назвать своего родного сына ущербным?!

– Ты уедешь к Рейчел.

– Кто это?

– Ты даже твою тётку не помнишь. Рейчел Уэскотт – моя сестра. Вдова. Живёт за городом. Место, вполне подходящее для тебя. Не больница, пребывание в которой запятнает позором репутацию семьи. Там никто не будет видеть твоих сумасбродств, и ты будешь вдалеке от тлетворного влияния матери: у этой женщины давно ракушки с нитками в голове вместо мозгов. Кроме того, к тебе будут приезжать врачи и учителя. Ты должен заново научиться быть джентльменом.

– Нет.

Мистер Хант наконец-то повернулся ко мне всем корпусом.

– Что? – глухо спросил он, хотя и так было ясно, что всё ему было понятно с первого раза.

От напряжения у меня перехватило дыхание.

Нечего его бояться. Не потащит же он меня силком в загородный домик Рейчел Уэскотт.

– Я сказал, что никуда не поеду.

– Варя! – раздался у меня в голове голос Бена. – Соглашайся с ним. Соглашайся!

Вот ещё! Как же я буду в глуши искать путь домой?

– Нет, – сказала я вслух.

Мистер Хант как будто нарочно медленно поставил стакан на стол.

– Ты не можешь принимать решения. Ты болен.

– Мне там станет только хуже.

– От чего? От свежего воздуха и занятий с учителями? Или тебе нравится быть бесполезным олухом, как Джон? Знай, я столько нахлебников не потяну.

– Ты... Ты просто делаешь как тебе удобно! Тебе плевать на сына. Ты пытался узнать, что с ним случилось? Что он чувствует?

Пришлось замолчать, потому что Бен из последних сил надрывался, чтобы меня утихомирить. Трудно говорить, когда кто-то шумит в твоей голове.

Взгляд старика стал по-настоящему страшным.

– Попридержи язык, щенок! Ты не мой сын! Мой Бенджамин был послушным и умным молодым человеком. А ты – полоумный дикарь! Я столько в него вложил, разве я достоин этого?! Ты живёшь в моём доме, тратишь мои деньги, так изволь проявить хоть какое-то подобие благодарности.

– Спасибо! – я отвесила издевательский поклон и ушла.

Заперлась в комнате Бена и по завету диснеевских принцесс без сил рухнула на кровать.

Достало. Всё достало!

– Ты поступаешь неразумно, – опять дал о себе знать Бен. – Утром обязательно извинишься и скажешь, что сделаешь всё, как он велит.

Я чуть в подушку не вгрызлась от злости.

– И ты туда же? Ты что, не понял, что он хочет от тебя избавиться? Раньше ты как бы был любимым сыном, а теперь ты чмо бракованное. Нравится?

– Прошу тебя, Варя, хотя бы о себе подумай. У тёти Рейчел ты, конечно, будешь, как в тюрьме, но зато в безопасности.

Я перевернулась на спину и уставилась в потолок.

– А ты не боишься навсегда остаться таким? Бенни, я же ради нас обоих стараюсь. Если я буду тупо плыть по течению и учиться премудростям этикета с основами банковского дела в деревенской глуши, то больше никогда не попаду домой. Да и тебе давно пора получить своё тело обратно в личное пользование. М?

Бен так долго не отвечал, что я чуть было не задремала.

– И всё-таки извинись завтра перед ним.

– Думаешь, простит и в деревню не сошлёт?

– Не простит. Сошлёт. Просто так будет лучше.

Со стоном я потёрла глаза, чтобы не отрубиться.

– Не поеду я к вашей тёте. У меня... – не удержалась от зевка. – Ой... У меня другие планы.

Вот только какие, я сама пока не знала.

Утром я так и не извинилась перед мистером Хантом. И вовсе не потому, что по-прежнему считала его бессердечным злыднем: когда я проснулась, его уже не было дома. Но, как бы то ни было, передо мной до сих пор маячила тень загородного коттеджа миссис Уэскотт. Миссис Хант уже была в курсе идеи мужа, и от этого её горе увеличилось многократно. Она то и дело причитала, что не хочет меня отпускать, и при этом всё порывалась сама собрать чемоданы. Сначала я её отговаривала, потом рукой махнула – всё равно ведь без толку.

Чарли тоже расстроилась, но хотя бы не сыпала соль на рану, за что я была ей очень благодарна. Бен молчал.

А ещё я узнала от миссис Хант неутешительные подробности моего изгнания. В деревне мне запретят любую переписку, и кроме нанятых специалистов навещать меня смогут только родственники, и то под надзором самого мистера Ханта, дабы исключить любое негативное влияние. В отчаянии я написала Озу записку, в которой изложила последние новости. Больше просить помощи не у кого, а сложить лапки и ждать у моря погоды я не могу себе позволить. Потеряю след чёртовой кошки и застряну здесь навсегда!

Чем больше я смотрела на то, как суетится миссис Хант, перебирая одежду Бена и гоняя горничную, тем больше думала о своей маме. Интересно, что произошло там, когда меня закинуло сюда? Время пошло дальше или остановилось? Хоть бы остановилось, мама же с ума сойдёт!

И как назло, вместо ответа Оза пришло письмо от тёти Рейчел. Я до боли держала крестом пальцы, надеясь, что родственница любезно откажет брату в приёме психа в свою обитель. Как бы не так. Миссис Уэскотт, конечно, возмущалась решению мистера Ханта аж три страницы подряд, но в конце приписала, что для меня уже готовят комнату. Была бы это онлайн-переписка, я бы спросила: «С решётками на окнах?» Не зря же Бен предупреждал, что буду жить как в тюрьме.

Оказалось, что до этого хлопочущая миссис Хант ещё как-то сохраняла спокойствие. Дочитав письмо, она разразилась бурными рыданиями. Ей было больно расставаться с сыном, для которого муж с золовкой не пожалели оскорблений.

И на её месте может быть моя мама.

Я просто подошла к ней и обняла. Эту смешную, но добрую женщину.

Она не выглядит как моя мама. Говорит не так. Пахнет не так. Но любит, как она.

К вечеру мне наконец улыбнулась удача. Мы с Тоби чуть не сбили с ног нашего дорогого гостя.

– Собирайся, поехали, – сказал Оз, даже не сняв шляпу.

– Сейчас! А куда?

Парень загадочно улыбнулся.

– На одну очень важную встречу.

Да он просто чудо! Не забыл про меня и откликнулся на призыв о помощи. Надо скорее драпать, пока мистер Хант не вернулся домой.

– Ваша трость, сэр, – уже на выходе дворецкий протянул мне обязательный атрибут джентльмена.

Не обижать же старика. Его прежние хозяева, друзья Хантов, эмигрировали в Америку, а он остался в Лондоне и скучал на пенсии, пока ему не предложили работу в этом доме.

– Спасибо, Дженкинс, – я искренне улыбнулась и, взяв трость, выбежала на улицу.

Сегодня что-то обязано проясниться. Вот чувствую, что обстоятельства изменятся и я благополучно избежу участи изгнанника. Оз наверняка что-то придумал, он же чувак неглупый, да и связи у него должны быть такие, что мне и не снилось. Как же мне повезло с ним! Была бы в своём теле, повисла бы с радостным визгом у него на шее.

Как бы я ни пыталась выведать у Оза хоть малейшие подробности, он молчал с упрямством партизана. Сюрприз и всё тут. Так ничего и не добившись, я живо переключилась на другие темы. В деталях рассказала, как провела время на балу леди Милдред, и пожаловалась на мистера Ханта. В общем, излила душу как подружке. Оз тоже посчитал, будто лечение на свежем воздухе пойдёт мне на пользу, однако признал, что отец Бена излишне строг.

С ним даже спорить не хотелось.

Спустя примерно четверть часа кеб остановился перед особнячком из тёмного кирпича, украшенного белой лепниной. Дверь нам открыл молодой дворецкий с таким застывшим подобострастным

выражением на лице, будто с детства занимал эту должность. С тем же непробиваемым видом принял у нас шляпы и трости.

Я, не скрывая любопытства, вертела головой. Просторный холл в красно-золотых тонах навевал на меня разнообразные мысли, от «Кто здесь живёт?» до «Сколько же это всё стоит?».

На лестнице с перилами из тёмного дерева появилась женщина средних лет. Несмотря на кажущееся неудобным платье приглушённого серо-синего оттенка, она быстро спустилась к нам.

– Мистер Тёрнер, вы прибыли даже раньше, чем договаривались. Не подумайте, что я ворчу, я всегда рада вас видеть.

– Добрый вечер, Кара. – Оз приложил к губам её руку с поблёскивающими кольцами. Блин, мне тоже стоит повторить этот ритуал.

Поздоровавшись со мной, Кара кокетливо улыбнулась и поправила шаль с восточным узором.

– Ваш друг такой скромный.

– Только с виду. Мистер Хант настоящий бунтарь и большой любитель приключений, – в той же игривой манере ответил Оз. – Можете мне не верить, но это он выследил и поймал Бесстыдного душителя.

– Оз, – одёрнула его я. Заслуга ведь и ему тоже принадлежит.

Кара поняла мой намёк по-своему.

– Все секреты, попадающие в этот дом, не выходят за его пределы, – прощбетала она с жеманной гримаской. – Пойдёмте, джентльмены, я вас провожу.

Женщина отвела нас в шикарно обставленную гостиную с зашторенными окнами. Оставив нас в мягком полумраке ламп, она вышла с обещанием, что нам не придётся ждать.

Оз скинул сюртук и по-хозяйски устроился на мягком диване, закинув ногу на ногу.

– Бен?

И смотрит на меня своим обволакивающим взглядом.

– Чего?

– Ты какой-то нервный. Совсем на тебя не похоже. Присаживайся, старина.

А сам встал. Взял со столика прямоугольную бутылку с чем-то тёмным.

– Будешь херес или виски?

Ага, всё сразу и водку сверху.

– Я не буду пить, – заявила я, садясь на узорчатый диван, и тут же добавила, спасая остатки репутации Бена: – Сегодня мне голова нужна ясной. И может, ты уже скажешь, где мы и с кем ты запланировал встречу? Это связано с убийством профессора?

– Всему своё время.

Угостился чем-то, пахнувшим коньяком. Предлагал и мне, но я опять отказалась.

– Оз, почему ты так спокоен?

– А что, прикажешь мне впасть в уныние? Брось, Бен, всё даже лучше, чем ты думаешь.

– Всю душу вымотал, конспиратор доморощенный!

– Потом мне спасибо скажешь.

В комнату без стука вошла белокурая девушка с опасным для резких движений декольте, следом грациозно вплыла мулатка в не менее откровенном одеянии.

Я не пошлая, я не пошлая...

– Оз, – дыхание вдруг ни с того ни с сего сбилось. – Это кто?

Не выпуская из рук бокал, парень приблизился к блондинке и властно притянул её к себе. Она коротко взвизгнула, выражая восторг и удовольствие.

Я мужчина. Я должна вести себя как мужчина, а не как психованная девчонка... Только как же хочется взять и уйти!

– Это мой сюрприз, – с довольной улыбкой сообщил Оз. – Зная, как ты любишь экзотику, я выбрал тебе... подарок.

Не успела я прийти в себя, как мулатка уже крутилась вокруг меня любопытной пантеркой. Офигеть, да она вблизи моложе меня выглядит, а мне всего восемнадцать!

Мама, я попала в плохую компанию!

– Мне ещё никогда не дарили проституток.

– Всё бывает в первый раз, – философски подметил Оз.

Блондинка отточенным движением провела пальцами по его подбородку, как бы выпрашивая поцелуй.

– Как мне можно вас называть? «Господин» или «милый»? – так приторно промурлыкала она, что я еле подавила желание оттолкнуть её от него.

Нечего лапать Оза, я первая на него глаз положила!

– По-моему, «милый господин» будет звучать неплохо.

Фу, меня стошнит!

Я смахнула с себя резвые ручки мулатки и без изящества плюхнулась на диван.

– Оз, нам надо серьёзно поговорить.

Однако его ни капли не смутил мой насупленный вид. Он как ни в чём не бывало продолжал заигрывать с весёлой девушкой по вызову.

– Мой друг сегодня не в духе, – негромко и нарочито доверительно сказал Оз. – У него сейчас столько проблем и забот, что мы просто обязаны его развлечь. Дела подождут.

Сколько раз мне попадалось в книжках словосочетание «скрипеть зубами от злости», и только сейчас до меня дошло, что это не вымысел писателей. У меня реально челюсть свело от негодования. Мозгом я понимала, что Оз делает всё правильно и что таковы законы мужской дружбы, но неизвестный мне орган, отвечающий за чувства, бушевал не на шутку. Я же девушка, и мне жутко неприятно наблюдать за тем, как какая-то шлюха виснет на моём парне. И то, что он не знает, что он мой парень, его нисколько не оправдывает.

– Бен, расслабься, – тоном искусителя завёл Оз. – Чтобы фортуна и дальше нам благоволила, надо отпраздновать наше счастливое спасение. Разве я не прав?

Я попыталась призвать на помощь весь свой цинизм, но его было недостаточно.

– Делай как хочешь, – это всё, что я могла сказать.

Оз как будто ждал моего разрешения. Повёл хихикающую блондинку в смежную комнату, бросив через плечо мулатке:

– Когда вернусь, мой друг должен забыть о хандре.

Девчонка моментально села рядом и прильнула ко мне.

– Я помогу вам раздеться.

– Помогай.

Без пиджака и впрямь стало полегче. По крайней мере, не так жарко. Что за манера у местных в любое время года одеваться как капуста?

На этом, несмотря на картинное огорчение проститутки, сеанс раздевания завершился.

В этой жизни надо попробовать всё, тем более когда выпадает уникальный шанс... Только это всё неправильно! Как минимум это будет непорядочно по отношению к Бену. Я же в этом теле гость, пускай и тот самый, который хуже татарина. И может, в тридцать лет я буду жалеть о своём ханжестве и мечте о красивом первом разе, но сейчас я не готова к такому крутому повороту.

– Выпейте, и ваши печали как рукой снимет, – посоветовала девчонка.

– В другой раз.

Она стала гладить меня по груди явно с намерением избавиться от жилета, но я мягко взяла её за украшенное браслетами запястье.

– Лет тебе сколько?

– Двадцать, – не моргнув глазом соврала она.

– Нет, дитя, тебе пятнадцать.

Сторговались на шестнадцать. И то якобы потому, что «с шестнадцати можно»^[4].

– Я вам не нравлюсь? – кажется, по-настоящему обиделась маленькая проститутка.

– Нравишься. Особенно когда сидишь тихо. Не переживай, тебе всё равно заплатят.

Даже не стала спрашивать, как та дошла до жизни такой. Наверное, трудно найти хорошее место в чопорном обществе, если у тебя экзотическая внешность, а родители, скорее всего, портовая шлюха и неизвестный чернокожий моряк.

Девчонка села на подлокотник дивана, расправив юбки так, чтобы были видны стройные ножки, и отщипнула веточку винограда из вазочки с фруктами. Ей словно принципиально нужно было меня совратить.

Я просто отвернулась.

Если «подарок» получалось игнорировать, то звуки из соседней комнаты – нет. Сладострастные стоны иногда сменялись сочными шлепками, визгом блондинки и смехом Оза.

А я раньше наивно полагала, что люблю эротику. В книжках и фильмах это же так романтично... Но здесь и сейчас парень, который завладел моим сердцем, развлекается с проституткой! Я сидела как оплёванная и с нетерпением ждала конца пытки.

– Тебя мужчины когда-нибудь били? – спросила я, когда мулатка стала касаться меня носком туфли.

– Бывало.

– Значит, знаешь, что будет, если ещё раз до меня дотронешься.

Всекие домогательства тут же прекратились. А я ещё стеснялась показаться грубой.

Я встретила Оза с видом разгневанной домохозяйки. Только чего-нибудь тяжёлого не хватало в руке для полноты образа. Его улыбка мигом угасла, он без особого энтузиазма стал застёгивать верхние пуговицы на рубашке.

– Бен, что с тобой?

– Что со мной? Ты обманул меня. Я думал, ты хочешь мне помочь, а ты устроил прощальную вечеринку.

Оз коротким приказом выгнал проституток. Полуодетая блондинка выронила по дороге свой чулок, но джентльмен не поспешил к ней на помощь, как к леди на балу, которые без причины роняют перчатки, веера и платки.

Только за ними закрылась дверь, Оз опустился в обитое бархатом кресло и поджёг кончик сигары.

– Общество безотказных женщин должно было развеять твою тоску, – задумчиво произнёс он после первой затяжки. – Ты не ханжа, не маменькин сынок, а тут такие перемены. В чём дело, дружище? Я тебя не узнаю. Тебе не понравились девочки? Одно твоё слово, и Кара бы подобрала кого-нибудь ещё.

– Мне не нужны девочки, – чуть ли не прорычала я.

Оз на пару секунд прикрыл глаза, наслаждаясь дымом.

– Тогда мальчики? У Кары кого только нет.

Я мысленно поперхнулась. Оз так спокойно об этом говорит?! Мужчины же не выносят «голубых» или я чего-то не знаю?

– Ты что, не видишь, мне сейчас не до этого! Надо разобраться в смерти профессора Пембертона и найти пропавшую статуэтку. Мы зря теряем время.

– А может, ты соизволишь объяснить, для чего тебе нужна эта статуэтка? Только из-за того, что тебя напугала медиум?

– Ты всё равно не поймёшь.

– Ну-ну, не надо быть таким высокомерным. Всё же я имею право знать, пешкой в какой игре ты хочешь меня выставить.

Блин, а он прав. Получается, что я в данной ситуации сволочь, а не он.

Вот такой грандиозный финал у наших отношений!

– Хочешь правду? – зловеще заговорила я. – Получай, сам попросился. Думаешь, перед тобой сейчас Бен Хант? А вот и нет, – медленно покачала головой. – Я из другого времени, и из-за проклятой кошки мне приходится делить это тело.

– Ты женщина?

Что за вопрос! Кто кого пытается удивить?

– Ты готов так просто в это поверить?

– Почему нет? По крайней мере, многое становится понятным. Меня ещё на сеансе насторожили сверкнувшие глаза медиума, но тогда я подумал, что это новый трюк.

Он всё видел и молчал!

– Ты первый, кому я открылась.

– Для меня это честь.

– Ну вот, знала же, что примешь за сумасшедшего.

– Я серьёзен как никогда, – Оз даже свою вонючую сигару отложил. Встал и приблизился ко мне. – Это был не единственный сюрприз, который я приготовил для Бена. Надеюсь, это тебя умилостивит.

Он взял сюртук и что-то извлёк из кармана.

– Два билета на поезд. Отправляется через час. Я нашёл людей, которые помогут нам разобраться во всей этой чертовщине.

Выходит, я зря плохо о нём думала? Оз делал всё, чтобы помочь Бену, а я дулась как мышь на крупу. Даже сейчас, когда ситуация обострилась из-за моих откровений, он его не бросает. Можно, оказывается, ходить по борделям и при этом оставаться порядочным человеком.

К утру мы должны вернуться в Лондон. Лишь бы эта поездка пролила свет на мои проблемы! Не зря же я столько всего натерпелась.

Одновременно с радостью я испытывала стыд и неловкость перед Озом. Вдруг он всего лишь подыграл мне? Не спрашивает ничего, не интересуется, кто я и откуда. Чтобы не нагнетать обстановку? Или самому стрёмно поверить в переселение душ?

Воспользовавшись отсутствием должного внимания к своей персоне, я пыталась узнать у Оза, с кем ему удалось договориться о встрече. Сказал, что обратился за помощью к египтологам, благо специалистов подобного плана сейчас в Англии предостаточно. К тому же сын пэра не будет связываться абы с кем, то есть в компетенции учёных можно не сомневаться.

А поверят ли они мне? Лучше будет, если мы с Озом прибережём историю о госте из другого времени на потом.

Поезд прибыл на нужную нам станцию в районе полуночи. Оттуда мы пошли пешком.

– Не волнуйся, нас должны встретить, – в который раз повторил Оз.

– Но почему не на станции?

– Ходят слухи, будто местные извозчики втихаря калечат чужих лошадей, чтобы заработать на своих услугах. Да сейчас уже выйдем к дороге, совсем чуть-чуть осталось.

Пройдя дальше, я и впрямь заметила экипаж с тусклыми фонарями. Возле него стояли двое мужчин, чьих лиц я не разглядела.

– Добрый вечер, джентльмены, – поприветствовал их Оз.

– Добрый вечер, мистер Тёрнер, – ответил один из них.

Что ж, мы у цели. Нас действительно встретили... Эй, это ещё что такое?

Мужики без предупреждения стали приближаться ко мне. У того, что был повыше и шире в плечах, в руках было что-то похожее на верёвку.

– Не подходите! – воскликнула я прежде, чем успела что-либо сообразить.

Это словно послужило им сигналом к атаке. Я попробовала отбиться тростью, но в итоге бесполезный аксессуар бесславно надломился пополам. Меня повалили на землю, я кричала, ругалась матом, яростно брыкалась.

Внезапно к моему лицу прижали пахнущий кисло-сладким лекарством платок. Мгновенно закружилась голова, тяжёлой волной накрыла слабость.

– Не передержи, а то вовсе не проснётся.

Оз?..

Глава 15. Страшнее кошки зверя нет

«Château Haut-Brion».

Надпись на подозрительном ящике

Меня мутило.

В голове царил полный хаос. С каждым мгновением обрывки мыслей сильнее путались, причиняя боль. Иллюзорную или настоящую, не знаю. Как же плохо...

– Варя!

Кто-то очень знакомый... Блин, кто это?

– Варя, открой глаза! Немедленно!

С первого раза я не справилась с таким, казалось бы, лёгким заданием. Замычав, попыталась разлепить губы. Ой, какой у меня спросонья низкий голос, как будто мужской...

Да я и есть мужчина! Я же в чужом теле! Мало того, я давно в чужом теле!

– Бен... – выдохнула я.

С трудом открыла глаза. Темно. Можно было и не открывать.

– Что случилось? Где это мы? И мы что, связаны?!

Как бы меня ни умиляло это «мы», пришлось поднапрячься и, несмотря на засасывающие остатки сна, прислушаться к своим чувствам. А Бен прав, меня связали. Так крепко, что конечности затекли.

– Твой друг заманил меня в ловушку.

– Какой ещё друг?

– Оз...

– Кто?!

– Освальд Тёрнер.

– Я не знаю никого с таким именем!

Даже не удивилась. То ли от снотворного никак не отойду, то ли поумнела.

А ведь странно. Совсем недавно мы были с Озом чуть ли не лучшими друзьями, а теперь он вдруг стал врагом. Или нет. Не было никакой дружбы. Меня использовали.

Зачем?

Только не ударяться в рефлексию, сейчас ни в коем случае нельзя раскисать.

– Что это за место? – Бен даже не думал скрывать своё напряжение. – Варя, прошу тебя, не засыпай. Ты должна быть в сознании! Говори со мной!

– М-м-м... Я стараюсь, стараюсь.

Немного поёрзала. Боль от верёвок действительно имела отрезвляющий эффект.

– Ничего не знаю. Мы куда-то приехали... и всё. Бенни, прости меня. Я твою трость... того.

– Дурочка.

Отличный наркоз! Даже нет сил обижаться, хотя я не выношу любую критику в свой адрес.

Я не испугалась, когда в тёмную комнату проник свет. Мой взгляд жадно впился в силуэты на пороге. Двое мужчин незамедлительно зашли внутрь.

– Кто тут у нас? – Реально, меня затошнило от голоса Оза! – Бенджамин Хант или таинственная незнакомка из другого времени?

Он зажжёт газовый рожок, благодаря чему я разглядела его спутника.

Это был сэр Эндрю собственной персоной.

Твою ж...

Вы меня все, что ли, хотите с ума свести!

– Что вам надо? – разозлилась я.

– Единственная услуга, которую нам может оказать мистер Хант, – это раз и навсегда исчезнуть, – зловеще ответил сэр Эндрю.

– Да что он вам сделал?!

Злодеи подошли ближе.

– Я же вам говорил, – я не видела, но мне почудилось, что Оз, произнося эти слова, улыбнулся. – Либо вы тогда знатно ударили его по голове, либо мы действительно имеем дело с чем-то потусторонним.

А правда была так близко... Знала же, что Бен не падал с лошади.

– За что вы хотели убить Бена?

Сэр Эндрю нехорошо усмехнулся.

– О, если бы я в тот момент собирался его убить, то нашёл бы более надёжный способ. У нас в то утро был серьёзный разговор, а Хант был слишком упрям. Потом начались игры с «потерей памяти».

– И вы подослали этого придурка, чтобы он проверил, обманывает вас Бен или нет? Гениальный ход.

– Благодарю за лестную оценку. Меня посещали мысли об убийстве, но смерть в моих владениях стала бы ужасным конфузом, а наёмные убийцы – не те люди, которым можно полностью доверять. Мой друг и соратник любезно согласился помочь.

– Сначала я подумал, что Хант по-настоящему потерял память. Он был слишком доверчивым для своего положения, – подхватил «друг и соратник». – Чем дольше длилось наше общение, тем сильнее я убеждался, что он безобидный идиот, но позже стали происходить странные вещи.

Какой-то вечер откровений. Когда же это всё закончится?

И Бен молчит. Страшновато без него.

– Развяжите меня.

– Не так быстро. Кто ты? – Оз опустил передо мной на корточки.

Так бы и вцепилась в его самодовольную рожу! Кадык бы выгрызла и глаза бы высосала!

– Нормально! Меня похитили, усыпили, связали, и я ещё должна перед тобой отчитываться?!

Сэр Эндрю усмехнулся неприятнее, чем в прошлый раз.

– Поведение чисто женское. Истеричное и нелогичное. Прошу меня извинить, вынужден вас покинуть. Стоит уделить время другим гостям, дабы они не чувствовали себя обделёнными хозяйским вниманием.

Что за «гости»? Тоже пленники или как?

– Теперь ясно, почему Бен ничего о тебе не говорил, – процедила я сквозь зубы, когда мы остались одни. – Ты обманывал меня с самого начала.

– Кто ты? – повторил Оз.

– Верись, что я женщина, и при этом так со мной обращаешься? Какой ты после этого джентльмен... Что напрягся, ударить хочешь?

Оз медленно разжал кулак.

– Уроды вы все, – продолжила я в расслабленной манере. – Хотя бы на ковёр положили, а то на полу жёстко. О, да тут кровать. Нет, вы точно уроды.

– Если я развяжу тебя, ты скажешь, кому нужна кошка? Тебе или Бену?

Обида обидой, а от столь заманчивого предложения я не стала отказываться.

– Мне, – буркнула я и, шипя, принялась растирать руки.

Ответом мне был недоумённый взгляд. Хм, а мне даже нравится, когда Оз выглядит в той или иной мере беспомощным. Злорадство – такое приятное чувство.

– Кошка нужна мне. Что тут непонятного?

Вмазать бы, выбежать в коридор, раскидать охрану, если есть... Но я не герой боевика, а после наркоза и тугих верёвок стоять на ногах – это уже подвиг. Стараясь не шататься, как пьяный моряк на качающейся палубе, я доплелась до кресла и с облегчением откинулась на его мягкую спинку. Маленькое, но всё же облегчение.

Не делая резких движений, Оз встал передо мной.

– Как бы мне хотелось тебя разгадать.

– Всё-таки думаешь, что сейчас разговариваешь с какой-то женщиной, – я эффектно закинула ногу на ногу и тут же об этом пожалела – мышцы ответили ноющей болью.

Оз с гадкой ухмылкой покачал головой.

– Допускаю мысль об этом, но не более. Никогда не стоит недооценивать противника. Лучше считать его умнее себя, чем потом неожиданно оказаться одураченным, не так ли?

Понимаю. А ещё обидней – быть одураченным психом.

– Но раз допускаешь такую бредовую мысль, значит, во что-то да веришь. Взрослый, образованный мужчина, который принимает за чистую монету сказки про переселение душ, это так... – Я пожала плечами. – Странно?

– Деликатность редко бывает лишней.

Вот как. И рыбку хочет съесть, и косточкой не подавиться. Выждет немного и только потом окончательно решит, куда податься, к умным или к красивым.

Продуманная сволочь. Втирался ко мне в доверие. Включался в любую мою авантюру, смеялся над моими шутками, даже проститутку

элитную мне заказал. Сейчас опять будет тошнить...

Видеть его не могу. Оз, мой Оз – это не та тварь, что сейчас глумится надо мной. Оз, которого я себе нафантазировала, был добрым, отзывчивым, готовым полюбить...

К предательству нельзя привыкнуть. Это всегда больно.

– Мне надо вернуться в Лондон, – отчеканила я, впиваясь ногтями в подлокотники.

– Лорд Истон не отпустит тебя.

– А я не спрашиваю ни у кого разрешения. Ставлю перед фактом. Мне. Надо. В Лондон.

Чьи-то тяжёлые шаги вынудили меня повернуть голову в сторону двери. Нет, надо мной точно все решили поиздеваться! Без приглашения в комнате нарисовался Эндрю. Здраваться его так и не научили.

– Дай-ка на нашего юродивого посмотреть.

– Как ты можешь так говорить о брате своего друга, – не выдержала я. – Вообще не понимаю, как ты можешь говорить, свиньям же положено хрюкать.

Отличная компания подобралась для меня – козёл и свинья. Весёлая ферма, блин.

Эндрю с хрустом размял пальцы. Его правую ладонь окутывала белая повязка, и я заметила, как парень поморщился. Где-то покалечился, так ему и надо.

– Тёрнер, не говори моему дражайшему дядюшке, что я его малость побил.

– Ты его не тронешь, – строго сказал Оз и, подскочив к нему, сорвал повязку. – О боже, что это? Ожог? Бедный мой друг, где же ты так?

– Тёрнер...

Удар в солнечное сплетение и ещё один сверху. С утробным кряхтением Эндрю корчился на полу, силясь встать.

– Это ты сжёг квартиру Пембертона!!!

– Пошёл ты к...

Его заткнул удар ногой по лицу. Со всхлипом Эндрю откинулся назад. Несмотря на свою внушительную комплекцию, он даже не думал дать отпор.

Я вскочила с места и вцепилась в плечо Оза.

– Прекрати!

– Почему? – спросил он нарочито удивлённо, отчего стал похож на комика. – Тебе его жалко? Смеею тебя разочаровать, ему никого не было жалко, когда он запер нас и поджёг дом.

Чувствуя жалость вперемешку с отвращением, я посмотрела на щупающего окровавленное лицо Эндрю и спешно отвернулась. Кажись, ему разбили нос.

– Почему ты уверен, что это Эндрю?

– Потому что в открытую меня ненавидит только он.

А теперь ещё и я.

– Это тебе не сойдёт с рук, – поднимаясь, пробубнил Эндрю сквозь прижатый к лицу платок.

– А лорд Истон будет рад узнать о проказах племянника, – почти ласково произнёс на прощание Оз.

Я прогоняла в уме события последних минут и сравнивала их с воспоминаниями о страшной находке и последующем пожаре. Как профессор Пембертон связан с Эндрю и Озом? В его связь с Озом ещё можно поверить, а вот Эндрю тупой бескультурный примат, ему нет нужды общаться с учёными.

– Не может быть. Эндрю убил профессора... – от волнения не заметила, как произнесла это вслух.

Оз послал мне снисходительный взгляд.

– Ну что ты, до сих пор не догадываешься?

Он подошёл к своим вещам, небрежно брошенным на кровати. Взял трость и, повернувшись ко мне, потянул за рукоять, в которой угадывалась длинная морда борзой. Перед моим глазами появилось лезвие.

Жесть.

Всё это время убийца был у меня под носом, а я этого в упор не замечала. Ещё бы, ведь мой белый и пушистый Оз не был на такое способен! К тому же это он «обнаружил» пятна крови, и некто третий запер нас. Даже не знаю, стоит ли винить себя.

И опять страшно. До тошноты.

Почему он признался мне в убийстве?

Потому что в Лондон я не уеду.

За последние несколько часов я испытала, наверное, всю гамму негативных эмоций. Страх перетекал в обиду, затем сменялся бессильной злостью и накатывал снова. Раздражение не переставая грызло меня изнутри, и с этим ничего нельзя было поделать.

Оз сволочь, это даже не обсуждается. Даже думать о нём противно.

Да и Бен хорош. Где-то накосячил, а мне разгребать. И ведь не отзывается.

Временами проваливаясь в дрему, я пережила ночь. Сбежать не пыталась, но не потому, что трусиха, а из-за отсутствия возможностей. Прыжок из окна грозил смертью, а дверь была заперта. В половине девятого утра два лакея препроводили меня в ванную комнату. Там даже горячая ванна была приготовлена специально для меня, но я гордо обошлась только самыми необходимыми процедурами. После умывания пришлось нехотя вернуться обратно в «камеру». Эти двое на меня так косились, словно были готовы в любой момент предотвратить побег, и от этого вся моя отвага улетучивалась. Хоть я сейчас в теле маленького парня, геройство может выйти мне, да и Бену, боком. Позже двое из ларца принесли завтрак. Да какой обильный! Мясо, глазунья из двух яиц, горошек, ещё немного овощей. Полному кофейнику и оладушкам я, к своему стыду, больше всего обрадовалась. Да, я злая, обиженная, напуганная, и это не мешает мне ещё быть голодной девочкой. Да, девочкой, и не надо со мной спорить, не то я за себя не отвечаю!

На подносе также нашлось место маленькой вазочке с полевыми цветочками. Какие все вокруг заботливые, аж слезу умиления вышибает. Продемонстрировать бы характер, швырнуть всё на фиг на пол, да голод не тётка, и цветочки ничего мне плохого не сделали. Ладно, пусть кормят по-королевски, сами виноваты.

Вот только меня не купишь оладушками. Не знаю, как я этого добьюсь, но меня отсюда выпустят. Для начала надо подать сигнал SOS. Напишу Чарли зашифрованное письмо и буду ждать помощи. Она же девушка неглупая, догадается, что я влипла по самое не хочу. Полная надежд, я через прислугу передала хозяину дома своё желание связаться с Хантами. Судьба же приготовила мне двойной облом: мало того что мне не разрешили отправить письмо, так ещё «обрадовали» новостью, будто семье Бена отправили от его имени телеграмму.

Капец, теперь мистер и миссис Хант подумают, что неблагодарный сын сбежал из дома, лишь бы не стать пленником миссис Уэскотт.

В придачу ко всем бедам меня мучило безделье. Я исходила комнату вдоль и поперёк, облапала все вещи, раз сто пыталась позвать Бена. Бесплезно. Единственное, что давало мне хоть какое-то представление о происходящем снаружи, это окно. Если сначала оно тупо выполняло декоративную функцию симпатичной заставки в виде зелёного парка, то постепенно оно стало чуть ли не выпуском новостей с пометкой «Без комментариев». В поместье приезжали люди. Только мужчины, по виду джентльмены, однако не удивлюсь, что внутри они такие же твари, как хозяин и его окружение. Наверное, гости, о которых говорил сэр Эндрю. Что здесь за тусовка намечается, раз народ якобы ещё со вчерашнего дня собирается?

Поздно вечером Оз соизволил-таки обратить на меня внимание. Отпер дверь и вошёл в комнату в сопровождении трёх незнакомых мне мужчин. Хотя нет, одного я более или менее узнала. Вроде бы он встречал нас в тот злополучный вечер.

– Немедленно отпустите меня, – выпалила я, чуть не подавившись вертевшимися на языке матерными словами.

Взгляд Оза мне не понравился. Чересчур серьёзный, без угодливой улыбки. Что ж, так, по крайней мере, честно.

– Ты пойдёшь с нами.

– Очень мило было с вашей стороны перед смертью накормить врага сладкими булочками.

У него дёрнулся уголок рта.

– Всегда было интересно, кто это такой остроумный? Бен Хант или некая загадочная женщина?

Его спутники зафыркали. Уроды, чё ж сразу не заржали?

– Считай как хочешь, больше я ничего тебе не скажу, – заявила я.

– Эта ночь должна дать ответы на большинство вопросов. Ты сейчас пойдёшь с нами, и лучше тебе не сопротивляться.

Не успела я хоть как-то выразить это самое сопротивление, как мне заломили руки за спину. Твою мать, опять верёвка!

– Сволочи!

– Кто знает, может, скоро твоё негодование сменится благодарностью, – многозначительно сказал Оз и, сделав знак

следовать за ним, вышел в коридор.

Меня подтолкнули в спину и болезненно схватили за предплечье.

– Куда вы меня ведёте?!

– Вы там, полегче, – не оглянувшись, обронил Оз.

И не ответил мне. Я что, для него пустое место?!

Я повторила вопрос. Громче. Настойчивей. Перешла на почти бесконтрольный крик, но меня и дальше продолжали игнорировать. Даже заткнуть не попытались.

Меня провели практически через весь особняк, и пунктом назначения стал подвал.

Ну всё, Варя. Вот она – хана.

Я так сопротивлялась, что чуть не навернулась на крутой лестнице. Мои провожатые начали было ругать меня последними словами, но Оз велел им замолчать.

Умирая от страха, я оглядывала прохладное помещение. Не темница со ржавыми решётками и скелетами в кандалах, а вполне себе уютный винный погреб. Сколько бутылок, да тут как будто пьют не просыхая!

И всё равно нельзя расслабляться. Вряд ли меня сюда «пригласили», чтобы я лично выбрала бутылочку для приятного времяпровождения.

Мы прошли вдоль высоких до потолка рядов с круглыми стеклянными донышками, свернули налево и спустя ещё несколько метров упёрлись в деревянную дверь. Блин, вот причуды у богатых: вина отдельно, кандалы – тоже отдельно. Даже знать не хочу, что за этой дверью!

Оз и его подельники не спешили туда заходить. Они как по команде стали наряжаться в длинные белоснежные балахоны, которые в свёрнутом виде лежали на большом продолговатом ящике. К счастью, мне подобное одеяние не предложили.

– Подозрительный дресс-код. Вы что, секта? – с отвращением спросила я. – Я не буду ни в чём таком участвовать!

Оз накинул на голову капюшон, отчего стал похож на призрачного монаха.

– От тебя ничего не потребуется. Будешь зрителем и только.

– Какая честь! Какой сервис! Прямо как в театре. Нет, как в цирке!

– Но, если будешь мешать, лорд Истон примет меры. Не удивлюсь, если суровые.

Поняла, это вежливое «Заткнись и не выпендривайся».

Надеюсь, в кои-то веки он меня не обманул. Уж лучше быть зрителем, чем жертвой на алтаре. Правда, не могу гарантировать, что смогу спокойно смотреть на то, как кого-то другого будут расчленять во славу кровожадного божества.

То, что обнаружилось за таинственной дверью, потрясло меня. В подвальном, отделанном тёмным камнем помещении находились десятка два придурков в белых балахонах. Все они стояли вдоль стен и не решались пройти в центр, где на укрытом чёрным полотном столе лежал древнеегипетский саркофаг. Нарисованное лицо, похожее на женское, бесстрастно смотрело в потолок неестественно белыми глазами.

Страшно, аж трясёт так, что зубы вот-вот стучать начнут. Кто-нибудь, возьмите меня за ручку, а лучше на ручки!

Раствориться в толпе не вышло, все «гости» в белых балахонах уставились на меня, как будто я была интересней любого музейного экспоната. Сэра Эндрю в таком же нелепом облачении я узнала по усам.

– Друзья! – произнёс он так, что по подвалу прокатилось эхо. – Час, которого мы все так долго ждали, наконец-то настал. Совсем скоро мы прикоснёмся к тайнам древности и овладеем знаниями и умениями, о которых обычные смертные не смеют мечтать. Займите свои места. Разбудим магию!

Бугагашечки. А ещё меня психом считали.

Люди засуетились, словно каждому действительно была отведена определённая роль, встали более организованно. Несмотря на отсутствие нормальной вентиляции, зажгли благовония. Заиграл оркестрик из барабана, флейты и лиры.

Я метнула злобный взгляд в стоящего рядом Оза. Он повернулся ко мне, прижал палец к губам и вновь уставился на саркофаг.

Да что за хрень тут происходит!

Под звуки заунывной музыки сэра Эндрю торжественным шагом вышел из тёмного угла, держа в руках маленькую чёрную фигурку. Приглядевшись, я чуть не заорала в голос. Кошка! Это моя кошка!!!

Я ночей не спала, по музеям ходила, к профессорам пристакала, и всё это время злосчастливая статуэтка Бастет находилась в поместье сэра Эндрю. А сейчас я так близко от неё, но не могу ничего сделать. Какой облом...

Возможно, Оз в душе позлорадствовал, но мне ничего не сказал. Как и все, соблюдал строжайшую дисциплину.

Один из «сектантов» пошёл навстречу сэру Эндрю и церемонно положил на пол подушку с кистями. На неё посадили неподвижную кошку. Мерзкое зрелище, противно смотреть на то, с какой серьёзностью взрослые дядьки чувствуют неодушевлённый предмет, пусть он будет хоть трижды волшебным.

– Пробудись от многовекового сна, забытая богиня! – в экстазе воскликнул сэр Эндрю, скидывая руки. – Верни из Царства мёртвых свою верную служительницу!

Наивняк. Откуда древним египтянам знать английский язык?

От стены отошли ещё несколько балахонистых типов. Они окружили саркофаг и после некоторых манипуляций сняли крышку.

Меня опять начало трясти. Сейчас оттуда забинтованная рука ка-а-к схватит ближайшего человека за горло!

Но нет. Вопреки киношным штампам плотно обмотанная грязно-жёлтым полотном мумия осталась лежать на месте. К счастью для моего желудка, лицо покойницы было скрыто большой разрисованной маской.

Кто-то отчётливо ахнул. Я живо переключила внимание с мумии на статуэтку и увидела знакомое золотистое сияние в миндалевидных глазах.

Что-то будет. Сейчас что-то будет.

Сэр Эндрю снял с груди мумии украшение и поднял его вверх. В побрякушке я узнала фигурку скарабея.

– О, прекрасная царевна Неферпсут! Великая жрица могущественной богини! Смерти больше нет!

Он с силой швырнул скарабея на пол. От божественного жука откололась лапка.

Уровень бреда зашкаливал. Сэр Эндрю со своими помощниками взяли длинные ножи и принялись кромсать мумию. В ответ на такое хамское обращение от тела бедной принцессы сквозь ткань пошло яркое золотое свечение. Осквернители древностей, вскрикнув кто

басом, кто чуть ли не фальцетом, отпрянули. Даже музыканты забыли о своём деле.

– Не бойтесь, богиня вас щедро вознаградит! – прокричал сэр Эндрю.

И кошка не унималась. Уже поставила рекорд по свечению глазами.

Исходящий от мумии жгучий свет вскоре стал настолько нестерпимым, что воскресители позорно отошли в сторонку. Спустя пару невыносимо долгих минут он угас, и вместо неживого тела перед нами возникла молодая женщина. Нарушая пафосную атмосферу ритуала, она скинула с лица маску и, резко сев, запрокинула голову, шумно лоя ртом воздух. «Сектанты» запаниковали, будто не ожидали, что их игры окончатся именно таким образом. Даже сэр Эндрю в этот момент выглядел растерянным. Придя в себя от шока, он приблизился к царевне и, рассыпаясь в комплиментах, помог ей выбраться из саркофага и встать на ноги.

Неферпсут была хороша. Среднего роста, с виду не старше двадцати лет. Чёрные как смоль волосы, смуглая кожа. Белое платье немного измято, но что вы хотите от бывшей мумии?

Неферпсут заговорила. Удивлённо и немного сердито.

Я узнала её голос и непривычный для русского уха язык. Так говорила Элизабет Хайнц. В тот вечер мёртвая царевна почему-то захотела что-то мне передать. Но что?

Египтянка брезгливо отёрнула руку, когда сэр Эндрю притянул её к усам для поцелуя.

– Вы не представляете, какое счастье переполняет мою душу от встречи с вами, Ваше Высочество.

Скривившись, она отошла от него и, опустившись к полу, погладила угомонившуюся статуэтку. Пробормотала что-то непонятное.

Встала. Что-то нетерпеливо спросила.

И её взгляд остановился на мне.

Отмахнувшись от назойливого сэра Эндрю и его товарищей, Неферпсут подошла ко мне.

– Привет, – вымученно улыбнулась я.

От ответной улыбки мне чуть дурно не стало. Продолжая говорить на древнеегипетском, девушка погладила меня по щеке, и её

лицо приобрело сочувствующее выражение. Неужели и вправду жалеет?

– Зачем меня подселили в это тело?

Она внезапно переключилась на Оза и совсем нецарственно присосалась к нему. Вот это номер! Оз и тот офигел, у него глаза чуть на лоб не вылезли от такого агрессивного поцелуя, а его друзья «сектанты» от благоговейного ужаса не произнесли ни звука.

После страстного знакомства с Озом Неферпсут отстранилась от него, словно потеряла к нему интерес.

– Вы прекрасны... – с восхищением выдохнул он.

Чего? Да у неё манеры как у шалавы, а не как у принцессы!

– Поскольку я теперь овладела вашим языком, повторю снова, – Неферпсут грозно оглядела толпу поклонников. – Кто вы такие? Где Себек?

Присутствующие виновато сутулились и прятали лица в недрах капюшонов. Сэру Эндрю волей-неволей пришлось проявить инициативу. К слову, квёлую такую инициативу.

– Се... Себек?

– Это не его рук дело? – красивое личико царевны исказила злая усмешка. – Кто вас надоумил воспользоваться силой моей кошки? Как вы посмели к ней прикоснуться?!

– Мы несколько лет мечтали найти вас и вернуть к жизни. Вы достойны этого! – выпалил сэр Эндрю, явно теряясь от гнева девушки.

А-а-а, так тебе и надо.

– Скажи правду, – слова поразили цель, как ножи.

– Мне нечего от вас скры...

Тонкая, увешанная браслетами рука вцепилась в его горло. Люди ахнули, но никто не кинулся на помощь лорду Истону.

Как только хватка ослабла, горе-воскреситель просипел:

– Нам нужна твоя сила.

Неферпсут с лёгкостью отшвырнула его. В её глазах плескалось золото.

– Я вам не ослица, чтобы использовать меня!

Я отпрянула, когда она опять встала передо мной. С трудом заставила себя смотреть в её пугающие глаза.

– Не бойся, я позабочусь о тебе, – негромко сказала она. – Ты получишь всё.

– Мне не нужно «всё». Я хочу, чтобы мы с Беном были дома.

Царевна не слушала меня. Поглядывая на собравшихся, она плавно передвигалась по подвалу.

Золотистая вспышка на миг ослепила меня, и в следующий миг я увидела, как преобразилась Неферпсут. Это была чёрная женщина с головой пантеры, облачённая в белое погребальное платье. Без предупреждения чудище ударило сэра Эндрю когтистой рукой.

Крик боли разлетелся с брызгами крови. Ему вторил яростный рык.

Что началось! Вопящие от страха «сектанты» разбежались, расталкивая друг друга и дёргая за балахоны. Перерождённая Неферпсут не щадила никого.

– Варя!

Бен! Где ж ты был, я же так долго тебя ждала...

Меня толкнули, и я упала на пол. Ударилась, хорошо, что не головой... Ещё руки связаны...

– Варя, прости меня, Варя!

Рядом со мной упал растерзанный труп. А это Эндрю... Даже не позлорадствуешь.

– Варя, закрой глаза! Прошу тебя, не смотри! – надрывался Бен, перекрикивая рык свирепой жрицы Бастет и вопли умирающих.

Я послушалась. По переносице побежала обжигающая слеза.

– Бен, не бросай меня, пожалуйста.

– Я тебя никогда не брошу. Никогда.

Он говорил что-то ещё, но я его почти не слышала. Меня засасывало в чёрный сон.

Глава 16. Послание из прошлого

«— Отныне ты обязан мне верно служить. Ты будешь дышать и жить лишь ради меня. — Из ваших уст это звучит почти как милость».

Разговор, который никто не смог услышать

Передо мной сидела кошка.

Безуспешно пытаюсь справиться с головокружением, я прижала руку к виску. Еле на ногах стою, а статуэтка всё смотрит и смотрит на меня. Гадина.

Я вздрогнула, стоило кому-то тронуть меня за плечо.

— Варешка.

Данька?

Глаза меня не обманули, это действительно был он.

— Чего зависла? Тебе плохо? — мальчик так и не убрал руку.

Ничего себе. Только что была свидетелем буйства древней жрицы, а теперь как ни в чём не бывало нахожусь в нашем краеведческом музее, куда почти две недели назад отвела брата на выставку. Неужели божественные силы отпустили меня восвояси?

— Ва-а-арь.

— Голова закружилась, — медленно ответила я, испугавшись своего голоса.

Мать моя женщина, ещё и к телу собственному придётся привыкать.

— Почему? — не унимался дотошный Данька. — У тебя что-то болит? Тебе жарко?

— Наверное, давление.

— Какое?

— Низкое, высокое, не знаю. Я старая больная женщина, имею право иногда проявить минутную слабость.

— А-а-а, — понимающе протянул Данька.

Без понятия, о чём он мог подумать, главное, у меня появилось время для передышки. Я всё ещё не могла поверить, что моё

приключение закончилось.

Но где же бешеная радость? Я же наконец получила то, что хотела. Попала домой, к любящим родственникам и благам цивилизации, где буду кайфовать остаток лета без покушений на свою жизнь.

Там остался Бен. Один в этом кровавом кошмаре, полном идиотов и предателей, а я не могу ему помочь, потому что между нами больше ста лет. Что с ним случилось? Вернулся ли он домой или его убила Неферпсут?

Даня повёл меня во второй зал, что-то с увлечением рассказывал о мумификации, но я слушала его вполуха. И дело не в том, что после Британского музея меня трудно удивить скромными экспонатами. Бена больше нет, он мёртв. Убили его или умер в старости в окружении детей и внуков – его уже нет в этом мире.

Он был добр ко мне, несмотря на то что я занимала его тело. Пытался защитить, как мог. А я ускользнула, когда запахло жареным.

Что он подумал обо мне? Что я его бросила? Что я эгоистичная дрянь? Или ему хватило благородства принять то, что я пропала так же внезапно, как и появилась?

Путаясь в мыслях, я ходила за Данькой хвостом и с нетерпением ждала, когда он налюбуется древними артефактами. Если бы не брат, пулей бы выбежала из музея. Хватит с меня всего египетского, хватит! Я первая вышла из зала с мумифицированными животными, и ноги привели меня к проклятой кошке.

Сидит себе, словно ничего не случилось.

Думаешь, я это просто так оставлю, чучело-мяучело? Да фиг тебе!

От дерзкой идеи сердце забилося так, что в ушах загудела кровь. Оглядевшись, я раскрыла сумку и сунула туда статуэтку. Смахнула на пол и отфутболила в угол табличку, которая могла бы привлечь внимание к опустевшей подставке. Слава разгильдяям и скудному финансированию, в музее не было ни единой камеры слежения.

Я окликнула Даньку и чуть не вытолкала его на улицу. Оттягивающая плечо сумка словно посылала в мозг сигнал «Беги!», и мне стоило невероятных трудов внешне сохранять спокойствие. Ещё не хватало в тюрьму сесть из-за этой гадости.

Нелёгкая же, оказывается, жизнь у воров. Почти всю дорогу до Данькиного дома я прижимала к себе сумку и ждала разоблачения.

Стоило кому-нибудь задержать на мне взгляд, и я переставала дышать.

Пронесло.

Честно говоря, у меня не было плана от слова совсем. Пришлось довериться импровизации. Я попросила малого показать мне книги про древних египтян, которые у него были, и мы, обложившись различными изданиями, засели на пару часов. Правда, сначала пришлось по приказу тётки Насти сесть за стол и поесть плова с салатом.

В Данькиных книжках почти не было ничего про Бастет. В основном она упоминалась как добрая богиня, покровительница домашнего очага, женской красоты и чуть ли не всех ништяков, которые только могут быть в жизни. Цепляясь за известные мне факты, я рассказала брату почти всё, что знала о царевне и жрице Неферпсут, но он мало того, что ничего подобного не вспомнил, так ещё сказал, что я, наверное, этого персонажа в кино видела. Как ни странно, нас рассудил великий и могучий интернет. Про Неферпсут ничего нового не узнали, о ней была весьма скромная информация, и то на английском и ещё паре иностранных языков вроде арабского. А маленькая статья на Википедии о профессоре Пембертоне задела меня больше, чем я могла ожидать. «Погиб при невыясненных обстоятельствах. Несколько важнейших трудов в его библиографии так и не были завершены». А ещё его звали Джеймс...

Его убил тот, кого я считала своим другом. И, наверное, из-за меня.

Я больше не могла терпеть наплыв воспоминаний и пошла домой, заткнув уши плеером.

Надо успокоиться. Нечего рыпаться, если всё уже произошло больше века назад. Пора привыкать к обычной жизни.

Но дома мне не стало легче. Родные стены и любимые вещи были напоминанием того, что Бену не так повезло, как мне. Это для меня всё было прикольным приключением, а у него-то вся жизнь пошла наперекосяк.

Достала кошку из сумки, поставила перед собой. Выговорила ей всё, что накопилось в душе, но статуэтка никак не отреагировала на моё отчаяние.

Наказав бесполезный артефакт заточением в шкафу с одеждой, я включила компьютер... и сразу выключила его. Мне не хватало

смелости поискать информацию о Бене и Озе. Я мучительно боялась узнать что-то страшное.

И тут мои нервы не выдержали. Я рыдала долго и совсем не ванильно, до икоты и заложенного носа. Одиночество только подначивало меня. Мол, давай, плачь вволю, ведь никто не лезет с расспросами и не мешает. Когда слёз почти не осталось, я заставила себя пойти на кухню и выпить таблетку успокоительного. Я боец. Мне нельзя разводить сырость, как последней истеричке.

Чтобы абстрагироваться от неприятностей, приняла ванну с пеной, вымыла голову, хоть в этом не было необходимости, и надела любимую домашнюю одежду – красную футболку с Железным человеком и короткие шорты. Пыталась поиграть в компьютер, но желание мочить зомби так и не пробудилось, поэтому я ждала маму, тупо пялясь в телик. Теперь хоть немного понятно, почему взрослые женщины так любят ток-шоу: смотрят на то, как живут другие люди, и на время забывают о собственных проблемах.

Мама пришла позже обычного и, как оправдание своему опозданию, принесла большой пакет из магазина. Конечно, ласки мне не досталось, так как маму в тот момент волновала судьба пельменей, которые надо было срочно засунуть в морозилку. Ещё отчитала меня за то, что без тапочек хожу...

Блин, какие пельмени?! Какие тапочки?! Со мной же такое произошло! Такое!!!

С другой стороны... Как я всё расскажу маме? Она либо просто не поверит, либо подумает, что это сценарий ролевой игры.

Опять придётся жить как в доме Хантов. Скрывать правду и мучиться оттого, что нельзя никому открыться.

А могла же догадаться, что моё путешествие в прошлое не пройдёт бесследно.

– Хватит грызть эту фигню. Видела, я глазированные сырки купила? Твои любимые, со сгущёнкой.

– Угу.

Я опустила надкусанную соломку в кружку. Пропитается чаем и не будет так хрустеть. Успокаивающий эффект сойдёт на нет, зато мама перестанет придирается.

– Эй, ты чего весь вечер какая-то грустная? – Мама встала из-за стола и достала из холодильника пакет с сырками. – У тебя что-то случилось?

– Нет.

– Если у тебя всё нормально, а ты куксишься, значит, случилась трагедия мирового масштаба. «Доктора Кто» закрыли?

Вот не думала, что моя же манера общения может напрягать.

– Нет.

– Может, болеешь?

– Нет.

Твержу одно и то же, да без толку. Лишь сильнее убеждаю маму в том, что произошло что-то из ряда вон выходящее.

– Ты в последний раз так себя вела, когда о тебе в интернете сплетничали, – у мамы даже интонация стала серьёзной.

Было дело. После смерти Женьки кое-кто из одноклассников создал во ВКонтакте группу его памяти. Через третьих лиц я узнала, что девчонки там с вдохновением поливали меня грязью. Мол, Пономарёва, стерва, в группу не вступила и ни одной фоточки не запостила, хотя была девушкой Дегтярёва. Да не была я его девушкой, и никакая соцсеть мне его не вернёт! К счастью для моей репутации, я не успела ничего ответить: за меня это сделала наша классная, написав огромный коммент, в котором устыдила сплетниц, да так, что никто не посмел возразить. Нечем крыть, если я была единственной одноклассницей, присутствующей на похоронах и помогавшей отцу Жени.

И так паршиво, а тут ещё старые раны.

– Мам, – я достала из кружки разбухшую соломку, – тебя когда-нибудь предавал мужчина?

– Твой папа, – ответила она не задумываясь.

Вот и поговорили.

– Кстати, сегодня бабушка звонила. Я тебя на выходных на дачу отвезу, от компьютера отдохнёшь.

Да я только тем и занималась в последние дни, что отдыхала от компьютера.

– Возьмёшь с собой книжки, которые я уже прочитала, а то бабушке по вечерам скучно, у них там антенна только Первый канал

ловит. И дедушке лекарство надо купить, название не помню, потом ту бумажку найду...

Приятно, что мама после развода нежно дружит с родителями папы, но у меня сейчас проблемы, а она как будто не обратила внимания на такой жирный намёк, как «мужчина».

– Мам, я только что сказала, что меня предал мужчина, а тебя это не колышет. Давай уже по-взрослому поговорим. Между прочим, до сих пор жду, когда ты расскажешь, откуда дети берутся.

Мама наигранно закатила глаза.

– Варя, ты ещё маленькая для любви. Тебя мужчины вообще не должны волновать.

– Мне восемнадцать, а ты в девятнадцать замуж вышла.

– Потому что дурой была. Как видишь, мы с папой разбежались до твоего совершеннолетия. Так что ты давай учись, берись за голову и, пока твёрдо на ноги не встанешь, о мужиках не думай.

– Мам, я в первый раз в жизни влюбилась. Неудачно, а ты даже не посочувствуешь.

В этот раз пауза неприлично затянулась.

– Ты не беременна?

– Расслабься, я ни с кем не спала.

Чувствуя, как слёзы снова застилают глаза, я встала, чтобы уйти, но мама схватила меня за запястье.

– А ну стоять. В чём дело? Моя дочь не фифа какая-нибудь, чтобы реветь из-за мальчиков. Что сделал этот подонок?

Не успела я что-либо ответить, как она стиснула меня в объятиях.

– Бросил? Нашёл другую?

– Он... он мне так нравился, – я задыхалась, сдерживая плач. – А он убил человека.

– Что?!

– Это давно было. Сто лет назад, – еле выкрутилась я. – Видишь, я никогда не плачу из-за ерунды.

Мама усадила меня на место и достала из пакета глазированный сырок.

– На, ешь. А если этот козёл к тебе подойдёт или хоть раз позвонит, я его сама порву.

Ага. Если его не порвала Неферпсут.

От воспоминаний о бойне в подвале меня замутило. Я подлила в чай кипятка и, почти не ощущая вкуса, слопала заботливо подсунутый сырок.

Вроде частично призналась маме, а на душе стало ещё гаже. И снова вся эта крипота перед глазами...

Предательство Оза – это всего лишь частичка пазла. Я, обычная девчонка, побывала в чужой стране, в прошлом, в мужском теле. Столкнулась с чуждым менталитетом. Видела, как живут бедные и богатые. Едва не погибла из-за интриг лорда Истона, смотрела, как гибнут другие. Оставила тех, кого считала друзьями...

Скоро ли я успокоюсь и перестану думать обо всём этом? Вряд ли.

– Ну чё ты так расстраиваешься? – мама потербила мои волосы. – Может, пойдём погуляем, воздухом подышим?

– Не хочется.

– Хочется, просто ты вредничаешь. Давай, встряхнись. Поедим мороженого в кафешке, пару сезонов своих сериалов мне перескажешь и забудешь про всяких козлов. И глаза обязательно покрась так же жутко, как ты обычно делаешь.

Я хмыкнула.

– Чтобы заарканить кого-нибудь?

– Балда. Чтобы слёзы лить больше не думала.

Когда меня в этом останавливал макияж? Да ладно, нечего с мамой цапаться по пустякам.

– Видела рекламу нового фильма с твоим Хиддлстоном, или Паттинсоном, я их путаю. Ещё не ходила? А давай вместе в кино сходим?

– Ну давай.

– О! Лёд тронулся! – После победоносного возгласа мама поставила кружки в мойку и включила воду. – А ты же сегодня с Даней в музей ходила. Интересно хоть было? Древний Египет как-никак... Так, я всё, – она вытерла руки полотенцем. – Ну так что, не впечатлили мумии? Совсем нечего расска... А-а-а!

Я сама еле сдержала крик. Ещё бы, яркую золотую вспышку сложно было не заметить! Она быстро развеялась в воздухе, явив нам молодого человека со связанными за спиной руками.

– Бен! – Я без раздумий кинулась к нему. – Бен, как ты здесь оказался?

Он поднял на меня глаза, но ничего не ответил. Наверное, незнакомого языка испугался.

Я опустилась на колени и принялась возиться с узлом. Как туго! Кожа на пальцах треснет, пока управлюсь.

К маме неожиданно вернулся дар речи:

– Варя, это что? Откуда?

– Мам, ну не стой, дай нож! Потом объясню!

Совместными усилиями мы освободили Бена от верёвки. Взъерошенный, обляпанный чужой кровью, он сидел на полу нашей кухни и, морщась от боли, растирал руки.

Странно видеть у себя дома гостя из прошлого. Но ещё удивительней наблюдать со стороны за тем, кого я раньше видела только в зеркале. Святые печенюшки, я была такой здоровой? Да в нём две меня могло бы поместиться!

– Варя... – неуверенно произнёс он, вглядываясь в моё лицо. Из-за акцента у него вышло нечто, больше похожее на «Вария».

– Да, это я. Не бойся, – я перешла на английский. – Не так себе меня представлял?

– Ты такая... кроха.

Я обняла его, но он отстранился от меня, стоило маме поднять шум.

– Стоп, стоп, стоп! Это что происходит? Это что за попаданец?

– Это Бен. Когда я попала в девятнадцатый век, то очутилась в его теле, и мне пришлось жить с его семьёй, вот мы как бы подружились...

– погоди. Ты была в девятнадцатом веке, в теле мальчика и ничего мне не сказала?!

Зашибись реакция.

– Да ты бы подумала, что я сбрендила.

– То есть тебя никто не бросал?

– Это другая история. Тоже из прошлого, но про другого парня...

И давай говорить по-английски, а то Бен и так напуган.

Бедолага и впрямь стеснялся хоть слово сказать. С пришибленным видом, молча, встал и растерянно переводил взгляд с меня на маму и обратно.

– Ну, давайте я вас познакомлю. Бен, это моя мама.

– Людмила, – важно представилась она и сделала реверанс, придерживая кончиками пальцев воображаемую юбку.

По-моему, этот клоунский жест смутил его, потому что он в нерешительности застыл.

Я поспешила на помощь.

– Она не протянет тебе руку...

– Простите, я, наверное, такой грязный...

– Да не в этом дело, просто у нас так не принято. У нас упрощённый этикет.

Более или менее успокоившись, мы отправили нашего импортного гостя в ванную и заварили чай с мятой. В сложившейся ситуации не обойдёшься чайком из пакетика, да и нервы стоило бы всем привести в порядок.

Мама всё не могла поверить в произошедшее. Путешествия сквозь время, переселение душ... Не многовато ли потрясений за один вечер? Особенно маму поразило то, что её дочка была мужиком – от некоторых вопросов даже мне было неловко.

Наконец мы втроем устроились на кухне. Я всё не могла отвести глаз от Бена, даже чуть было заварку не пролила. Наверное, появившись тут Хиддлстон с Паттинсоном, я бы так же смущалась. Странно, вроде почти родной человек, а всё равно как-то непривычно видеть его у себя дома. В одежде, не соответствующей его эпохе. Ну не могла я раньше представить Бена в джинсах! А ещё он так мило пуговички застегнул на папиной тенниске, как прилежный мальчик. Его и на кухню я затащила только после того, как высушила ему волосы феном – джентльмен всегда джентльмен. А чтобы он наверняка перестал стесняться, я сказала, что мы с мамой по меркам нашего времени одеты весьма целомудренно. Нелишнее уточнение, ведь две миниатюрные женщины вполне способны припугнуть чопорного викторианца футболочками и шортиками.

Как бы мне ни хотелось начать последовательный рассказ о своих приключениях, я всё же уступила Бену. Боюсь представить, что он пережил за дни заточения в собственном теле, когда невозможно никому ничего сказать. В целом его история была понятна и лишена двойного дна. Единственное, что меня реально удивило, – роль Тоби. Если бы Бен не полез в подвал за шкодливым пёсиком, то ни за что бы не наткнулся на древнеегипетский саркофаг и статуэтку кошки, «поприветствовавшей» парня свечением глаз. Лорд Истон застучал

ненужного свидетеля и предложил мирно договориться во время утренней прогулки. Но, как уже известно, Бен поступил неумно, хоть и по-рыцарски, не согласившись молчать о том, что видел.

– А как ты сюда попал? – спросила я, дождавшись подходящего момента.

– Меня отправила сюда египтянка.

– Что за египтянка? – живо откликнулась мама.

Пришлось мне рассказать всё едва ли не с самого начала. Я старалась касаться только важных вещей, вроде знакомства с профессором Пембертоном в Британском музее и последующих трагических событий, но говорила долго, несмотря на то что меня почти не перебивали. Аж самой не верилось, что недавно пережила всё это.

– И всё-таки я рада, что ты здесь, – сказала я Бену. – Я боялась, что тебя тоже... убили.

– Хорошо, что не убили, – согласилась мама, – только что нам теперь делать? Я не банкир, как некоторые, и не смогу содержать кого-то ещё, кроме этого недоразумения.

Она постучала пальцем мне по голове, как будто было сложно угадать, какой иждивенец сидит у неё на шее.

Бен встал из-за стола.

– Приношу свои извинения за причинённые неудобства, мэм. Я покину ваш дом хоть сейчас...

– Тихо, погоди, – я взяла его за руку. – Да, ты благородный и всё такое прочее, но тебе некуда деваться. Ты в будущем, о котором не имеешь понятия, к тому же в чужой стране, язык которой для тебя – набор бессмысленных звуков. Ты пропадёшь без нас.

Вздыхнув, мама подперла рукой щеку.

– Бен, не обижайся. Возможно, я выразилась слишком резко, но лишь потому, что жизнь меня научила заранее просчитывать ходы, а не довольствоваться моментом. Конечно, здорово, что друг моей дочери избежал гибели от когтей монстра, только я совсем не знаю, что делать дальше. Мы с Варей не волшебницы, мы не сможем вернуть тебя домой.

– Мама! Так кошка есть в нашем времени, в ней же должна какая-то магия остаться.

– Варь, решай тогда сама, как поступить. Ты в магии должна лучше меня разбираться. Если считаешь, что от статуэтки из музея будет польза, флаг тебе в руки.

– А что будет, когда он вернётся? – я бросила обеспокоенный взгляд на Бена. – Вдруг Неферпсут хотела от него избавиться? Да я не смогу забросить Бена фиг знает куда и потом опять мучиться от неизвестности.

– Тебя я с ним туда не отпущу. Надеюсь, не надо объяснять, почему я не хочу рисковать тобой?

– Но я же вернусь!

– Почему ты так в этом уверена? Кто тебе может гарантировать то, что ты вернёшься целая и невредимая?

Никто. И я не могу променять маму на парня, с которым недавно познакомилась, пусть и при необычных обстоятельствах. Но и наплевать на него не могу.

Как же непросто принимать решения, когда от тебя зависит судьба того или иного человека. О себе порой не можешь позаботиться, а тут такая ответственность.

Я на цыпочках прокралась в тёмную гостиную. Бен мгновенно приподнялся на диване и повернулся в мою сторону.

– Тоже не спишь? – прошептала я, подходя ближе.

– Варя, ты что-то хотела?

И отвернулся ещё.

Задавив обиду от такого обращения, я попыталась пристроиться рядом и нечаянно села ему на ноги.

– Бенни, ну ты чего? Я тебе не нравлюсь?

– В одежде ты мне больше нравишься.

Какие мы нежные, от маечки с трусиками в обморок падаем.

– К сожалению, тебе придётся смириться с моим внешним видом. У нас на ночь не надевают на себя половину гардероба, как у вас. И если тебе станет легче, я не пытаюсь тебя совратить. Просто хотела поговорить. Пока мама не слышит.

– Да, нам надо поговорить, – согласился он после небольшой паузы.

– Выйдем на балкон? А то мама спит чутко, и с английским у неё, как видишь, всё в порядке. Переводчик всё-таки по образованию.

Бен не возражал. Закрыв за собой балконную дверь, я накинула на Бена стянутое с его дивана одеяло.

– Что ты делаешь?

– Тут прохладно, и вообще, кто-то только что возмущался, что я не одета, а сам на улицу в negligé выходит.

Я прижалась к нему спиной и подтянула к себе края одеяла.

– Варя, ты маленькая дикарка, – мне показалось, что Бен улыбнулся на этих словах.

– Столько дней тело делили, и ничего. Можно разок в одно одеялко завернуться.

Не вырывается, не отталкивает меня. То-то же.

Так хорошо. Так тепло. Как бы растянуть это приятное мгновение? Ведь утром придётся решать проблемы, которые не исчезнут благодаря шпаргалкам и карикатурно честным глазам. Экзамен-то можно в случае чего пересдать...

Вот не собиралась я взрослеть именно так.

– Бен, – я нехотя нарушила наше молчание, – так за что ты просил прощения? Тогда, в подземелье.

– Ты правда не понимаешь? За то, что тебе пришлось испытать из-за меня. Мне стоило прислушаться к голосу разума, а не совести, когда лорд Истон вынуждал меня молчать о его тайне... И я должен тебе кое в чём признаться. Я не мог этого сказать при твоей матушке.

От нехорошего предчувствия я зажмурилась и крепче вцепилась в одеяло.

– Говори. Вряд ли меня теперь легко шокировать.

– Я перенёсся сюда не просто благодаря артефакту. Неферпсут отправила меня к тебе специально.

Блин, и тут подлянка. Когда же можно будет жить спокойно?

– Специально? Зачем она отправила тебя в будущее? К тому же ко мне?

– Она сказала: «Приведи мою жрицу».

– Как-то нелепо звучит. Ты ничего не перепутал? Как у жрицы может быть жрица?

– Я повторил слово в слово.

О, что это? Наконец-то меня обнимают, я это заслужила. Просто бальзам на душу.

– Варя, ей нужна ты, – Бен понизил голос. – Понятия не имею, как русская девушка может быть жрицей древнеегипетского культа, но сомневаться в намерении Неферпсут не приходится. Я должен привести ей именно тебя.

У меня перехватило дыхание. Губы задрожали.

– То есть без меня ты не сможешь вернуться домой?

– Не бойся, я не буду тебя похищать. Я вернусь один, мне бы только до кошки добраться.

Я вывернулась из объятий Бена и взглянула в его лицо.

– Ты что, дурак? Она же тебя убьёт!

Он придержал сползшее с плеч одеяло.

– Я буду последним подлецом, если заберу тебя у матери и подвергну опасности. Ты должна остаться здесь.

– Ах так, тогда кошку не получишь!

– Варя, это не игра. Мало ли что ей от тебя нужно.

– Это нечестно. Я не хочу, чтобы ты пострадал из-за меня.

Он накинул на меня одеяло и так прижал к себе, что я не могла сопротивляться.

– Джентльмен обязан защищать леди, а не наоборот.

– Ты не джентльмен, ты псих.

Я уже была готова в очередной раз распустить нюни, как Бен неприятно вздрогнул.

– Что это?

Проследив за его взглядом, я не удержалась от смешка.

– Тебя напугал красный огонёк в небе? Да это самолёт. Они всегда так светятся, когда пролетают ночью над городом.

Велев себе, как одна дама из классики, подумать о проблемах завтра, я переключила внимание Бена на рассказ об этих и других чудо-машинах.

Глава 17. Трое в подводной лодке

«А в доме-то что творится! Не поверишь, матушка, срам грешный! Ты не думай, я не жалею. Меня хозяин за задницу не щипает и в койку не зовёт, и на том спасибо. Вот тебе, дорогая моя, подробности...»

Отрывок из письма горничной своей матери

– Ну, Бенни, мне тоже страшно. Я тоже в первый раз это делаю.

В конце концов, поддавшись на уговоры, Бен наклонился ко мне и поцеловал в губы. Я его схватила, чтобы не думал убежать, и, закрыв глаза, попыталась выплеснуть на него накопившуюся за восемнадцать лет страсть. И, кажется, у меня неплохо получалось. Чего не скажешь о Бене.

Ну не держись за меня, как тонущий за соломинку, гладь меня, ласкай... Блин.

Мы отстранились друг от друга с обоюдным облегчением.

– Спасибо, ты испортил мой первый поцелуй, – я не скрывала разочарования.

– Ты... мне... в рот...

– Конечно, это же французский поцелуй. Не знаю, как у вас, а у нас все так целуются. Даже школьники.

Бен сел на мой диван рядом с игрушечной собачкой. Бедняжка, такой несчастный, как будто попал в гнездо разврата.

– Ладно, проехали, – я милостиво закрыла неприятную для него тему и, положив собачку на колени, тоже села. – Ну, что? Ты теперь умеешь говорить по-русски?

– Наверное, нет, – живо ответил парень по-английски.

Нет так нет.

Испытание моих магических сил не принесло ничего, кроме стыда и огорчения. Либо я не обладаю способностью учить языки, как Неферпсут, либо во мне вообще нет ничего особенного. И всё равно же

обидно. Я еле-еле уговорила Бена поставить эксперимент, а тут такой облом.

– Варя, я отправлюсь назад один. Неважно, есть у тебя силы или нет.

– Ага, а Неферпсут тебе голову откусит или снова за мной отправит. Нет уж, я с тобой.

Я подбежала к шкафу и открыла его нараспашку. Самой первой мыслью было прикрыть собой наклеенный на внутренней стороне дверцы постер к фильму «Сумерки», но я плюнула на это.

– Вы же с матушкой договорились, что в музей пойдём, когда она вернётся с работы, – посчитал своим долгом напомнить Бен.

Да, договорились. Просто я побоялась признаться маме в воровстве.

– Сейчас переоденусь, а там посмотрим.

Бен не смог сдержать эмоций, стоило мне показать ему вредный артефакт.

– Варя! Откуда это здесь?

– Оттуда. Из музея.

Мы ещё немного поцапались, и в итоге он опять мне уступил. К слову, с ещё меньшим желанием, чем когда я заставила его поцеловаться.

Хорошо, что я не успела кинуть вещи Бена в стиральную машинку, он ведь вознамерился отдать одолженные шмотки. Доводы, что папа несколько лет живёт с новой семьёй в Колорадо и что ему уже всё безнадежно мало, на гостя из прошлого не действовали. Что ж, как хочет. Пусть ходит в несвежей одежде с пятнами крови. Что касается меня, я не стала выпендриваться и надела приталенную клетчатую рубашку и джинсы с дыркой над левым коленом. Естественно, вариант с «традиционной» женской одеждой я не рассматривала. Платьев у меня всего два: одно с выпускного, а другое в стиле готик-лолита, в котором я посетила пару вечеринок. Нечего париться из-за ерунды, передо мной же не стоит задача снискать благосклонность местного населения. Практично я подошла и к обуви, выбрав кеды. А что, в них бегать удобно... Надеюсь, удирать на своих двоих ни от кого не придётся, но перестраховаться не помешает.

– Женщины больше не носят юбки? – не удержался от комментария Бен.

– Носят, но я не хочу, чтобы у меня что-то задралось в самый неподходящий момент. И да, я в курсе, что на штанах дырка. Так модно.

Мы подошли к рабочему столу, с высоты которого на нас высокомерно взирала каменная кошка. Реально, на фоне монитора от моего компьютера эта дрянь выглядела натуральным издевательством.

А правильно ли я делаю? В смысле, разве можно отправиться в прошлое, несмотря на запрет мамы? Нельзя, но и бросить Бена разгребать всё одному тоже нельзя. Надо разобраться во всём сейчас, иначе я буду не только страдать из-за угрызений совести, но и бояться, что рано или поздно сумасшедшая жрица доберётся до меня.

Надо было оставить хотя бы записку. Я схватила из органайзера ручку, потянулась за блокнотом... и положила ручку обратно. Как самурай, в последний момент испугавшийся пронзить себе живот мечом.

Пусть будет так.

Понимая, что никуда не денусь с подводной лодки, взяла Бена за руку.

– Варя...

– Боишься, что снова слипнемся?

– Просто хочу, чтобы ты осталась.

У кошки было на это своё мнение. Её глаза начали светиться, с каждой секундой всё ярче. Чувствуя, что теряю связь с реальностью, я схватила статуэтку и прижала к груди.

И пусть только попробует навсегда оставить меня в прошлом.

Вычурные тёмные обои с геральдическими лилиями негласно возвестили о том, что перенос всё же произошёл. У меня дома стены совсем другие. И синяя ваза с настоящими лилиями точно не наша, хотя маме она бы понравилась. А вот чёрная статуэтка возле вазы в представлении не нуждалась.

Я кинула взгляд на свою ношу, потом на Бена. Вместе, как хорошо, что вместе!

– Подойди ко мне, девушка.

С сожалением выпустив руку Бена, я обернулась и увидела Неферпсут. Египетская принцесса без стеснения лежала на диване, одетая лишь в лёгкий халатик. Дополняя образ, её чёрная коса

небрежно свешивались через плечо. Делила с Неферпсут лежанку серая британская кошка, которая невозмутимо вылизывала двух котят.

– Подойди, не бойся, – мягко улыбнулась принцесса. – Понимаю, тебе трудно пришлось в теле мужчины, но поверь, это лучше, чем, как я, провести столетия в гробу. Теперь же у меня больше сил. Я рада, что ты наконец предстала передо мной в истинном обличье.

Ну хоть по-английски говорит, мне только не хватало для полного счастья экспериментировать с ориентацией.

Несмотря на дважды произнесённое «подойди», я не приблизилась ни на шаг.

– Почему ты хотела встретиться со мной?

– Потому что ты моя жрица.

Осторожно, чтобы не потревожить кошку с котятами, она встала с дивана и, подойдя ко мне, опустила руки мне на плечи. Я их не сбросила лишь потому, что помнила, как страшна жрица Бастет в гневе.

– Я обещал её матери, что с ней ничего плохого не случится, – сказал Бен резко и продолжил не менее грубо: – Я не дам её в обиду.

Улыбка сползла с лица Неферпсут.

– Я дарю тебе жизнь за то, что выполнил мой приказ. Цени великодушие царевны и жрицы, иначе отправишься в Царство мёртвых.

От страха я прижала к себе статуэтку обеими руками.

– Ты говоришь, что я жрица. Как такое может быть, я же никому не поклоняюсь?

– Будешь поклоняться мне. – Она стала гладить меня, как тогда на спиритическом сеансе. – Сбылось древнее пророчество. Старые боги забыты, они мертвы, и их мощь может возродиться только через таких, как мы с тобой. Отныне я владею силой Бастет.

Я попятилась в надежде избавиться от назойливой ласки.

– Ты владеешь, никто не спорит, поздравляю. Но я тут при чём? Я обычная студентка из страны, о которой ты вряд ли слышала. Я не хожу в храмы и не владею магией. Откуда такой интерес к моей скромной персоне?

Она подвела меня к дивану и усадила рядом. Кошка, оторвавшись от возни с котятами, повертела круглой головой. Я не удержалась и почесала её за ухом.

– Ты помогла мне вернуться из Царства мёртвых. – Неферпсут откинулась на подушках. – Если бы не твоё присутствие на ритуале, я бы по-прежнему была жалкой мумией.

– Но статуэтка же...

– Она такой же проводник магии, как и ты.

Проводник магии? Круто, чё. Всю жизнь мечтала стать кем-то вроде блютуза. И я, выходит, в дуэте со статуэткой из музея воскресила мумию? Офигеть, а лорд Истон, организовавший мероприятие, вместо благодарностей получил смертельный удар когтистой лапой. Сразу видно, у нашей королевской особы нестандартное представление о справедливости.

– Мы восстановим былое могущество Бастет. Постепенно мы найдём ещё девушек с твоим даром, и тебе предстоит стать верховной жрицей, – скромно поделилась планами на будущее Неферпсут.

– Э, я как бы не готова к такому предложению. – Я начала наглаживать серую кошку, лишь бы сохранить спокойствие. – Видишь ли, мне надо окончить универ. Родители говорят, что без высшего образования сейчас никуда. А потом пойду работать по специальности, менеджером, наверное...

– Я предлагаю тебе силу. Власть. Вечную молодость и красоту, – она повысила голос, но не настолько, чтобы перепугать мурчащую живность. – При условии, что ты будешь верно служить мне. Тебе не придётся работать, как простолюдинке или рабыне. Твоя жизнь будет полна удовольствий.

Тут бы воскликнуть, как старая дева: «Я согласна!» – да меня не так воспитывали.

В поисках поддержки я повернулась к Бену. В его взгляде было столько напряжения, словно от моего ответа зависела и его судьба.

Переживать за почти незнакомого человека, который занимал твоё тело... И такое может быть?

– Сейчас ты колеблешься, но потом привыкнешь к чудесам и роскоши, достойной верховной жрицы богини, – продолжила Неферпсут. – Тебя будут почитать. – Она коснулась моей ноги в том месте, где была широкая дыра на джинсах. – У тебя будут лучшие наряды. Поверь, тебе не захочется возвращаться к прежней жизни.

Кто-то вошёл без стука.

От увиденного я чуть не выронила статуэтку. У двери стоял Оз!

Живой, вроде не раненый. Правда, угрюмый немного, но это мелочи... Стоп, я ведь уже решила для себя, что образ моего доброго и няшного Оза был фальшивкой. Фиг с ним, пусть теперь кто-нибудь другой его обожает.

– Ты долго, – укорила его Неферпсут.

– Я был в саду, а оттуда далеко...

Внезапно он схватился одной рукой за горло, а другой за дверную ручку. Из его горла вырывались хрипы.

– Оз! – Как бы я ни злилась, я не могла смотреть на то, как он мучительно корчится. – Прекрати! Он же задохнётся!

– Раб не должен оправдываться, – заявила жрица.

Вот высокомерная вредина. А ведь, не учитывая время пребывания в Царстве мёртвых, она моя ровесница. Соплячка.

– Проводи мою жрицу в её покои и не беспокой меня, пока я тебя не позову, – приказала она приходящему в себя после пытки Озу. – А от него избавься, он больше не нужен.

– Я не брошу Варю, – возмутился Бен.

– Каким образом от него избавиться? – мрачно уточнил Оз.

Недвусмысленно это так прозвучало из уст того, кто уже убивал.

– Да вы офигели?! – я подскочила к Бену. – Не трогайте его! Он мой друг, я люблю его!

Хоть вдвоём меня душиите, я не дам Бена в обиду!

Неферпсут взяла на руки пищащего котёнка, второго подгробла к себе мамаша.

– Пусть останется с ней, – сказала она, поглаживая малыша. – У моей жрицы тоже должны быть рабы.

Бен умолял меня вернуться домой и выкинуть подальше злополучную статуэтку, но я стояла на своём. Уйти и спрятаться – это по-скотски. В жестокости Неферпсут сомневаться не приходилось, так что оставить его я не могла ни под каким предлогом.

– Кретин. Идешь на поводу у взбалмошной девчонки, – озлобленно сказал Оз, косясь на Бена.

– Ну конечно. Сам бы давно удрал, выпали такая возможность, – съязвила я.

Оз как мог оттянул тугой воротничок. На его шее виднелся чёрный орнамент, напоминающий те, которые я видела на

древнеегипетских артефактах в музеях. Мама дорогая, ошейник!

– Когда на тебе появится такая же штука, ты по-другому заговоришь, – игнорируя меня, он по-прежнему обращался к Бену.

Нашёл чем пугать того, чьим телом, как своим, пользовалась та самая «взбалмошная девчонка».

– Ты получил то, что заслужил, и я не отступлюсь от своего мнения. Варя здесь не место.

– Да кто она такая, чтобы ради неё рисковать?

– Она леди с чистым сердцем.

Оз бегло оглядел меня с головы до ног и усмехнулся.

– Как можно называть это существо леди?

Не успела я огрызнуться, как меня опередил Бен:

– Немедленно закрой свой рот.

– Что? Неприятно слышать мои слова? – глумливо ухмылялся Оз.

– Да нет. Просто твой язык невыносимо смердит.

Желая предотвратить намечающуюся потасовку, я встала между ними и в следующий же миг получила толчок в плечо от Оза. От сильного удара я со своими сорока килограммами отлетела в сторону и упала на пол, выронив из рук каменную кошку. Хреновый из меня миротворец.

Даже догадываться не пришлось, кто кинется мне на помощь.

– Варя, ты цела?

Я старалась не морщиться от боли, когда Бен взял меня за руку.

– Ерунда. Главное, кошка не разбилась.

Он осторожно подобрал артефакт и метнул осуждающий взгляд в Оза, но ничего не сказал. Тот с деланным равнодушием смотрел на нас сверху вниз.

– Пройдёте сразу в свои покои, мисс, или выпьем по примирительной чашечке чая?

Никто тебя за язык не тянул, подлиза.

– Я буду кофе, – надменным тоном ответила я, – и от сладкого не откажусь.

Почти не обмениваясь любезностями, мы втроём устроились в маленькой уютной гостиной. Две вышколенные горничные принесли чай, кофе и кексы с пирожными. Несмотря на красивую сервировку и аппетитный вид, я не торопилась, как говорит миссис Хант, отдать должное лакомствам. Обстановка оставалась напряжённой и, что

самое досадное, Оз не сводил с меня глаз. Поди пойми, о чём он думает. Наверное, у него мозг разрывается от того, что мы с Беном теперь отдельные личности.

Призвав на помощь наглость, я взяла маленькую чашку с кофе со сливками. Только хотела пригубить, как моё внимание привлекла рыжая усатая морда, выглянувшая из-под кресла Оза. Я отложила кофе и, подозвав кошатину на «кис-кис», посадила пушистика себе на колени.

– Эти твари теперь повсюду, – проворчал Оз.

– На себя посмотри. Убийца и обманщик, – безжалостно припечатала я.

Пытаясь сладить с вертлявым животным, я налила в своё блюдце сливок из миниатюрного кувшинчика. Кот со смачным чавканьем накинулся на угощение.

– Девочка, не забывай, что ты сейчас у меня в гостях, а не наоборот, – нахмурился Оз.

– Ах, простите, сэра. Я думала, вы всего лишь раб хозяйки.

– Поскольку нас объединяет общая проблема, не вижу повода и дальше продолжать вражду, – вмешался Бен. – Нам надо вместе решить, что делать дальше, иначе вы так и будете терпеть гнёт Неферпсут.

На лице Оза не отразилось ничего, кроме приличного скепсиса.

– Будь это так просто, я бы не превратил свой дом в зверинец.

– Но ты же что-то должен знать. Вряд ли бы ты принял участие в ритуале воскрешения, если бы считал всё это игрой, – настаивал Бен.

Кривя губы в усмешке, Оз взял кекс и, как привередливый ребёнок, принялся выковыривать изюм.

– Больше всех из нас знал Пембертон. Увы, его пугала мысль о том, что сказки о царевне-колдунье могут оказаться былью. Он всячески пытался нам помешать.

– И правильно делал, – процедила я сквозь зубы.

Сколько можно ухмыляться, ухмылялка не сломается?!

– М-да, – неопределённо изрёк Оз, поглядывая на вылизывающего блюдце кота. – На моей памяти ещё циничнее себя повёл с «Роял Далтоном» Эндрю, когда пьяный подкидывал тарелки и палил по ним из револьвера. Ладно бы подстреливал, так нет же, на пол, скотина, ронял...

Какая прелесть. Ни Пембертона, ни Эндрю уже нет на этом свете, причём с не малой долей участия Оза, а он вспоминает о битой посуде. Хорошо же он прятал от меня свою подлую натуру.

Бена, как и меня, не волновал сервиз, и он повернул разговор в нужное русло.

– Зачем ты убил профессора? Неужели он был настолько опасен для вашего сборища?

Наковыряв горстку, Оз отправил одну изюмину себе в рот.

– Конечно. Он угрожал донести на нас в полицию. А кража из Британского музея – это почти то же самое, что умыкнуть у королевы панталоны – крайне дерзко и пахнет виселицей.

– Зато убийство, по-твоему, ничего не стоит, – не стерпел Бен. – Не боишься, что тебя настигнет возмездие?

Я ответила за Оза:

– Между прочим, у него действительно не должно быть повода для беспокойства. В двадцать первом веке его преступление так и не раскрыли. Я узнавала.

Убийца, по-моему, искренне повеселел.

– В двадцать первом веке? Я польщён. – Как бы в награду себе любимому он положил в рот остальные изюмины.

Потянулся за следующим кексом. Накрошил же, свинтус.

– Хотя чего можно ожидать от общества, в котором женщины надели штаны и возомнили себя равными мужчинам, – неожиданно добавил он, как ни в чём не бывало терзая кекс.

Чесслово, если бы не разлётшийся у меня на коленях кот, я бы вскочила и от души бы настучала Озу по чайнику. Не по заварочному.

Есть люди, которых ненавидишь с удовольствием. Злорадствуешь, наслаждаешься неудачами врага и желаешь ему облажаться снова. А с Озом так не получалось. Я не простила его за то, что он сделал со мной, его мотивы и поступки внушали мне отвращение, даже крошки на его пальцах раздражали, но мне было тяжело ненавидеть его. Хотелось, правда, разок-другой его стукнуть за всё хорошее, но не более. Я успела влюбиться в Оза до того, как увидела его истинное лицо. Страшно обидно хоронить в душе тот милый образ, который не давал мне унывать в чужом мире. Почти то же самое было с Женей: на смену другу пришёл злобный гоблин. И даже гоблина потом потерять было больно.

А смотреть на него всё-таки противно. Будто в его теле поселилась чья-то мерзкая душа. Даже обмануть себя не могу, идеального парня я сама тогда придумала.

Глотну-ка я кофе, вдруг полегчает.

– То есть, вызывая умершую колдунью, никто из вас не знал, как отменить призыв, – резюмировал Бен.

Оз покачал головой.

– Лорд Истон не думал, что дойдет до такого. Он верил, что воскресшая Неферпсут будет ему бесконечно благодарна и даст утраченные знания... Чёрт побери, лучше бы они действительно были навсегда утрачены!

С явным сожалением бросив своё занятие, он оттянул воротничок и совсем не по-джентльменски поскрёб шею. Древнеегипетский орнамент на его коже размеренно переливался то медным, то золотым цветом.

Вроде не задыхается, не плюётся пеной... Всё в порядке?

– Пойдёшь со мной. Она ждёт, – сказал он, когда узор почернел.

– Это ещё зачем? – опередил меня Бен.

Оз встал и потянулся за салфеткой.

– Она одержима идеей проводить ритуалы, которые приумножат её силу. Для этого ей нужна жрица.

Нет уж. Я лучше буду жрицей от слова «жрать». Фиг ей, а не сила.

– Пусть не рассчитывает на меня. – Я убрала с колен урчащего кота. – Не буду я принимать участия в её дурацких ритуалах. Мало ли что она заставит меня делать. Кровь там пить или заниматься сексом с кем-нибудь.

– Насчёт крови не уверен, а ритуальных совокуплений у египтян, в отличие от греков и римлян, не было, – успокоил меня Оз. – Идём, будет хуже, если её проигнорировать.

Бен, конечно, не хотел меня пускать, но я не могла забиться куда-нибудь в угол и пережидать опасность. Если встретиться с опасностью лицом к лицу, можно как следует разглядеть её и вычислить слабые стороны. Ну, или можно поговорить как девочка с девочкой.

Неферпсут ждала меня в той же комнате с орнаментом из лилий на стенах. Только в этот раз посередине стояла ванна на львиных лапах, наполненная немного больше, чем наполовину, белой

жидкостью. Чуть поодаль, сложив руки на передниках, стояли две молоденькие горничные. Кажется, они нам накрывали стол в гостиной.

Две служанки, что-то тут не так. Хотя бы не человеческое жертвоприношение!

Я бросила взгляд на закрытую дверь, за которой остались Бен и Оз. Стрёмно без поддержки, но надо держаться. Да и вдруг в их отсутствие Неферпсут будет более откровенна.

Мне велели раздеться. Мягко, словно это был не приказ, а дружеская просьба, однако со мной многие согласятся, что просьба более чем фамильярная. Моё сопротивление было встречено почти ласковой угрозой навредить Бену. Пришлось подчиниться, сцепив зубы. Рассчитывала остаться хотя бы в нижнем белье, но Неферпсут была в этом вопросе слишком сурова. Даже, как она выразилась, «браслет», то есть часы, заставила снять.

Блин, я не ханжа, только это всё чересчур! Раздеваться догола фактически перед тремя незнакомыми людьми... За кого вы меня принимаете?!

Горничная, складывавшая мою одежду, с трудом сдерживала изумление, да и её товарка поглядывала с любопытством в глаза.

– Да, девочки. Одеваться можно и так, – с легкомысленной улыбкой я скрестила руки и заодно в кои-то веки порадовалась, что грудь у меня маленькая.

– В этом времени ужасная одежда, – неожиданно поддержала разговор жрица, скидывая с себя халатик. – Громоздкая, тяжёлая, жаркая. А эти корсеты? Я бы велела отцу казнить того, кто придумал это орудие пытки. И мне ещё предлагалось это надеть. Невежи! Моя фигура и так идеальна.

И не поспоришь тут. Я смотрела на неё и не знала, к чему придраться. Ни складочек, ни прыщиков, ни досадных родимых пятен. Красивая грудь, тонкая талия, ну и нижняя часть ничего так.

Ничуть не стесняясь наготы, Неферпсут забралась в ванну.

– Иди сюда, дуручка. Молоко тёплое.

Молоко?! Вот это жесть. Я такое раньше только в мультике про Астерикса и Обеликса видела.

Ни за что бы не пошла на это, если бы не Бен.

Хотя бы не кровь, и то утешение.

Я буквально прикусила себе язык, чтобы не ляпнуть чего-нибудь провоцирующего. Покорно встала на скамеечку перед ванной и окунула ногу в молоко. И правда, тёплое. Даже почти не противно.

– Что это за ритуал? – придушенно спросила я, погрузившись в ванну.

– Нет, это не ритуал. Это всего лишь подготовка.

Надеюсь, его суть не состоит в том, чтобы нас облизывали кошки.

Мысленно вздохнув, я подтянула к себе ноги. Наверное, мы в этой тесной ванне выгядим как две лесбиянки. Как хорошо, что парням не позволили присутствовать, я бы со стыда сгорела.

А египетской царевне такое извращение пришлось по вкусу. Она блаженно жмурилась, откинувшись на стенку ванны.

– Ты слушаешься меня только потому, что боишься, что я причиню вред мужчине, с которым ты делила тело?

– Сама же всё видишь, – процедила я сквозь зубы.

– Если хочешь, можешь сделать его своим рабом. После ритуала я научу тебя, как это делать, – великодушно предложила Неферпсут.

Я поёжилась, представив, как Бен задыхается от светящегося ошейника.

– Нет!

– Не отказывайся, иметь послушного раба очень удобно. Освальд пока не особо учтивый, но скоро я его перевоспитаю. Зато как любовник он меня более чем устраивает. Такой горячий...

Неферпсут игриво зарычала и разразилась довольным смехом. Я краем глаза заметила, как переглянулись красные от смущения горничные.

– Можешь это проверить, я разрешаю.

От её щедрости хотелось залезть в нормальную ванну и вымыться. Мало того что заставила голой купаться в молоке, так ещё секс с Озом предложила. Нужен он мне после неё и проституток! Фе-е-е...

– Я на него больше не претендую, – я потёрла покрытое мурашками плечо.

Многозначительно хмыкнув, Неферпсут окунула в молоко губку и, убрав мою руку, стала растирать мне плечи и ключицы.

– Окунись глубже, а то замёрзнешь. Привыкай, девушки должны уметь ухаживать за собой.

Меньше всего я собиралась привыкать к этому. Мама точно не одобрит неэкономный расход продуктов.

– Ты что-то чувствуешь к тому мужчине? – негромко спросила Неферпсут.

– Бен хороший, и я не буду делать его своим рабом.

– Если женщина себя уважает, любой мужчина – её раб, неважно, носит он ошейник или нет. Совсем скоро ты станешь моей верховной жрицей, поэтому ты должна пересмотреть многие свои взгляды. Забудь о рваной одежде и гнёте мужчин, которые и мизинца твоего не стоят. Ты смелая, сильная, иначе в тебе бы не было дара.

– Скажи, почему я оказалась в теле Бена? Почему просто не перенеслась из своего времени сюда?

Неферпсут той же губкой с явным наслаждением потёрла себе шею. Была бы кошкой, точно бы замурчала от удовольствия.

– У проводника было мало энергии, поэтому сюда смогла переместиться только твоя Ба.

У меня мозг чуть сальто в черепной коробке не сделал, запнувшись об это «Ба». Вроде в какой-то из Данькиных книжек было написано, что это что-то вроде души человека, но не уверена на сто процентов.

По крайней мере, история постепенно проясняется. Было мало энергии – переместилась только часть меня, стало больше – я вся целиком. По-моему, логично.

– Тогда зачем тебе ещё сила? Ты уже сейчас могущественнее всех, кого я знаю, – обнаглев, спросила я.

Она ответила немного неожиданным вопросом:

– Тебе нравится эта эпоха?

Я замялась.

– Ну, тут интересно. Не очень комфортно, правда, но познавательно.

– А мне здесь не нравится, – прямо заявила Неферпсут. – Холодно. Небо серое. Я уже говорила об одежде? Я здесь надолго не задержусь.

Фу-у-ух.

– Я вернусь на родину. В тот самый день.

Глава 18. Сердцу не прикажешь

«Варварка».

Заголовок к черновику

Скажу честно: я расслабилась. Нет, вовсе не от ванны с тёплым молоком, в которой я отмокала, как мюсли. Просто идея отправить нахальную жрицу восвояси показалась мне наилучшим выходом из положения. Отстанет от нас, от всех, и мы про неё забудем. По крайней мере, постараемся.

После купания мои страдания перешли на новый уровень. Обмывшись смоченной в воде губкой и вытеревшись полотенцем, я начала одеваться, но Неферпсут пресекла попытку облачиться в рубашку и джинсы. Нижнее бельё и наручные часы я кое-как отвоевала, а с белым платьем, сшитым, должно быть, на маскарад, и неудобными сандалиями пришлось смириться. Неферпсут собственноручно повязала мне ярко-жёлтый пояс и отвела меня в смежную комнату, оказавшуюся богато убранной будуаром. Уже знакомая кошка с котятками лежала на кровати и ещё парочка её сородичей сидела на окне. Один кошак смотрел на улицу, а другой из всех сил тянул морду к разросшемуся в напольном горшке цветку. Жрица указала на хвостатого любителя растений и велела мне его занять. Уж что-что, а с котиком поиграть я смогу. К тому же он не вырывается, не царапается и смешно обнюхивает меня.

Однако меня больше волновали не кошки.

Я с любопытством наблюдала за тем, как Неферпсут долго расчёсывалась, сидя на пуфике перед зеркалом, и потом ещё дольше красилась. Стоит признать: несмотря на то что ей не угодила эпоха, в косметике девятнадцатого века она разбиралась так, словно в её время эти коробочки и баночки продавались на каждом углу. Во время столь важных занятий она со мной не разговаривала. Только что-то тихонько напевала по-древнеегипетски, временами переходя на невнятное мурлыканье. Когда она закончила, то решила привести в порядок и меня. Я покорно села на кушетку у книжного шкафа, чуть дыша, позволила себя накрасить. Результат, который отразился в зеркале,

меня не ошеломил, на Хеллоуин и Новый год я крашусь ещё ярче, но стрелки всё же впечатлили. Продолжая играть в дочки-матери, Неферпсут надела на меня ожерелье с агатом и пообещала, что у её верховной жрицы всегда будут лучшие украшения.

– Я помогу тебе вернуться, но и мне надо домой, – сказала я, поправляя тяжёлое ожерелье.

– Твой дом там же, где и мой.

– Нет. Пойми же, нас с тобой разделяют тысячелетия, да я просто не смогу адаптироваться! Даже если бы у меня не было ни родных, ни друзей, которых жалко бросить, я бы всё равно не стала жить в Древнем Египте. Я очень привязана к нашим благам цивилизации. Мне здесь не очень комфортно, хотя до моего времени осталось всего лет сто, что уж говорить о мире, где вместо книг нечитабельные папирусы, нет электричества и элементарных средств гигиены! Это всё равно что тебя закинуть в каменный век, когда пещерные люди даже одежду шить не умели и общались жестами, потому что язык пока не придумали.

Впервые Неферпсут посмотрела на меня так недружелюбно.

– Неблагодарная девчонка, – она не кричала, но жутко всё равно стало, – от чести быть верховной жрицей богини не отказываются.

Ха, не отказываются! Да я личность! Я та, что идёт против толпы. Я настолько привыкла думать своей головой, что даже селфи никогда не делала.

– Давай просто уважать мнения друг друга, – ответила я с напускным спокойствием. – Больше тебе угрозы не помогут, так как мне теперь известно, для чего тебе нужно столько силы. Ты попадёшь домой при условии, что я не стану твоей жрицей.

Это была самая тяжёлая пауза в моей жизни. Я всё ожидала, что Неферпсут снова превратится в монстра и накинется на меня, но мне повезло.

– Хорошо. – Она отвернулась, давая понять, что ничего хорошего в сложившейся ситуации не видит. Села на кровать и положила на колени ленивую кошку. – У тебя ещё есть время передумать.

Ох, какое великодушие.

– А как же Оз? – я вдруг вспомнила об этом засранце. – Ты не заберёшь его с собой?

– Оз? – переспросила жрица.

– Освальд.

А у него такое имя противное. Ос-валь-д. Как я могла этого раньше не замечать?

– Как бы мне ни хотелось его забрать, придётся оставить, – кажется, по-настоящему огорчилась Неферпсут. – Там я буду с Себеком, мы любим друг друга.

Прям от сердца отлегло. Говорю же, не могу всей душой возненавидеть Оза, хоть он такая сволочь... А Неферпсут красава: и любовника бросить жалко, и к любимому хочется.

Наверное, я частично лишилась доверия Её Высочества, так как она не стала делиться со мной любовными переживаниями. Без лишних слов она ещё чуть-чуть покрутилась перед зеркалом, надела три кольца с крупными камнями, и после этих завершающих штрихов мы вышли из комнаты.

Видала я мумий, но эти были по-настоящему отвратительны. Разорванные бинты с махровыми концами, сморщенная коричневая кожа. У некоторых отсутствовали руки-ноги, явно оттяпанные не так давно. Мумия с почти разложившимся лицом и жёлтыми зубами, как назло, притягивала взгляд. Другая вызывала ещё больше сострадания – такая маленькая, наверное, ребёнок... Без почтения к усопшим тела древних египтян валялись на паркете, на светлых досках невооружённым глазом можно было заметить сор, который осыпался с мумий. Даже мелкий жучок примерещился.

Особенно жутко было наблюдать это безобразие в викторианской комнате с пианино и сдвинутой у стен шикарной мебелью.

Не считая мумий, мы с Неферпсут были одни. По её приказу я зажгла свечи и смешала в маленьком чане сушёные травы с птичьими перьями. От следующего приказа я чуть было не устроила истерику – мне было велено оторвать от каждой мумии по кусочку и кинуть в тот же чан. Подавив эмоции, я взяла со столика нож и опустилась перед самым симпатичным экземпляром. Я куриную тушку не в состоянии разделать, что уж там говорить о человеческом теле! Интересно, а если брать частички бинтов, это же не глумление над трупами? Моя совесть останется кристально чистой? Нашёптывая на русском слова извинения, я отрезала кусочек затвердевшей ткани и посмотрела на Неферпсут. Та не стала ругаться или давать советы, поэтому я

продолжила в том же духе. Жалко бедолаг, над ними до меня ещё поиздевались. Оставлю им оставшиеся волосы и прочее. К самой страшной мумии, той, что с жутким лицом, я подошла в последнюю очередь и ещё относительно долго выбирала на ней участок, чтобы отрезать немного ткани и при этом меньше смотреть на само тело. Не получилось, всё равно пришлось лицезреть торчащую кость.

Неферпсут приняла у меня ворох разномастных лоскутков и, собственноручно бросив их в чан, подожгла свечой его содержимое. Огонь как бы с неохотой принялся лизать экзотическое «угощение», в воздух поднялся первый робкий дымок.

Надеюсь, от меня больше ничего не потребуется.

Вопреки ожиданиям жрица меня не отпустила. Нараспев что-то говоря по-древнеегипетски, она взяла обеими руками своё колдовское варево и начала обходить лежавших на полу мертвецов.

Вот ты какая, некромантия... Лучше бы мы с котиками играли!

Горьковатый дым из чана стал уверенно расти. Причудливо разветвляясь и извиваясь, он поднимался выше и с неестественной стремительностью охватывал пространство. Не прошло и минуты, как я не выдержала дымовой атаки и подошла к окну. Не задыхаться же из-за прихоти возомнившей себя богиней особы. Отдёрнула штору и, ахнув, отскочила, как газель, заметившая в воде крокодила: по стеклу шла золотистая рябь.

На полу непонятно откуда собирались золотые песчинки. Я старалась не наступать на них, но скоро их стало так много, что не вляпаться было просто невозможно. Тёплые, вроде безобидные, и на том спасибо.

Как я ошибалась!

Неферпсут что-то громко выкрикнула, и песчинки, дружно собравшись в несколько десятков кучек, приняли вид саранчи. В следующее мгновение многочисленные золотые насекомые жадно набросились на мумии. Они их пожирали, честное слово, пожирали!!!

Как кисейная барышня, я опустила на скамеечку перед пианино и закрыла лицо руками. Уши бы ещё прикрыть, невозможно слушать хруст поедаемых тел!

Судя по звукам, наколдованная саранча управилась всего за пару минут. Я посмотрела сквозь щёлочку между пальцами и увидела, что абсолютно спокойная Неферпсут стоит на месте, где раньше лежали

мумии, и подставляет руки нежно обвивающим её тело золотистым потокам. Глаза жрицы засияли словно фары.

Я выполнила свою часть ритуала, я могу уходить?..

Стремительный поток энергии ослепил меня. В ту же секунду меня высоко подбросило в воздух.

Не упала. Кажется. Вообще перестала что-то чувствовать, кроме обжигающей боли.

Услышала свой крик. Он почти сразу оборвался.

Не могла дышать.

Долго. Очень долго.

А я была в сознании. Или просто так думала. Но раз думала, значит, оставалась живой.

Прошла целая вечность, прежде чем я ощутила под собой жёсткую поверхность. Услышала чьи-то шаги, голоса, доносящиеся как сквозь плотный слой ваты. Ни слова не поняла. Даже язык не смогла разобрать.

Прикосновения, переросшие в отцовские объятия.

Меня взял на руки мужчина.

Моя голова склонилась к его плечу.

Бен, это ты? Бен?..

Я слышала музыку.

Пела скрипка. Грустно. Тревожно. Словно жаловалась на жестокую судьбу.

Окончательно проснувшись, я не спешила вылезать из мягкой постели. Просто лежала с закрытыми глазами и слушала игру на таком родном для меня инструменте.

Музыка стихла. К моему огорчению, слишком быстро.

Ну и ладно. Уже надо вставать, нечего валяться.

Приподнявшись, я огляделась. Скорее всего, это была мужская спальня, потому что дамских штучек вроде аксессуаров и корзинок с рукоделием не наблюдалось. К тому же на картине, висящей напротив кровати, было изображено сражение с конями и пушками, что леди явно не по вкусу.

Снова заиграла музыка. Другая мелодия, ещё более жалостливая. Я скинула тёплое одеяло и, с удовлетворением отметив, что с меня не сняли платье, ступила на ковёр. Сандалии стояли рядом, но я прошла

мимо. Уж лучше ходить босиком, чем грохнуться в обуви, которая велика на пару размеров.

Я встала в проёме между спальней и смежной комнатой и замерла на месте.

Таинственным скрипачом оказался не кто иной, как Оз. Заметив моё приближение, он воспроизвёл ещё несколько нот и отложил скрипку.

Блин, ну как так можно! Стоило найти утешение в музыке, а тут такая засада!

– Что ты играл? – задала я первый пришедший в голову приличный вопрос. – Я не узнаю произведение.

Оз положил инструмент на софу и пошёл мне навстречу.

– Не узнаёшь? – произнёс он, понизив голос. – Наверное, это потому, что я раньше при тебе не играл. Вообще, редко кто слышит мою музыку.

Сам пишет музыку... если не врёт, конечно. За это можно было бы многое простить, но его вина слишком тяжела.

– Не люблю грустные вещи, – резко сказала я, лишь бы покончить с его самолюбованием.

– Я тоже. Но что делать, если душу гложет тоска?

Он схватил меня за плечи и наклонился так, что наши лбы соприкоснулись.

– Ты меня вдохновляешь на нечто большее, чем унылое нытьё. Я хочу положить твою страстную натуру на ноты...

В его дыхании безошибочно угадывался горький запах лауданума.

– Оз! – протестующе воскликнула я, и в следующий момент он прижал меня спиной к стене. – О...

Его губы накрыли мои, задушив крик. Сильные пальцы до боли сжали мои запястья.

Нет, нет! Я откушу ему язык, если... Что такое, он больше не пытается меня поцеловать? Ага, он просто сменил тактику! С губ перешёл на шею... О-о-ох... Наверное, это моя эрогенная зона, аж ноги подкашиваются... Как приятно... Как стыдно и страшно!

Я тихонько стонала, пытаюсь произнести хоть одно внятное слово.

– Отпусти... пожалуйста...

Да что ж я растаяла, никакого «пожалуйста» этот подлец не заслуживает! Его убить надо за то, что он собирается со мной

сделать!!!

Настойчивые ласки неожиданно прекратились.

– Испугалась? – неожиданно человечным тоном спросил Оз, взглянув мне в глаза.

– Ну и шутки у тебя.

– Никаких шуток. Я думал, тебе понравится.

– Я не мазохистка, чтобы пищать от восторга, когда насилуют.

– Прости, маленькая моя.

Э? Это что ещё за приступ любви ко мне? Ещё недавно говорил, что я не леди, а теперь готов расцеловать от макушки до пяток. Похоже, опиумная настойка неплохо так приукрасила меня в его воображении.

– Оз, ты не в себе.

– Почему же?

– Почему? Ты же меня ненавидишь. Ты только что оскорблял меня и потом пытался задобрить пирожными. А сейчас что творишь? Да ты подлизываешься, причём неумело! Знать бы зачем.

Оз положил руку мне на талию, но я вывернулась и, как обиженная кошка, забила в угол софы, поджав ноги. Аж потряхивало после его «ухаживаний». Пусть только попробует подойти, я его скрипкой шандарахну. Хотя жалко, инструмент, видно, дорогой.

– Варя, мне ничего от тебя не нужно.

О, меня уже по имени называют. Точно чего-то добивается.

– Кончай свои игры. Мне незачем за тебя заступаться. Когда Неферпсут накопит достаточно магической энергии, то отправится в Древний Египет к своему молодому человеку, а тебя оставит в покое. Рано или поздно Добби получит свободу.

Парень запустил пальцы под воротничок, как бы проверяя наличие ошейника. Бесплезное занятие, его всё равно невозможно нащупать.

И как ты теперь будешь выкручиваться, страдалец?

Делая вид, что потеряла к нему всякий интерес, я отвернулась и зацепилась взглядом за пузырьки, в хаотичном порядке расставленные на кофейном столике. Ярлыки говорили сами за себя: «Laudanum», «Heroine», «Morfia». Ярким пятном сего натюрморта был жуткий стеклянный шприц.

Блин, вот-вот ведь в себя приходит начала.

– Та-а-ак, – чувствуя, что закипаю, я сжала кулаки. – Иди сюда.

Медленно, но всё же Оз подошёл ко мне.

– На колени.

Хм, а иметь раба как минимум прикольно. Правда, жутковато смотреть в потухшие глаза того, кого когда-то считала чуть ли не женихом.

Без предупреждения я взяла его лицо в ладони. Как же ему повезло, что ногти у меня короткие, а то бы вцепилась мёртвой хваткой.

– Идиот! Ты понимаешь, что с собой делаешь? Зачем ты принимаешь наркотики?!

– Это лекарства. Даже детям прописывают. – Оз попытался отвернуться, но я не дала.

– В таких количествах это яд. Послушай меня, я знаю, что говорю. В моём времени врачи умеют правильно использовать эти средства в лечении, а в вашем пичкают всех подряд без разбора. Да ты сейчас на коленях не потому что подлизываешься, а потому что у тебя воля подавлена. В том числе из-за этой дряни.

Оз осторожно взял меня за запястья. Не убрал руки, несмотря на то что я его отпустила.

– Допустим, – нехотя признал он, – но тогда как прикажешь мне успокоить нервы?

– Как угодно, только не так. Ты же потом с них не слезешь! Будешь зависим от них, потеряешь контроль над собой.

– Я знаю меру.

– Ничего ты не знаешь! – я уже перешла на крик. – Мой друг, который тоже «знал меру» и отмахивался от моих нравоучений, покончил жизнь самоубийством! Доуспокаивался!

Хватит. Надо самой успокоиться, а то опять вижу, как Женькина кровь течёт по асфальту...

Жаль, рядом нет Бена. Или хотя бы кота. Мне просто необходимы объятия.

Не говоря ни слова, Оз отошёл и открыл окно. От захлестнувшего опасения я подскочила на месте.

– Ты что!

К счастью, я неправильно расценила ситуацию. Вместо того чтобы, последовав дурному примеру, сигануть вниз, парень собрал

пузырьки с «лекарствами» и вышвырнул их в окно.

– Так лучше? – он сел рядом и приобнял меня.

Ну это как посмотреть.

Я съёжилась и не стала его отталкивать.

– Зачем ты всё это делаешь? Почему стараешься мне угодить?

– Разве это не очевидно?

– Странный у тебя флирт. Сначала даже за девушку не считаешь, а потом лезешь с поцелуями.

Оз коротко рассмеялся, напоминая себя прежнего.

– Правильно. Девушка в штанах – это кто угодно, только не девушка. А если я был излишне груб, то у меня есть оправдание, – он наклонился, обдав моё ухо горячим дыханием. – Нервы.

Подумать только, раньше я бы всё отдала за его внимание, а теперь едва терплю его. И то из жалости.

– Я, конечно, добрая, но не настолько, чтобы стать тебе другом. Признайся же, что использовал меня.

– Было дело, – согласился он. – Более того, это я уговорил лорда Истона, чтобы он позволил тебе присутствовать во время ритуала. Со всей этой чертовщиной я предполагал, что ты и есть Неферпсут.

Должно быть, он собирался продолжить тему, но я его перебила:

– Кстати! Вот сейчас-то что происходило? Я думала, что не выживу после ваших ритуалов. Думала, меня разорвёт на куски!

Эй-эй, я это сказала не для того, чтобы меня гладили!

– Не волнуйся, Варя. Неферпсут таким образом делилась с тобой силой. Ей же и дальше будет нужна жрица.

– Отлично. Только пусть больше ничем со мной не делится, – пробурчала я и вытянула перед собой руки. – А что за сила? Я теперь буду заклинать кошек, превращаться в оборотня и сжигать взглядом мумий?

– Может быть.

– Нет, ну ты точно идиот. Знал, что я могу тебя испепелить, и при этом пытался меня изнасиловать.

– Не изнасиловать, а доставить обоюдное удовольствие.

– Я леди строгих правил. До свадьбы ни-ни.

Вообще-то я не думала об этом так категорично, просто надо было дать нахалу понять, что со мной ему ничего не светит.

Оз недоверчиво усмехнулся, а всё же лапата меня прекратил.

– Лучше мумий сжигай. Я, так и быть, куплю новых.

Что, я не ослышалась?

– Что значит «куплю»? Придёшь в магазин и скажешь: «Пожалуйста, взвесьте мне столько-то фунтов»?

– Не совсем так, но в целом верно. Это гораздо проще, чем музеи обворовывать. А что ты удивляешься? Купить мумию несложно. Модная экзотика, к тому же, говорят, в камине горит не хуже кокса.

Видя, что столь щедрый подарок не вызвал одобрительной реакции, он предложил сыграть для меня на скрипке. Хм, а предложение было весьма заманчивым. Я была бы рада просто лежать, ничего не делать и слушать музыку, только на душе было неспокойно.

Мне надо было найти Бена и убедиться, что у него всё в порядке.

Не ожидала от обычно сдержанного Бена такого проявления эмоций. Стоило нам встретиться, он, как мальчишка, соскучившийся по маме, подбежал ко мне и крепко обнял. Без каких-либо пошлых намёков и неуместных лобызаний. Немного больно прихватил за волосы, но я не вырывалась. Отчего-то мне казалось, что каждая секунда в его объятиях дороже всех знаков внимания, которых я когда-то ждала от Оза. Так это мило и... искренне.

А ещё Бен заметил, что я босиком. Подхватил на руки, не обращая внимания на моё «Я тяжёлая!», и едва слышно прошептал:

– Я так волнуюсь за тебя.

Клянусь, у меня мурашки побежали по коже. Хоть кто-то здесь по-настоящему за меня переживает.

Я взглянула в его лицо и слегка вздрогнула.

– Бен, что это?

Пальцы сами потянулись к гематоме на его скуле. В последний момент я убрала руку, чтобы не причинять ему боль.

– Упал, – соврал он, не моргнув глазом.

– Это Оз?

– Варя, не надо...

– Опустите меня на пол. Пойду убью его, – вздохнула я без особого желания слезать с Бена и тем более идти кого-нибудь казнить. Хотя не помешало бы.

Меня аккуратно усадили в глубокое кресло.

– Варя, ты не должна вмешиваться в наши с ним отношения. Ты же леди.

– Он тебя побил. А в следующий раз что сделает? Голову разобьёт? Ноги переломает?

Бен виновато скосил взгляд.

– Я первый на него кинулся. Он не хотел пускать меня к тебе. А я слышал, как ты кричала...

– Всё-всё, я больше не кричу, – я обхватила парня руками за шею и уткнулась носом в его грудь. – Со мной всё хорошо. А когда переоденусь и поем, вообще всё будет замечательно.

– Над тобой издевались.

– Совсем чуть-чуть.

– Возьми кошку, отправляйся домой.

Ага, конечно. Вернусь домой, выкину злополучную статуэтку в реку и буду дальше жить припеваючи? За кого он меня принимает?

За леди. За нечто хрупкое и нежное, нуждающееся в защите.

Так хочется быть сильной, но забота Бена приятна и почти не раздражает.

– Послушай, – сказала я, не поднимая головы, – ты определись, бросишь меня или нет.

– О чём ты?

– Ты говорил, что никогда меня не бросишь, а теперь всё время пытаешься от меня отделаться.

– Варя, – он отстранился так, чтобы мы могли смотреть друг другу в глаза, – пойми же ты. Тебе угрожает опасность. Мало ли что на уме у жрицы. Дома, вдали от египетских артефактов, ты будешь в безопасности. Знаю, тебе будет трудно оставить меня здесь и забыть о случившемся, но прошу тебя, не рискуй. Ты нужна в своём мире, где сможешь воплотить в реальность свои амбиции, чуждые прежним эпохам.

Я не плакса. Я не плакса. Я не плакса.

Мантра не помогала. Слезы так и просились наружу. Казалось, произнесу хоть слово, и вселенский потоп обеспечен.

– Варя, пожалуйста, ответь честно. Зачем ты тогда сказала, что любишь меня?

А я разве такое говорила?

Ну на фиг память!

– А что? – прошептала я, надеясь, что слёзы застрянут в густо накрашенных ресницах. – Может, я тебя... полюбила?

Вот так. В книжках пишут, что любовь – это взрыв, сумасшествие, пускание слюней в подушку... А она бывает и такой. Неспешной. Просто человеческой.

Глава 19. Кто ходит в гости по утрам

«Эта девушка попала в затруднительное положение, и вы, не зная её, не имеете права называть её падшей и жалкой. Бог ей судья».

Обращение отца Джейкоба к косящимся в одну сторону прохожим

После позднего ужина мы легли спать. Мне, как жрице нового воплощения богини Бастет, выделили комнату с большой двухместной кроватью, но Бен ни в какую не соглашался разделить её со мной. Маленькая кошечка окраса колор-пойнт оказалась более сговорчивой и даже не возражала против обнимашек и поцелуев. Хоть какое-то утешение в этом дурдоме.

Несправедливо.

Опять я далеко от дома. Лежу в кровати, которая не похожа на мой родной диванчик. В чужой одежде – ночная рубашка в этот раз женская, с ленточками, но всё равно слишком большая для меня, и от этого я чувствую себя неудобно. А от назойливых мыслей становилось ещё тоскливей.

После моего неуклюжего признания Бен как будто изменился. Перестал прикасаться ко мне, заговаривал со мной редко и неохотно. Зато остался на ночь в моей комнате, пусть и скукожившись на маленьком диване у камина. Охраняет. Но не как любимый человек, а как равнодушный бодигард.

Может, его оскорбили мои слова? Миссис Хант из кожи вон лезет, чтобы найти ему подходящую невесту, и тут я со своей любовью.

Странно. Говорит, что признал во мне леди, и при этом... стыдится, что ли? Я не вписываюсь в его мировоззрение? А с другой стороны, готова ли я назвать его своим парнем? Одно дело сладкие мечты об элегантном красавце с тростью вроде Оза, и совсем другое – по-настоящему навязать серьёзные отношения тому, кто жил ещё при царе. Даже если Бен ответит мне взаимностью, что из этого выйдет? Ничего. Мы оба останемся каждый в своём мире, лелея осколки

разбитых сердец. А я боюсь этого, боюсь, что не переживу новой потери. И он ничего подобного не заслужил.

Тогда мне остаётся одно – забыть его. Забыть раз и навсегда. Но нет же, миссия невыполнима. Как можно забыть человека, в теле которого ты жила больше недели?

Другой вариант – относиться к нему как к другу.

Как бы мне ни нравился план «Б», я после получасовых прикидок поняла, что не смогу без зависти и обиды отдать Бена другой женщине. Вот прикипела я к нему, несовременному, немного занудному, но такому доброму и честному. Да мы были одним целым!

Промаявшись долгое время без сна, я встала и, подобрав подол ночнушки, на цыпочках подкралась к Бену. Бедный, даже не укрыт ничем. Камин камином, а мёрзнет же, наверное.

– Бенни, – позвала я и, не дождавшись реакции, добавила: – Ты спишь?

– Да, – получила незамедлительный ответ.

Паразит, даже глаза не соизволил открыть.

– Бенни, что я тебе сделала? Почему ты так холоден со мной?

Всё-таки посмотрел на меня. Неприятно, как будто одолжение делает.

– Любишь ты ночные разговоры... Ложись, тебе надо отдохнуть.

Я села на пол, показывая, что просто так он от меня не отделается.

– Это из-за того, что я сказала, что люблю тебя? – Последние слова дались мне с трудом. После паузы собралась с силами и продолжила: – Я уверена, что из-за этого. Не зря же ты об этом спросил тогда.

Бен приподнялся на локте.

– Варя, ты разумная девушка. Ты должна понимать, что это очень серьёзно. Такими вещами не шутят.

– Я и не шутила.

– И это нехорошо, – он покачал головой. – Не привязывайся ко мне, не надо.

«Не привязывайся», «не надо»... Как удары ножа.

Докатилась... Когда я успела стать такой мягкотелой?

подавив тягостный вздох, я подтянула к себе колени.

– Поздно, я уже привязалась. А что, не нравится? Я тебе противна? Ну да, так и скажи: «Ты слишком грубая для леди,

одеваешься, как мальчишка с помойки, постоянно дерзишь...» Давай, добей меня, и я пойду спать.

Он приподнялся, свесил ноги с дивана, но не попытался коснуться меня, чтобы успокоить или оттолкнуть.

– Варя, я так не думаю.

– Тогда почему ты так со мной обращаешься? Только из-за того, что нам придётся расстаться?

– Только из-за этого, – чуть слышно ответил он. – Несмотря на то что ты отличаешься от других девушек, ты мне очень симпатична, и я хочу, чтобы ты смогла без боли жить дальше. Может, ты год будешь по мне тосковать, месяц или всего неделю, но я не смогу себя за это простить. Давай не будем переходить границы... дружбы.

– Это жестоко...

– Я не имею права давать тебе ложную надежду. Ложись в постель. В это время прислуга ещё не спит, я попрошу, чтобы тебе сделали молоко с мёдом.

Как изящно от меня отмазался. Ну ладно, почти изящно. С детства не выношу предложенное им питьё, аж дыхание сбилось, стоило представить этот густой запах. А после совместного купания с Неферпсут я и без мёда нескоро начну пить молоко.

Сказав, что мне ничего не нужно, я забралась обратно в кровать, завернулась в одеяло и почесала лобик дремлющей кошке. Бен, наоборот, не торопился с отходом ко сну. Он просто неподвижно сидел и смотрел на пляшущий в пасти камина огонь.

Мы оба всё понимали. Только он вёл себя правильно, а я капризничала, как ребёнок, который не желает слезать с качелей и идти домой. Вот какая я на самом деле – эгоистичная и глупая. Такая истеричка недостойна Бена.

Завтрак в доме Оза был гибридом того, к чему я привыкла у себя дома и у Хантов. Иными словами, еды, в том числе горячей, было в достатке, но ела я мало. Желудок-то у меня поменьше, чем у Бена. Парни, кстати, не скромничали и чуть ли не с азартом поглощали содержимое тарелок. Думаю, не из-за нашей разницы в габаритах, а просто лишь бы поменьше разговаривать друг с другом. Их поведение представлялось мне затишьем перед бурей, и я наблюдала за ними, давясь печеньем. В каждом жесте мне чудилась провокация конфликта,

поэтому я вскакивала, едва услышав невинную просьбу вроде передать молочник или сахарницу. Меня ж они простят – кто из понимания, кто из снисходительности, – если что-то сделаю не по этикету.

Главное, чтобы опять не подрались. Синяк Бена, к утру обретший интенсивно фиолетовый оттенок, болезненно бередил мою совесть, так что я имела нешуточное основание предполагать, что более тяжёлые увечья восприму неадекватно.

Оба были на редкость спокойны. Бен даже не выпендривался, когда ему перед завтраком принесли чистую одежду. Оза, чью ж ещё. Прекрасный повод для бешенства, и при этом обычно принципиальный Бен умудрился сохранить лицо. Раз речь зашла о шмотках, мне тоже кое-чего перепало, как-никак здесь ждали моего появления. Однако я от всего отказалась по одной причине: с размерчиком до такой степени не угадали, что не осталось манёвров для ушивания. Никто ведь не предполагал, что новая жрица худенькая кнопка. Мне-то пофигу, а Бен, кажется, действительно расстроился. Я же навязалась вместе с ним навестить Хантов, и мой внешний вид мог запросто вызвать у них шок. Ещё скажут, что в бродячем цирке меня подобрал.

А вот и не скажут. Пусть знают всю правду. По-моему, лучше поверить в чудеса, чем думать, что сын, гордость и отрада семьи, потерял не только память, но и совесть, удрав из отчего дома.

Оз не вышел нас провожать. Ну и не надо, и так большое одолжение сделал, предложив воспользоваться своим экипажем.

Я обернулась на прощание. Несмотря на то что особняк был большим, мне не составило труда заметить в окне черноволосую девушку, пристально разглядывающую двор.

Неферпсут следила за мной.

Не останавливает, значит, прятаться нет смысла. Найдёт.

От осознания масштаба ловушки я на автомате позволила Бену помочь мне забраться внутрь экипажа. Очнулась только тогда, когда слышала, как он назвал кучеру незнакомый адрес.

– Куда мы едем? – Я побоялась напрямую говорить, что это не дом его родителей.

– К Джону. Думаю, не помешает разузнать обстановку.

К Джону? Этому гадкому типу?! И ради него стоило сбегать от Оза и Неферпсут?! Да он же ненавидит Бена и радуется всем его

промахам.

– Я бы не рассчитывала на его помощь.

– Я тоже в этом плане не обольщаюсь, однако он не упустит шанса позлорадствовать. Сочтём его зубоскальство за помощь.

Спустя несколько минут мы выехали на оживлённую улицу. Как знакомы эти звуки, запахи... Даже почудилось, будто узнала отдельных торговцев и попрошайек.

И одновременно всё по-другому. Все кому не лень стремятся заглянуть внутрь нашего экипажа, некоторые выворачивают шеи и тычут пальцами. Неужели такой фурор произвела я? Не поймут, наверное, бедные, кого везут, проститутку или клоуна. Тётка, болтавшая с торговцем пирожков, вдруг увидела меня и крикнула: «Смотри, экая обезьяна!» Шайка уличных мальчишек с улюлюканьем бросилась за нами вдогонку.

Вскоре внимание стало таким давящим, что я прижалась боком к Бену и опустила глаза, лишь бы не видеть любопытных и осуждающих рож.

– Варя, что с тобой? – тихонько спросил Бен.

И не обнял. Оно и понятно, стыдно фамильярничать на виду у других.

– Люди... придурки, – прошипела я.

– Да, люди любопытные и злые, поэтому я не хотел брать тебя с собой. Не только из-за мамы.

И это они мои штаны вряд ли разглядели. То, что у меня непокрытая голова с распущенными волосами, пёстрая рубашка и руки без перчаток, уже достаточно агрило толпу.

– Прости, – я всё ещё не решалась отвести взгляд от своих колен. – Из-за меня они и о тебе думают плохо. Джентльмен не посадил бы рядом с собой неприличную девку.

Я почувствовала на руке кожу его перчатки.

– Увы, люди судят по внешности. Никому нет дела до твоей души, если она не упакована должным образом.

Слава Летящему макаронному монстру, мы добрались до мрачного таунхауса с грязным крыльцом, где как раз обитал Джон Хант. Недалеко, кстати, от родительского дома. Хоть бы заходил почаще, так нет же.

После настойчивой долбёжки в дверь нам открыла седая старуха с почти гусарскими усами и повязанным на поясице шерстяным платком. То ли это местная «миссис Хадсон», то ли прислуга. Не успела я прийти к какому-либо логичному умозаключению, на меня замахали руками.

– Пошла! Пошла отсюда! Только шлюх мне тут не хватало! Сэр, как вам не стыдно, заразу мне в дом привели!

Ага, всё-таки квартирная хозяйка. Сейчас начну защищаться, и меня точно выпрут, причём на законных основаниях.

– Что вы! Вы всё неправильно поняли, – Бен неожиданно взял на себя инициативу. – Эта смелая леди помогает мне в работе над статьёй, посвящённой стандартам женской красоты. Можете мне не верить, но этой ночью она блистала на званом вечере в прелестном голубом платье и танцевала с уважаемыми людьми.

Хозяйка хрипло кашлянула.

– Вот придумали. Нет чтобы полезными делами заняться, они статейки клепают.

Усыпив её бдительность, мы прошли внутрь. Бен уверенно повёл меня вверх, не давая мне возможности как следует осмотреться. А я уже со временем стала более или менее разбираться в викторианских интерьерах, так что беглого взгляда вполне хватило, чтобы оценить обстановку. Вещи, в том числе лестница, ведущая на второй этаж, красивые, но обшарпанные и потускневшие. Как будто состарившаяся хозяйка потеряла интерес к жизни.

Джона мы нашли в спальне. Было уже время ланча, а он до сих пор спал, приоткрыв во сне рот. На его груди лежала лохматая девица с круглыми щёчками и пухлыми руками. Она первая заметила вторжение и, взвизгнув, метнулась под одеяло. Постанывая, Джон оторвался от подушки.

– Ка... какого... чёрта... – борьба с зевотой шла у него с переменным успехом.

– С добрым утром, Джон, – ответил Бен, игнорируя его грубость.

Братец пихнул свою подружку, которая пицала под одеялом, умоляя прогнать нас.

– Я тебя не звал. Что надо? Наскучил своему новому другу и хочешь, чтобы я дал тебе денег или выгородил перед отцом? Нет, ты

давай походи, подумай о своём поведении, и тогда, может быть, я проявлю великодушие. Что, не нравится быть на моём месте?

Я достала из кармана джинсов смартфон и потыкала пальцами экран.

– Хорошо, мы уйдём, только сначала передай привет маме.

Его взгляд вдруг сфокусировался на мне.

– Что?

– Улыбнись, помаши ручкой. И с девушкой своей маму познакомь.

– Что за бред! Бен, ты кого сюда привёл? Нашёл себе такую же сумасшедшую, как ты?

– Бред, не бред, а маме я твой привет передам, – ласково пропела я и, включив видеофайл на полную громкость, повернула смартфон экраном к Джону.

– Хорошо, мы уйдём, только сначала передай привет маме... – раздался мой чуть изменённый голос на записи.

У Джона чуть глаза не выскочили из орбит.

– Молли, – он опять пихнул девчонку, на этот раз ещё требовательней. – Иди, приготовь завтрак. Мне надо поговорить с братом и этой... девочкой.

Молли мне было чисто по-женски жаль, поэтому я вытолкала Бена в коридор, чтобы у неё была возможность одеться без посторонних глаз.

Братец даже не удосужился привести себя в порядок. Джон вышел в гостиную в халате и с видом мученика сел в кресло, накрытое старой накидкой. Он прерывал наш рассказ восклицаниями вроде «Не может быть!», но уже не обзывал сумасшедшими и не выгонял. Видать, проникся благодаря чудесам техники.

– Ставь быстрее и иди отсюда. Нечего уши греть, – нетерпеливо сказал он, едва на пороге появилась Молли с подносом.

Та безропотно оставила скромный завтрак на одну персону и улетучилась. Не шибко-то хотелось, а всё равно неприятно, что нам чай не предложили.

– Мне не нравится вся эта чертовщина, поэтому попрошу меня в это не впутывать, – вновь заговорил Джон, начав поджаривать хлеб прямо в камине с помощью длиннющей вилки. – Я не интересуюсь спиритизмом, египтологией и прочей чушью. Может, кому-то в жизни

приключений не хватает, а мне и так неплохо. Тем более эти ваши игры могут плохо кончиться. Мне моя школа дорога.

– Я понимаю, всё это неожиданно, но нельзя ли реагировать менее категорично? Чем сильнее отрицаешь, тем хуже потом приходится, – попробовал успокоить его Бен.

– Моё мнение – от всего этого надо держаться подальше, – гнул своё Джон. Он подцепил с вилки горячий тост, коротко ругнулся и бросил его на тарелку. – Газеты читал в последние дни? Нет? А ты посмотри.

Это не мне предложили, но любопытство взяло верх. Мы с Беном вдвоём атаковали переполненную газетницу.

– О боже, уже лето наступило, – сокрушённо пробормотал Бен.

– Радуйся, что не зима. – Я схватила издание с фотографией лорда Истона на первой странице. – «Массовое убийство повергло всех в шок».

– «Загадочное жертвоприношение в Истон-мэноре», – подхватил Бен, шурша другой газетой.

– Это старые, – равнодушно буркнул Джон, накалывая следующий кусок хлеба. – Уже неделя прошла. По-прежнему мусолят эту тему, у газетчиков просто праздник.

Прислонил вилку к каминной решётке и стал намазывать масло на первый тост.

– Ты в курсе, что там погиб Эндрю, твой дружок? – спросила я, поражённая его хладнокровием.

Он кивнул.

– Разумеется, я же умею читать. И ещё мне прислали приглашение с ангелом и черепом, на камине где-то валяется.

– На похоронах что говорили? – Бен наконец-то оторвался от чтения статей.

Братец пожал плечами и, надкусив тост, закинул голые ноги в тапках на каминную решётку.

– А я почём знаю? Я не ездил. Очень надо деньги тратить. К тому же мало ли кто там мог собраться. Убийцы те же.

Обалдеть. Его позвали на похороны друга, а он отмахнулся, как будто его пригласили в кино на мелодраму.

– Вот ты продешевил! – наигранно воскликнула я, хлопнув себя по ноге. – Убийцам ты даром не нужен. Профукал возможность

пожрать на халяву и завести новые знакомства. У тебя же не так много в друзьях лордов и их родственников?

Джон аж тостом чуть не подавился.

– Бен! Убери отсюда эту грубиянку! Она мне сразу не понравилась, ещё тогда, когда я думал, что она это ты!

Я закатила глаза, как Роберт Дауни-младший на небезызвестном меме. Да, я неотёсанная путешественница во времени, пора бы уже окружающим с этим смириться.

А реакция Бена меня немало удивила.

– Варя всегда говорит с людьми так, как они этого заслуживают. Она не будет заискивать и лицемерить, лишь бы какой-то червяк почувствовал себя важной персоной.

Я думала, Джон свою чашку надкусит от злости.

– Ну вот, опять! – он метнул в брата ядовитый взгляд. – Опять напоминаешь мне, какое я ничтожество. Не надоело глумиться надо мной?

– Я всего лишь хочу, чтобы ты наконец взялся за голову и перестал влачить существование нахлебника. Этого все хотят, а ты как будто не понимаешь.

– И никогда не пойму. Вы же все мне с рождения твердите, что я тупой, – Джон стал загибать пальцы, – ленивый, грубый, неаккуратный, безответственный... – Он прервал список, как только пальцы на руке закончились. – Я пытался вам угодить, но малыш Бенни всегда был любимцем. И красив, как куколка, и считает быстрее, и рисует как Рафаэль, и родителей никогда не разочаровывает.

– Только отец говорил, что из тебя ничего путного не выйдет. Я не ставил на тебе крест, – хмуро ответил Бен.

– Ха!

Вот этого «Ха!» как раз хватило, чтобы младший брат растерял своё красноречие. Следующие мгновения в комнате раздавался лишь хруст поглощаемых тостов.

– Даже не удивлена, – нарушила я молчание. – Одному говорили, что он плохой, а другому, что он хороший. Так и получилось в итоге.

Бен тут же возразил:

– Если бы меня называли плохим, я бы сделал всё, чтобы исправиться.

– Значит, ему не хватило талантов и силы воли. Бил лапками по воде, а потом плюнул и решил плыть по течению.

Что же это делается... Я защищаю Джона, невероятно. А только что ведь бочку на него катила.

Однако парень не оценил моего благородного порыва.

– Мне ваша компания теперь нравится ещё меньше. Уходите, – не глядя на нас, он смахнул с халата крошки.

– Будь добр, удели нам ещё немножко времени. Мы пришли, чтобы узнать, что творится у родителей, – сказал Бен.

Упрашивать Джона не пришлось, он словно ждал, когда ему выпадет возможность позлорадствовать. Батюшка, как и предполагалось, рвал и метал, узнав о побеге сына. Миссис Хант все глаза выплакала, тоже предсказуемо. Зато тётя Рейчел наверняка выдохнула с облегчением: ей же заключенный, то есть любимый родственничек на фиг сдался. А сам Джон засуетился. Ещё бы! Он не желал пропустить такой цирк с конями и цыганами.

– Чую, не будет тебе ни лучшей одежды, ни перстня, ни откормленного телёнка, – нарочито весело говорил Джон, допивая остывший чай. – Но так и быть, замолвлю за тебя, младшенький, словечко, когда папочка выдохнется после первой порции брани. Никто же не виноват, что в тебя, честь и гордость фамилии, вселилась дикарка из эпохи, в которой мужчин либо поработили, либо вовсе извели. Иначе я не могу объяснить её распущенность.

Ой, ну спасибо. Прямо завалил комплиментами.

Как только Джон ушёл одеваться для похода в гости, я подкралась к Бену сзади и обняла, прижавшись щекой к его спине.

– Варя...

– Я не привязываюсь, я просто хочу, чтобы ты успокоился.

– Я спокоен.

– Если бы это было правдой, ты бы сразу отправился домой и не стал бы просить поддержки у Джона. Нет, не обманывай меня. Я видела, как у тебя тряслись руки при упоминании о родителях.

– Мне... неловко, что ты это заметила.

Я закрыла глаза, наслаждаясь его теплом. Такой взрослый парень, а так переживает... Хотя понять его нетрудно. Разлука с родными оказалась неожиданной и болезненной, и, что страшнее, она омрачена сетью сверхъестественных тайн.

В подсознании всплыли пронзительные до глубины души картины. Мистер Хант, называющий прежде любимого сына дикарём и олухом, попутно оскорбляя собственную жену. Миссис Хант, без устали рыдающая всего лишь из-за того, что сына отсылают в деревню к строгой родственнице. Растерянная Чарли...

– Я боюсь отца, – вдруг прошептал Бен. – С детства. Он всегда требовал от меня больше, чем от других, потому что считал лучшим. На праздники дарил только деньги и следил, чтобы я потратил их на то, что может пригодиться в учёбе... И он так кричал на тебя, когда собирался отправить нас к тёте Рейчел.

Как тяжело это слышать от него!

– Шрамы... – Я едва удержалась, чтобы не погладить его по тому самому месту. – Это его рук дело?

– Варя, – начал было он укоризненно, но всё же решился на ответ: – Он часто порол меня в детстве. Даже больше, чем Джона, потому что его раздражало, когда идеальный сын вёл себя не так, как он хотел. А шрамы остались после колледжа. Иногда говорил, как ты, прямо и честно, вот и получал.

– Бедняжка! Как можно бить маленьких!

Бен неожиданно усмехнулся.

– Когда меня высекли в последний раз, за то что прилюдно отругал старосту, который издевался над мальчиками из младшей школы, мне было девятнадцать. Предугадывая твоё возмущение, скажу, что я не был согласен с наказанием, но трудно противостоять, когда двое держат, а третий исполняет приговор.

Я привстала на цыпочки, но не дотянулась до его плеча.

– Идиотские порядки.

– Примерно так я и выразился тогда.

А ещё некоторые говорят, что Бен зануда. Нет, он не зануда. Он рыцарь. Правда, немного невезучий.

На улице Джон поглядывал на меня с таким же неодобрительным выражением лица, как на Тоби, когда щенок рвался к нему с поцелуями. А я себя хорошо вела, не орала и пальцем ни в кого не тыкала, в отличие от особо впечатлительных прохожих. Пройдя примерно квартал, Джон схватил меня за шкуру так, что я подскочила на цыпочки, и поставил назад, подальше от себя и Бена.

– Знаешь ли, мне с тобой идти не менее стрёмно, – кинулась я в словесную атаку.

Бен взял меня под руку. К счастью, не с той стороны, где был его брат.

– Варя, мы тебя не стыдимся. Просто леди не положено идти между двумя мужчинами, это дурной тон.

– Говори за себя, – процедил сквозь зубы Джон. – Я предлагал этой упрямце взять одежду у Молли.

Чтобы по земле волочилась длинная юбка, мои плечи выскакивали из платья, а голову венчал огромный чепчик? Нет уж, сначала предложите мне хотя бы что-нибудь, подходящее по размеру. Уж лучше выглядеть как чучело, чем ещё и ощущать себя таковой.

Внезапно моё внимание привлекла будка, увешанная газетами и журналами. В мозгу щёлкнуло.

Я вывернулась из хватки Бена и, подрезая мирных пешеходов, побежала на другую сторону улицы. Только добежав до газетного киоска, поняла свою ошибку. Я больше не Бенджамин Хант, и у меня в кармане не шиллинги и пенсы, а монетка в два рубля 2014 года выпуска и смартфон.

– Господи, Варя, куда тебя понесло? – ко мне немедленно подбежал Бен.

Я жалобно посмотрела на него, как Кот в сапогах.

– У меня нет денег.

– Сэр, не давайте ничего этому мальчишке, – вдруг вклинился в наш диалог бородатый продавец. – Надоели эти оборвыши, вечно деньги кляччат и по карманам честных граждан шарятся. Тюрьму бы новую для них построили.

От такого пассажа даже я поперхнулась.

– Я не оборвыш. Я леди!

– Ага, а я королева Виктория, – не остался в долгу продавец. – Проваливай отсюда, пугало волосатое, покупателей распугаешь!

– Эта леди и есть покупатель, – с ноткой высокомерия ответил ему Бен, – но после такого обращения вряд ли она у вас что-либо купит.

Бли-и-ин. А мне очень-очень надо.

Ой. У Бена-то денег тоже нет, как я могла об этом забыть?

Подошедший Джон обвёл нас покровительственным взглядом.

– Что такое? Не можете решить, какой журнал мод нужен нашей иностранке?

– Нет, мне нужен «Бэнк мэгэзин», – от отчаяния я едва ли не стонала.

Джон театрально вздохнул и, зажав трость под мышкой, зазвенел мелочью. Навряд ли хочет сделать мне приятное. Скорее всего, старается продемонстрировать свою платёжеспособность перед попавшим в затруднительное положение братом.

Пискнув «Спасибо!», я вцепилась в заветный журнал и стала нетерпеливо его листать. Хоть бы всё получилось, хоть бы всё получилось...

Да! Мистер Кокс не обманул: на седьмой странице обнаружился оформленный готическими буквами заголовок «Чарли Хант. Дом-лабиринт».

– Да! Да! Да!!! – Наплевав на местные правила, я запрыгала на месте. – Мы сделали это!!! Мы молодцы!!!

Бен схватил меня за локти, когда я кинулась его обнимать.

– Стой, ты можешь объяснить, в чём дело?

– Наверное, она убийцу угадала ещё в прошлом номере, – подсказал Джон.

Захлёбываясь от счастья, я рассказала им о нашей с Чарли аванюре. Парни были до такой степени удивлены, что весь журнал измяли, по очереди вырывая его друг у друга. Сестра, оказывается, не бросила детское увлечение! Да ещё осмелилась выставить своё творение на суд публики! Уму непостижимо!

Купив ещё один экземпляр, который было бы не стыдно презентовать родственникам, мы пошли дальше. Поведение братьев заметно изменилось, они наперебой делились давними воспоминаниями о ранних работах Чарли и смеялись над перлами и порой немислимыми сюжетами.

Дверь нам открыл Дженкинс. Сказать, что он был поражён приходу гостей, – ничего не сказать. Дворецкий позволил себе вольность, поблагодарив бога за возвращение Бена, и впустил всех троих без лишних вопросов. Я озиралась по сторонам, как в первый раз. Вроде всё знакомо, но раньше интерьер выглядел чуточку по-другому из-за нашей с Беном разницы в росте. Интересно, как ко мне отнесутся домашние?

Опередив Дженкинса, мы вошли в гостиную. Миссис Хант, едва увидев «сбежавшего» сына, отложила вязание какой-то длинной штуковины из ниток четырёх разных цветов и с протяжным стоном обмякла в кресле. Похоже, она реально потеряла сознание из-за переживаний и корсета.

– Мама! – Парни бросились вперёд и, склонившись над матерью, стукнулись лбами.

Я благоразумно осталась стоять поодаль.

Шоу начиналось.

Глава 20. Дом, милый дом

«В тот вечер я по-настоящему ощутила его присутствие...»

Из воспоминаний королевы Виктории

Когда ошалевшая от радости миссис Хант всласть расцеловала Бена, её взор наконец устремился на меня. С одной стороны, я не жалею о том, что ко мне не бросились с лобызаниями, с другой же – мне не совсем понравилась её реакция.

– Мальчики, кого вы сюда привели? – встрепелась она.

Джон помалкивал, Бен взял всю ответственность на себя.

– Матушка, познакомься. Это Варя.

– Здравствуйте, миссис Хант, – вякнула я как хорошая девочка.

Со мной не спешили здороваться в ответ. Вместо доброй чудаковатой женщины на меня смотрел глубоко оскорблённый идол.

– Варя, ты присаживайся... – стал заполнять тягучую паузу Бен, и был незамедлительно прерван.

– На мой диван! На сукно, которое я купила без скидки, лишь бы им не завладела хапуга мисс Мур?! Бенни, что ты делаешь? Зачем мне в гостиной оборванка?! Золотко, что ж ты творишь, мы тебя вылечим... Боже, что у тебя с лицом? Как ты похудел...

Парень увернулся от её объятий.

– Как ты можешь быть такой жестокой? Эта благородная леди спасла мне жизнь.

– Хорошо, сынок. Я дам ей фунт мелочью и велю миссис Девидсон дать ей что-нибудь из еды...

– Вот цена твоей жизни, брат. Горсть меди и кусок колбасы, – хихикнул Джон.

У меня как будто земля ушла из-под ног. Не рассчитывала на тёплый приём, но не ожидала, что слова миссис Хант так меня заденут. Я привыкла к ней, старалась полюбить, потому что она мама Бена, а она...

Я не могла разомкнуть губы, чтобы ответить хоть что-нибудь. В горле застрял горький комок.

Моё печальное состояние не укрылось от Бена.

– Варя, пожалуйста, не плачь.

Ну зачем ты это сказал! Слёзы только и ждут команды.

Ладно, фиг с ними. Пусть текут, здесь все свои. Главное – размеренно дышать и не хныкать, тогда плач прекратится... А что, я вообще-то леди, мне как бы положено быть женственной и хрупкой!

Бен усадил меня на неприкосновенный диван и протянул белоснежный платок. Я уже собиралась отмахнуться под предлогом, что испачкаю платок тушью, но вспомнила, что вообще не красилась.

Что-то ещё соображаю, значит, пока держу ситуацию под контролем.

– Бенни, умоляю, не расстраивай больше меня, – попыталась перетянуть на себя одеяло миссис Хант. – Эта девица не стоит моих нервов. Смотри, какие у неё безобразные ногти!

Вот и маникюру моему досталось.

– Матушка! Не говори так о ней. Ты же ничего не знаешь.

– Она воспользовалась тем, что ты не вполне здоров, и вскружила тебе голову. Бедный мой мальчик, неужели ты не видишь, ей от тебя нужны только деньги! Она же проходимка! Джон, помоги мне вразумить твоего брата!

Тот откликнулся без должного энтузиазма.

– Не получится. Бен в здравом уме и твёрдой памяти, а девушка, которую ты называешь проходимкой, не покушается на благополучие нашей славной семьи. А вообще, как порядочный джентльмен, он обязан жениться на ней после всего того, что между ними было.

Новый обморок у миссис Хант вышел не особо натуральным, поэтому я не стала потакать её выходке.

Жениться? На мне? Бен, конечно, благородный, но не настолько, чтобы брать на себя такую обузу только из-за того, что я видела шрамы на его дорогом месте.

Пальцами я нащупала вышивку и из любопытства перевернула платок. «О. Т.». Инициалы Оза. Ничего странного, это же его платок, а всё равно противно. Как будто он рядом и трогает меня.

Рассказ о наших общих злоключениях отвлек меня, мысли об Озе сами собой пропали. Доверить всё повествование парням я не могла, так как без доказательств история о переселении душ выглядела бы полным бредом. Про себя молясь, чтобы хватило заряда, и радуясь, что

мне хватило ума взять его с собой, я в очередной раз продемонстрировала смартфон. Миссис Хант, естественно, была от всего в шоке, однако её способность быстро подстраиваться под мировоззрение убедительного оратора сыграла нам на руку. К тому же человек, который ходит в церковь, как минимум верит в существование души, а это уже немало. Как бы то ни было, стресс не помешал ей включить режим строгой мамочки и отчитать сыновей за то, что связались с плохой компанией. К счастью, под «плохой компанией» она подразумевала не меня, а сэра Эндрю и его приспешников.

– Бенни, от тебя я этого ожидала меньше всего!

– Джон хотел показать, какие у него влиятельные друзья, а отец сказал, что это знакомство может быть полезно...

– Конечно, я, как всегда, во всём виноват! – не сдержался Джон.

Едва начавшаяся ссора была прервана голосами, доносившимися из прихожей. Да это же Чарли! И дети. Скорее всего, она их с прогулки привела.

Но впереди планеты всей был Тоби. Волоча за собой поводок, пёсик вбежал в гостиную и, в экстазе лая, стал прыгать на Бена. Как же малыш соскучился по хозяину! Мне Тоби тоже был рад: от его интенсивного облизывания я, хохоча, растянулась на полу.

– Что здесь происходит? – На ходу освобождаясь от шляпки с лентами, вошла Чарли. А она реально высокая. Вечно я подруг выбираю крупнее себя.

Я опередила Бена и первая набросилась на девушку.

– Чарли!

– Это кто? – Обалдевшая Чарли даже не стала вырываться из хватки наглого клопа, то есть меня. – Мама, ты ребёнка из своего приюта взяла?.. Бен! Ох, Бен!

Она не успела приблизиться к брату, так как на нём повисли влетевшие в комнату Эмма и Фредерик. Джон тоскливо оглядел эту кучу-малу.

– А меня они так никогда не встречают.

– Ты бы конфеты им хоть раз принёс, – проворчала Чарли, – или сказку рассказал.

Лучше бы она промолчала. Дети, напрочь забыв о суровом викторианском воспитании, стали вопить о том, как они соскучились

по историям о хоббитах и квиддиче.

Стоило шуму поутихнуть, я подхватила журналы.

– Чарли, смотри, твой рассказ напечатали! Смотри, какой приколот, даже иллюстрацию нарисовали.

Ещё не оправившись от возвращения блудного брата, девушка плохо гнушимися руками взяла у меня один экземпляр и с волнением раскрыла его. Вот на её лице удивление, сменяющееся улыбкой...

– Я так за тебя рада! – я сжала кулаки, сдерживая порыв снова обнять её.

Чарли недоверчиво посмотрела на меня сверху вниз и быстро переключилась на мать, которая, растолкав остальных детей, полезла целовать старшенькую. Потом миссис Хант, наверное, вспомнит, что это неподходящее занятие для леди, но как не погордиться своим ребёнком в такой момент?

Когда миссис Хант увела детей наверх, мы с парнями продолжили шокировать бедную Чарли. Рассказали, естественно, и про переселение душ, и про последующие злоключения вроде похищения и древнеегипетского ритуала. Как истинный писатель мистики, девушка оказалась очень практична, поэтому большую часть истории мы поведали ей после демонстрации отрывка из фильма «Хоббит» на смартфоне.

– Это невероятно... Но теперь хотя бы ясно, почему Бен вдруг стал непревзойдённым сказочником и что произошло на сеансе миссис Хайнц, – сказала она, уверовав в наш бред.

Кстати, в отличие от равнодушного Джона и суетливой миссис Хант, девушка живо интересовалась подробностями и, по-моему, чуть ли не жалела о том, что не стала активной участницей событий.

– Чарли, я буду очень рад, если ты сохранишь дружбу с Варей, – неожиданно выдал Бен после рассказа. – Она не виновата, что ей пришлось на время заменить меня. Она не хотела врать вам, просто боялась, что меня могут сдать в сумасшедший дом. Пожалуйста, пойми, как ей было плохо. Ты была для неё единственным другом...

Девушка неопределённо качнула головой.

– Я... – Она повернулась в мою сторону, и мне отчего-то стало стыдно. – Я не могу бросить подругу, раз так получилось.

У меня словно Ородруин с плеч свалился. Неприятие Чарли стало бы для меня ещё более страшным ударом, чем предательство Оза.

– Остался нерешенный вопрос. Что скажет отец? – вспомнил о причине своего прихода Джон.

Чарли была настроена не особо оптимистично.

– Он будет всё отрицать и объявит наш дом филиалом Бетлемской лечебницы. Голову даю на отсечение, отец не будет вникать в то, что покажется ему противоречащим здравому смыслу и традициям. Бен, ты не представляешь, как он гневался, когда увидел телеграмму, в которой якобы ты сообщил о своём нежелании возвращаться домой. И буду откровенна, я тоже на тебя порой злилась. Боялась, что ты окончательно попал под влияние Освальда Тёрнера и увлёкся опасными авантюрами и сомнительными удовольствиями. Однако я пыталась и оправдать тебя, хотя бы своих глазах. Думала, ты действительно всё забыл, в том числе о том, как мама горевала после потери Дейви. Если бы помнил, никогда бы не сбежал.

После её слов в гостиной повисло скорбное молчание.

Бен не оставил без внимания мой невысказанный вслух вопрос.

– Дейви был нашим братом. Он умер в младенчестве. Мы втроём были тогда ещё маленькие, но многое понимали и видели, как изменилась жизнь в семье. Мама переживала гораздо сильнее отца. Она всегда любила рукоделие, а после смерти Дейви стала им одержима. Отец ругался, подруги над ней смеялись, но она всё равно создавала безвкусные вещи.

– Когда творишь, проблемы отходят на второй план, – грустно подтвердила Чарли.

– А как она на коленях передо мной ползала, когда я сообщил, что буду жить отдельно, – задал совершенно другой тон беседе Джон. – Вся прислуга сбежала посмотреть!

Я смотрела на брошенное в кресле вязание, и в голове колотились друг о друга две мысли: «Бедная женщина!» и «Кому она подарит двадцатиметровый шарф?» Раньше я даже подумать не могла, что появлению некоторых странностей у этой женщины способствовали трагические события. Вообще, Ханты казались мне практически образцовой семьёй, в которой самое большое горе из когда-либо случавшихся – амнезия сына.

Одним куском колбасы от меня не отделались. Залётную гостью посадили обедать вместе со всеми. Поскольку мистера Ханта не было

дома и вернуться он должен был через пару дней, атмосфера в доме не накалилась до предела. Буря будет впереди. А поведение миссис Хант меня снова начало напрягать. В целом она старалась выглядеть приветливой хозяйкой, даже перестала меня обзывать и цепляться к моему внешнему виду, но её намёки были слишком прозрачными. «Когда вы уедете?», «Дома же вам будет лучше, правда?», «У вас есть жених? Ничего, ещё найдёте, какие ваши годы». Складывалось впечатление, будто если бы я покинула дом немедленно, мне бы не предложили остаться и дождаться десерта.

Дети пытались узнать, откуда я, такая необычная, взялась, но я ограничилась ответом, что моя родина Россия. В доказательство сказала несколько фраз на русском, из чего Эмма сделала вывод, что наш язык некрасивый. На этом допрос прекратился, так как взрослые велели ей замолчать и заняться почти нетронутой едой.

Встать бы, поблагодарить за обед и уйти, да не всё так просто. С мистером Хантом мы так и не пообщались, а оставлять Бена с отцом наедине всё равно что кинуть его в клетку к голодному тигру. Что же мне в таком случае делать? Остаться, терпя неприязнь миссис Хант, или вернуться в особняк негодяя Оза, где меня поджидает самовлюблённая египтянка?

И нужно сделать выбор крайне аккуратно. Чтобы Бен не пострадал.

А сейчас мне куда деваться? Как с пользой провести время? Хм, кажется, есть идея...

Узнав о моём желании посетить с проверкой приют, миссис Хант воскликнула с нескрываемым облегчением:

– Да, конечно! Сколько угодно!

– Мне тоже интересно посмотреть, что вы там сделали, – вызвался Бен.

Чарли, ранее не проявлявшая интереса к нашей благотворительной деятельности, вдруг решила присоединиться. Джон меня не подвёл – вообще не стал рыпаться.

О том, чтобы выйти на улицу в джинсах, не могло быть и речи. Чарли потащила меня к себе и раскрыла шкаф с одеждой. Я была уверена, что её задумка нарядить меня по местной моде обречена на провал, как-никак у нас слишком разные фигуры, однако она ухитрилась найти кое-что подходящее. Кое-какие свои наряды,

которые она носила в детстве, были заботливо сохранены на будущее для младшей сестры. Платье мне понравилось сразу, особенно его ткань. Нежно-жёлтая со светло-розовыми вертикальными полосками и мелкими цветочными узорами. Пока великовато для Эммы, но впору мне. Юбка получилась короче положенного, но Чарли рукой на это махнула. Мол, окружающие всё равно не знают мой настоящий возраст, а девочкам позволено носить платья не в пол. Правда, из-за этой мелочи пришлось натянуть чулки и подвязать их ленточками, чтобы не упали. Конечно, не обошлось без туфель, шляпки и перчаток. Если что-то в моём образе вышло немного не по канону, это всё равно не повод для расстройств. Пальцами тыкать перестанут, и то хорошо.

– Всё это ерунда, – успокаивала меня Чарли, расчёсывая мои волосы. – Тебя здесь никто не знает, и на мелочи не будут обращать внимания. Может, помнишь нашу служанку Кейт? Ей на вид от силы семнадцать, а недавно я узнала от миссис Девидсон, что ей двадцать. Представляешь, выглядит как ребёнок...

Вот так благодаря общительной миссис Девидсон я вспомнила о несчастной девчонке, которую все норовили обидеть, от ушлого дворецкого до маньяка.

Бен запретил рассказывать правду прислуге, но здороваться-то мне никто не запрещал?

На кухне я застала обеих. Кухарка возилась с тестом, а Кейт вытирала только что вымытую посуду. А ей, похоже, реально не меньше семнадцати-восемнадцати, просто раньше она мне казалась моложе ещё и из-за тогдашней разницы в росте.

– Добрый день, – я вежливо улыбнулась вместо того, чтобы воскликнуть: «Привет, сэнсэй!»

– Добрый, мэм, – откликнулась миссис Девидсон с напускным почтением. – Вы что-то хотели? Или вы заблудились в доме? Вам помочь?

Как жаль, что приходится ломать комедию!

– Нет, что вы, миссис Девидсон. Я просто пришла поблагодарить вас за вкусный обед. Видите ли, я из России, и у нас принято говорить спасибо за угощение. Мне всё очень понравилось. Дома я привыкла к совсем другой пище, но ваши котлеты превзошли все мои ожидания.

Лицо женщины озарила довольная улыбка.

Пока я расхваливала десерт, то пыталась заодно придумать, как подкатить к Кейт так, чтобы это не выглядело чересчур глупо. Не могу же я ни с того ни с сего начать петь дифирамбы судомойке!

Так, она подняла на меня глаза. Ох ты ж... А ладно, зато теперь импровизировать будет легче.

– Господи, что это? – Я подошла к девушке и аккуратно взяла её за подбородок, чтобы не вздумала отвернуться. – Что с тобой? Откуда этот жуткий синяк?!

Моё возмущение было неподдельным. Расползшаяся от глаза до скулы гематома не шла ни в какое сравнение с тем, что красовалось на лице Бена. А опухшее веко делало взгляд ещё более жалким.

– Я... я упала... мэм.

Ага. Бен тоже «упал».

– Не ври мне. Так не падают. Скажи, кто это сделал? Если это кто-то из слуг, я немедленно доложу об этом миссис Хант. Какая сволочь посмела тебя так изуродовать?

– Ой, да вы не тревожьте хозяйку, пожалуйста, – вмешалась миссис Девидсон. – Никто из наших Кейт не трогал. Это мачеха ей фонарь поставила. Пьяная шибко была, а дурёха стала у неё бутылку отнимать. Сто раз ей говорила, чтоб не лезла на рожон.

Нет, так не годится. Будем принимать серьёзные меры.

Вместо приюта мы первым делом навестили семью Кейт. Девушка отказывалась принимать помощь, но быстро сдалась под нашим коллективным напором и с убитым видом привела нас к себе. А стыдиться ей было чего. Маленькая квартирка в Уайтчепеле с порога кричала о своей убогости. В воздухе застоялся запах нечистот. Повсюду разложены разномастные вещи, в основном в узелках и коробках, но и от этого не создавалось впечатления порядка.

Что меня поразило, в квартире не было ни очевидной грязи, ни паутины, ни дохлых мух. Здесь пытались поддерживать чистоту.

Наше появление не осталось незамеченным.

Миссис Салливан, худощавая женщина с красными, как от недосыпа, глазами, отвлеклась от шитья и, разогнувшись, молча, уставилась на нас. Читавший вслух мальчик лет восьми прервал своё занятие, так и не добравшись до конца предложения. Маленький брат, только что с упоением слушавший про рыцарский турнир,

моментально прижался к нему при виде сестры в сопровождении незнакомцев.

Узнав, кто перед ней, миссис Салливан занервничала.

– Господи Иисусе, да что же это делается? Что натворила девчонка? Да, она девка бестолковая, но я её строго воспитывала. Она за всю жизнь иголки чужой не взяла и распутствами никогда не занималась!..

– У нас нет ни малейшей претензии к Кейт и её работе, – прервал мачеху Бен. – Чего не скажешь о вас. Я знаю, у вас очень тяжёлая жизнь, однако это не повод злоупотреблять спиртным. От этого не становится легче ни вам, ни вашим детям. Именно поэтому мы вторглись в ваш дом без приглашения.

Пока он говорил, я отошла за покорябанный кошками шкаф и втихаря поправила чулки.

– Мы подумывали о том, чтобы доверить Кейт должность гувернантки. Но вы только посмотрите на это! – Бен указал на фингал, который не нуждался в дополнительной демонстрации. – Разве может заниматься с моим братом и сестрой избитый человек? Разве дети должны это видеть? Нам при нынешних обстоятельствах проще найти кого-нибудь другого и оставить Кейт менее престижную работу. А это всё последствия вашего пьянства. Поймите, ваша падчерица достойна лучшей доли. Обретя новый статус, она получит шанс на удачное замужество.

Миссис Салливан смотрела на него пристыженно, будто сама ненавидела себя за свои поступки.

Я вышла вперёд.

– Не знаю, как у вас, а у меня на родине у таких мамаш отбирают детей. Кстати, миссис Хант заведует приютом.

Кейт с мачехой наперегонки бросились обнимать зарыдавших мальчишек. Бедняжки, такие маленькие, а всё понимают с полуслова. Согласна, вышло в какой-то мере жестоко, зато у миссис Салливан должна появиться пища для размышлений.

Кое-как успокоив её и обсудив условия новой работы Кейт, точнее, уже мисс Салливан, мы с Беном и Чарли покинули квартиру вдовы.

Проверка приюта меня не разочаровала. Я аж поверить не могла, что во время моего отсутствия подружки миссис Хант не забросили

благое дело, переключившись на голодающих пингвинов Антарктиды. Разумеется, само здание резко не изменилось, ремонтные работы по-прежнему велись, однако атмосфера стала менее напряжённой, и даже неприятные, стремящиеся забиться в нос запахи выветрились. Дети больше не выглядели заморышами, все чистенькие и причёсанные. Когда мы пришли, мальчики помогали рабочим, убирая сор и выполняя другие несложные поручения, а девочки вместе с воспитательницей находились в общей комнате, в которой появились пианино, пара старых, но вполне ещё приличных диванов и большой ковёр с простецким узором. В почти домашней обстановке воспитанницы учились шить рубашки.

Рай по сравнению с тем мраком и ужасом, что был в мой первый визит. Хотя не так горько смотреть на этих детей, которых раньше били, заставляли просить милостыню и кормили хуже скота. Остаётся надеяться, что после того, как я окончательно вернусь домой, здесь всё будет хорошо.

К вечеру мы прибыли к Хантам, где неожиданно застали Джона в компании матери и её любимых подружек – Энни и Харриет. Оказалось, старшего брата задело то, что он единственный не может похвалиться успехами, и поэтому он тоже решил сделать что-нибудь полезное. Его идею открыть в банке счёт на нужды приюта наши меценатки с восторгом одобрили и доверили ему заняться этим вопросом.

Можно было сказать, что у миссис Хант этот день счастливый. Абсолютно здоровый Бен снова дома, у Чарли напечатали рассказ, а Джон в кои-то веки проявил инициативу. Единственным мрачным пятном была я. В открытую меня не прогоняли, но невооружённым глазом было видно, что хозяйке неприятно наблюдать у себя такое чудо-юдо. Мне и комнату на ночь не подготовили, хотя Бен прямо говорил, что мне некуда идти и что я в свете сложившихся обстоятельств почти член семьи. Как бы мне ни было неудобно навязываться, а пришлось доставлять миссис Хант страдания своим присутствием. После препирательств с миссис Хант мне выделили гостевую, которая когда-то была комнатой Джона. Неудобно перед хозяйкой, но уехать к Озу я не могла не только из-за личной неприязни: Бен бы меня просто не пустил. Моя догадка подтвердилась, стоило мне

намекнуть о том, что рано или поздно Неферпсут пожелает новой аудиенции со своей жрицей. Не пустит меня одну и всё тут, и хоть ты тресни.

Только, кроме меня, никого его мнение не интересовало. Да и моё, раз уж на то пошло, никому не было нужно.

Эта мысль напомнила о себе, когда я осталась одна.

Я уже почти переделалась в свою удобную одежду, когда услышала за спиной обманчиво ласковый голос:

– Нагулялась?

Неферпсут! Откуда?..

М-да, такой момент, а я без штанов.

Не стала к ней оборачиваться, решила показать характер. Взяла джинсы так, чтобы не смотреть в её сторону.

– Вообще-то воспитанные люди стучатся, прежде чем войти. Зачем пришла? Чтобы использовать меня в новом ритуале?

– Не сейчас.

Приведя себя в порядок, я всё-таки соизволила взглянуть на египетскую принцессу. Традиционной викторианской одежде она по-прежнему предпочитала халаты. Её фигуру облегал лёгкая ткань изумрудного оттенка с азиатской вышивкой, вокруг талии был обёрнут золотистый пояс с кисточками на концах. В руках она держала чёрную кошачью статуэтку.

– Ты забыла это, – сказала она, возвращая своей речи игривый тон.

– Да ты издеваешься? Или хочешь поиграть в побег? Типа я убегаю, а ты, такая всемогущая, меня ловишь.

Неферпсут поставила статуэтку на прикроватную тумбочку.

– А ты действительно умна. На твоём месте какая-нибудь дурочка непременно бы попыталась сбежать. Но ты мало того что не сделала этого, так и продемонстрировала свою покорность. Это хорошо. Нам с тобой не нужны конфликты.

Конечно не нужны. С нетерпением жду, когда наши пути раз и навсегда разойдутся.

– Как ты здесь оказалась? – я с сомнением взглянула на закрытую дверь.

Мне ответили снисходительной улыбкой.

– Просто подумала о тебе. Моей силы вполне достаточно для таких переносов. Но для того, чтобы перенестись к себе на родину, да ещё в своё время, мне нужно больше сил. Гораздо больше. И в конце концов я не собираюсь довольствоваться малым. Я сделаю Египет самым могущественным государством, я поставлю Ассирию и Грецию на колени.

Понятненько, нужно целое кладбище мумий.

Меня передёрнуло от воспоминаний о ритуале. Мумии были жуткими, и золотой песок, атаковавший меня, причинил ужасную боль...

Я вспомнила те уютные объятия. Так приятно было осознавать, что меня взял на руки мужчина, который сможет защитить. Тогда я была почти счастлива, думая, что это Бен... И так разочаровалась, узнав правду.

Внезапно на ум пришли слова Оза.

– Я тоже теперь так могу? – спросила я.

Неферпсут хитро прищурилась.

– Да, можешь. Сейчас в твоих силах даже переместиться к себе домой. О, вижу, ты удивлена, – она усмехнулась. – Представляешь? Домой. Я разрешаю, только помни, что я заберу тебя в любой момент.

Охренеть! У меня суперспособность, которая может избавить меня от массы проблем, а я узнаю об этом последней! Ясный пень, не сбежишь от богоподобной жрицы, а ведь могла бы уйти и не мешать миссис Хант.

Неферпсут исчезла, как только раздался стук в дверь.

– Варя, к тебе можно?

– Бен, иди сюда! – воскликнула я. – Да заходи, я одета!

Новость о визите коварной египтянки ему не понравилась. Сила, которой она обладала, настораживала его, отчего он превращался в зануду.

– Ты же не будешь сама колдовать? – Бен явно рассчитывал на моё благоразумие.

А благоразумие никогда не было моим достоинством.

– Как это – не буду? Я, может, всю жизнь мечтала быть кем-то вроде Мстителей. Ну ладно, не всю жизнь. Лет до двенадцати я хотела быть Сейлор-Мун.

– Но ты же понимаешь, что великая сила это...

– Знаю! Большая ответственность! Этому меня научил Человек-паук.

Похоже, Бен был в шоке от моих кумиров. По крайней мере, он сбавил свой напор.

– Но ты же не умеешь этим пользоваться.

– Почему? С кошкой же получилось, а Неферпсут говорила, что я, как и она, проводник магии. Не трусь, давай попробуем!

Обречённо вздохнув, он взял меня за руку. Пропадать, так вместе.

Я закрыла глаза и про себя произнесла, куда хочу отправиться.

Как и в случае с кошкой, интерьер моментально сменился. Спальня Джона уступила место более богато убранной спальне с большой кроватью.

Красиво, престижно, но я думала, здесь будет всё гораздо вычурней. Прямо готовилась увидеть перед собой кричащую роскошь.

И всё равно меня распирало от любопытства.

Более скептически настроенный Бен так и не выпустил мою руку.

– Варя, это не твоя комната.

– Естественно, не моя. Это же спальня вашей королевы. Прикинь, как круто!

– О боже... – застонал парень.

Я легко выскользнула из его хватки и побежала к камину, смотреть мелочовку. Ух ты, какой милый цветочек в стеклянном колпаке, почти как в мультфильме «Красавица и чудовище».

– Варя...

Я убрала руки от вожаемой вещицы.

– Чего?

– Так нельзя. Это же Её покои!

Демонстративно фыркнув, я закатила глаза.

– Да она такой же человек, как все. Спорим, я найду у неё под кроватью ночной горшок?

Не успел Бен ответить на это кощунство, как моё внимание зацепилось за кое-что более любопытное: на кровати лежал мужской костюм.

– А Виктория разве не вдова? Или её муж ещё жив? Я запуталась.

– Он давно умер... Варя, ради всего святого, ничего не...

– Вау! У неё хахаль?! А сколько же ей лет?

Бен взял меня в охапку.

– Да веди ты себя прилично!

– Тебе же нравится.

– Что нравится?

– Как я себя веду.

– С чего ты так решила?

Я потёрлась головой о его грудь.

– Ты меня обнимаешь.

– Ох, Варя. Ты как щенок. Нашкодишь, а наказывать жалко.

Если он будет почаще меня обнимать, я буду для него кем угодно.

Едва слышав шаги, мы оба вздрогнули. У меня чуть сердце не остановилось, когда я представила, КТО сейчас может сюда зайти.

Исчезнуть! Испариться! Ай-ай-ай, паника мешает магии!

Не сговариваясь, мы забежали за ширму для переодевания.

Блин, так классно! Обожаю экстрим, когда знаешь, что всё хорошо закончится.

Волшебно. Ширма отделяет нас от ничего не подозревающей королевы Великобритании. Слышны её шаги, она что-то бормочет. И меня прижимает к себе парень, к которому я прикипела всей душой. Он боится, что нас заметят, не может из-за этого распрямиться. Его неровное дыхание щекочет мне ухо и немного шею. А мне так хорошо, так уютно. Можно собраться с мыслями и перенестись обратно, в дом Хантов, но я тяну приятные мгновения. Без понятия, как к этому относится Бен, молчит же, бедолага.

Вернувшись, мы отцепились друг от друга. Я думала, Бен будет кричать на меня, и приготовилась дать отпор...

Он засмеялся. Так громко и беспечно, будто только что пережил самое забавное приключение в своей жизни.

Глава 21. Пренебречь – вальсируем!

«Вторжения не будет?!!»

Жирная запись карандашом

Разве я могла спокойно спать после случившегося? После полуночных посиделок с Чарли я прямиком из комнаты Джона переместилась домой, и это потрясло меня ещё больше, чем вторжение в покои королевы Виктории. Я просто взяла и перемахнула через век, как будто такие путешествия вполне обыденны для человека! Сама, без артефактов и заклинаний! Ну хоть что-то хорошее мне перепало от древнеегипетского колдовства, достойная компенсация, ничего не скажешь.

Чувствуя несказанное облегчение, я искупалась и, заранее поставив будильник, легла спать на родной диванчик. Пофиг, что у нас день, я же вон сколько всего пережила, отдохнуть пора. Спустя пару часов меня разбудил мамин звонок. То, что я его не проигнорировала, убедило маму в моей честности. Ещё бы, попробуй ответить, когда сотовой связи не существует. После отдыха я решила хотя бы немножечко привести в порядок свою карму. Перенеслась в краеведческий музей, на день раньше, и поставила кошачью статуэтку на место. Чуть не выронила её, увидев, как я с Данькой ухожу из зала. Святые макароны! Да я бы с ума сошла, если бы тогда увидела своего «двойника» с такой же кошкой в руках. Хваля себя за осторожность, я вернулась домой и набрала стопочку книг для Чарли. К её счастью, читать в оригинале я люблю. Беру Толкиена, Роулинг, а ещё «Звёздную пыль» Нила Геймана и «Сумерки» Стефани Майер. Книжки из разной весовой категории, надеюсь, ей что-нибудь да понравится. Жду не дождусь, когда мы с Чарли и Беном перейдём на фильмы. Мне нужно им столько всего показать!

Блин, я мыслю мелко, надо по-крупному. Да я и Скай можем выходные проводить в Диснейленде! А ещё в Японию смотаемся на какой-нибудь аниме-фест... И к папе в Америку наведаюсь, вот он обрадуется!

Утро у Хантов выдалось более или менее спокойным. Мать семейства была по-настоящему счастлива, узнав, что нежеланная гостя скоро свалит. Не скрою, раньше я мечтала убраться из её дома и никогда больше не попадать в объятия чужой матери, но нынешнее положение вещей меня огорчало. Неужели миссис Хант настолько оскорблена тем, что я занимала тело её сына, что она старается в упор не замечать меня как личность? Нечестно. Я же открыла ей глаза на её неумелую благотворительность. Я разогнала зловредных слуг. Я ввела среди её подруг моду на кроликов для детей. Интересно, моя мама так же себя вела бы, окажись я на месте Бена? Да нет, она же приняла его, несмотря на более чем странные обстоятельства нашего знакомства. Значит, дело в миссис Хант, если не во мне.

Однако мне было некогда грустить. Мы с Беном и Чарли собирались в гости к Стивену Сазерленду. Да-да, после бала он не забыл о своей новой подружке и даже тайком встречался с ней в парке. История об исчезновении Бена его немало беспокоила, поэтому мы, посоветовавшись, пришли к выводу, что он должен знать правду.

Денёк был на редкость светлым и приятным. Мы втроем пересекали узкую пешеходную улицу, когда нам навстречу вышла брюнетка в сером платье и кокетливой шляпке.

– Мэри, – вырвалось у меня против воли.

Мэри Бишоп холодно улыбнулась.

– Мистер Хант, вы уже всем про меня рассказали? А я думала, вы джентльмен и выше сплетен.

– Какие сплетни, ты чуть его не угробила, – я напряглась, как львица перед прыжком.

Та не ответила на мою беспомощную злость.

– Я как раз шла к вам, чтобы сообщить кое-что. Моя семья подаёт в суд на вашего отца. Мы сделаем всё, чтобы вы познали бедность, как мы. Кстати, это был ваш совет, спасибо.

У меня аж руки в перчатках горели, так хотелось в драку полезть!

– Вы хотите нас разорить? – Судя по робкому вопросу, Бен не понимал, что происходит и как ему следует правильно реагировать.

– Да, сэр. Вам будет нечем платить за ваш прекрасный дом и прислугу, потому что все деньги будут уходить на еду. И, скажу вам, не самую изысканную. Детки не получат новые игрушки на Рождество, а

ваша сестрица пойдёт работать. Своими белыми ручками. Потому что её не возьмут гувернанткой, тут какие-никакие мозги нужны...

Она некрасиво захрипела. Трудно нормально говорить, когда шею давят чьи-то неслабые пальцы.

– Ты в тюрьму сядешь, дрянь, – зашипела ей прямо в лицо Чарли. – Богом клянусь, сядешь, если все узнают, что ты покушалась на жизнь моего брата. Так что умерь аппетиты, голубушка. Верни свою долю, а чужое только посмей тронуть!

Бен с трудом их разнял.

– Все друг друга поняли? Вот и славно, обсудим всё в другой раз. Простите, мы спешим.

Рядом с нами остановился дедок с белыми бакенбардами.

– Женщины – сосуды греха, – наставительно произнёс он.

Бен кивнул.

– Вы правы, сэр. Как в винном погребе живу.

Всю дальнейшую дорогу мы с Чарли посвятили рассказу о лже-гувернантке с её «любовным зельем». А я ж чуть об этом не забыла, со всеми этими страстями египетскими.

Литературный критик не скрывал восторга от первой публикации Чарли. С его слов, ему понравилось, что мнение девушки о готической беллетристике, с которым он безоговорочно согласен, отражается в её творчестве. Он уже начал писать рецензию, но предупредил, что черновой вариант не покажет даже по дружбе. Чарли и не настаивала. Более того, она перевела разговор в другое русло, хотя другая на её месте ещё бы послушала похвалу.

Бен не сбежал, его похитили. А всё началось с того, что...

Сомнения в том, что я из будущего, следовало немедленно развеять. И здесь я соригинальничала, не став демонстрировать чудеса науки.

Чем обычное чудо хуже?

Без предупреждения я и Стив (он сам так просил себя называть) перенеслись в Лондон двадцать первого века. Точнее, в Гайд-парк, где мне доводилось бывать с Чарли. Конечно, я рисковала очутиться на глазах у толпы ничего не подозревающих англичан, но нам повезло. Мы привлекли внимание лишь пары туристов, которые с сильным акцентом, похожим на немецкий, попросили сделать пару снимков на

память. Мне даже сделали комплимент, сказав, что моё викторианское платье «very cute». Стив справился с непредвиденной ситуацией на все сто процентов, его выдержке можно было позавидовать. Он не истерил и не проявлял излишнюю экспрессию при виде женщин в брюках, мужчин с непокрытой головой и многочисленных гаджетов, с которыми человечество никак не расстанется. Не опасаясь за его психическое здоровье, я повела парня к дороге, чтобы показать самоходные экипажи без конной тяги. Да ему впечатлений на всю оставшуюся жизнь хватит!

По возвращении Стив с извинениями предложил всей компании перейти из гостиной в его кабинет, куда он вообще-то не привык пускать посторонних. Лучше впустить странных знакомых в святую святых, чем переживать из-за того, что разговор может случайно подслушать кто-нибудь из прислуги.

И снова на арене развлекают публику чёрные кошки, древние египтяне и попаданцы из будущего. Сколько раз мне ещё придётся это рассказывать?

Стив слушал молча и при этом невозмутимо терзал перочинным ножом карандаш. Идеально наточив его, потянулся за вторым. Потом за третьим.

– Извините. Меня это успокаивает, когда нервничаю.

– Уж лучше так, чем наркотиками баловаться, – буркнула я.

Он благодарно улыбнулся.

– Ваши приключения удивительны. В голове не укладывается, что я скромный свидетель таких потрясающих вещей.

– Я вздохну свободно, когда Неферпсут наконец-то накопит достаточно магической энергии, чтобы убраться отсюда раз и навсегда, – сказала я, предвкушая облегчение.

Стив перестарался и поцарапал столешницу. Судя по зарубкам, это случилось не в первый раз.

– Нет! Вы что? – Он округлил глаза. – Этого нельзя ни в коем случае допустить. Вы разве не представляете, что будет, если могущественная царевна-жрица вернётся в прошлое и начнёт наводить свои порядки? Это же катастрофа!

Мы переглянулись. Катастрофа?

Укоризненно покачивая кудрявой шевелюрой, Стив смахнул стружки в корзину для бумаг и стал спешно разгребать бардак на

столе.

– Неужели всё может быть так серьёзно? – его беспокойство передалось Чарли.

– Весь мир будет застроен пирамидами, а люди будут поклоняться кошкам? – предположила я. – Неферпсут ничего мне не говорила про мировое господство. Так, про соседей...

Тем временем критик освободил своё рабочее место.

– Если её слова не пустое бахвальство, то даже её влияние на «соседей» – гибель для нашей цивилизации.

– Кажется, я начинаю понимать, – пробормотал Бен.

Я же соображала не так быстро, но было невозможно не верить человеку, которого Чарли считала очень умным.

Стив вовсе что-то рисовал только что поточенным карандашом.

– Вот, смотрите. Если Египет времён двадцатой династии становится самым влиятельным государством этой части планеты, то Греция отходит в тень. Как следствие, не сможет образоваться новое государство – Рим.

Мы внимательно вглядывались в схему, представлявшую собой наспех набросанную карту мира.

– Не будет Рима – не будет римского вторжения в Британию, – подхватил Бен.

– Не будет Англии, – мрачно подытожила Чарли.

Как всё серьёзно! А я почему-то считала, что во времена Неферпсут Рим вполне себе существовал. Значит, Клеопатра позже жила, у неё ведь что-то было с Юлием Цезарем.

Стив постучал карандашом по рисунку.

– Изменится вся Европа. Не будет римского права, латыни и вообще романо-германских языков. Если каким-то чудом распространится христианство, то в совершенно неузнаваемом виде. Всё это не может не отразиться на остальных странах. Как минимум под угрозой судьбы США и колоний.

Он уставился на меня, и в этот момент я заметила, что в его серых глазах больше зелени, чем голубизны.

– Русским тоже придётся худо. Вот ты догадываешься, почему в тебе пробудился столь уникальный дар? Вполне вероятно, что кто-то из твоих далёких-далёких предков жил в Древнем Египте и владел

чем-то подобным. Держу пари, если покопаться в генеалогии других русских, в ней можно отыскать массу удивительного.

Сразу вспомнился Пушкин с его африканскими корнями, и от этого теория Стива приобрела зловещую реальность.

Я с раздражением потёрла комариный укус на руке.

– Короче, мы все умрём.

– Нестрашно. Мы же всё равно не родимся, – с натянутым оптимизмом ответил критик, возвращаясь к своим каракулям. – Так, и это мы с вами далеко не все аспекты рассмотрели. Не знаю, как это всё повлияет на магию, но одно знаю точно. Бастет не единственное божество в мифологии древних египтян. Только в кошачьем обличье было ещё несколько богов и богинь. Тefнут, Сехмет, Маахес... А сколько их было всего, вообще неизвестно! Если честно, не особо интересуюсь египтологией, мне больше по душе кельтская культура. Наверное, я перечитал слишком много сказок, потому что так и представляю, как боги древности выходят на тропу войны из-за выскочки, которая возомнила себя равной им.

– Неферпсут этого не боится, – на полном серьёзе сказал Бен. – Она слишком эгоистична и самоуверенна. Готов поклясться, она знает, что случится с Варей, если та ей поможет осуществить её план.

Чарли взяла меня за руку прежде, чем я успела до конца понять масштаб трагедии.

Я не просто исчезну вместе с привычным миром. Даже если Неферпсут уговорит меня навещать её в Древнем Египте и проводить с ней ритуалы для укрепления магической силы, рано или поздно настанет точка, которая изменит ход мировой истории. И всё. Верховная жрица Варя исчезнет как использованный материал.

По спине побежали мурашки.

Сладкими обещаниями красивой жизни эта стерва пыталась замаскировать фееричное предательство.

Специально предложила опробовать мои новые умения. Считает, что я с блеском в глазах кинусь выполнять её новые поручения, лишь бы получить больше волшебных способностей.

Я была такой осторожной и всё равно чуть не наступила на мину.

Снова.

– И что же делать? – растерянно спросила Чарли.

Стив что-то зачеркнул в своей схеме.

– Царевну следует либо каким-то образом лишить магических сил, либо убить. Да что вы на меня так смотрите, я не сторонник насилия! Это теория. Посудите сами, сейчас прошлое, настоящее и будущее зависит только от неё. Не думаю, что с ней будет легко договориться. Вряд ли человек, просуществовавший тысячи лет в виде мумии, будет заботиться о ком-то, кроме себя. Тем более что наша реальность для неё чужда и враждебна. О её человеколюбии говорить не приходится, так что нет смысла жалеть чудовище. Тесей убил Минотавра, Беовульф тоже не миндальничал с Гренделем. Увы, среди присутствующих в этой комнате нет ни одного героя или волшебника, способного покарать Неферпсут за её деяния.

Это уж точно. И наша болтология мир не спасёт.

– А... А как же я? – От переживаний у меня пересохло в горле. – Я же тоже порчу историю. Припёрлась и давай свои порядки наводить. Одному исправила судьбу, другому наоборот. От меня тоже надо бы избавиться?

– Не говори так, – мигом отреагировал Бен.

Ну вот, начинается. Сейчас все наперебой кинутся меня утешать...

– Кто знает, может, твоё появление у нас – это естественное течение времени? – тон Стива стал на порядок жизнерадостней. – Ты же не пыталась исправить некие конкретные ошибки. Действовала по обстоятельствам и по зову сердца.

Чарли наконец-то отпустила мою руку.

– Жаль, что нельзя всё исправить. Было бы неплохо не дать этой сушёной гадине возродиться, но тогда Бену и Варе пришлось бы заплатить дорогую цену. Они могли бы навсегда остаться одним целым.

– Если это спасёт нас всех, я готов рискнуть.

Следующие несколько минут мы с Чарли так орали на Бена, что в кабинет поскреблась служанка с вопросом, всё ли у нас в порядке.

– А если я просто не дам сэру Эндрю ударить Бена? – в отчаянии обратилась я к остальным.

Стив не спешил меня обнадёживать.

– Не лучшая идея. Если твоя душа не переместится в его тело, ты не получишь способность перемещаться во времени и пространстве. Ты либо застрянешь в прошлом без этой самой способности и нужных

знакомств, либо исчезнешь, как лишний элемент. Итог в любом случае будет печальным: Неферпсут найдёт тебя или ещё кого-нибудь с таким же спящим даром и перекроит всю историю.

Да что ж такое! Кругом засада. Куда ни сунься – лучше не сделаешь.

– Отчаиваться пока рано. – Стив от руки начертил длинную линию и стал расставлять на ней точки и стрелочки. – Что-то ведь было в прошлом, что позволило миру сохраниться в более или менее традиционном виде, раз статуэтка кошки добралась до Вари в Россию двадцать первого века. Как бы выяснить, что это?

– Какая-то временная петля, – высказала я вслух очевидное.

– Хуже, – не согласился Стив. – Временной узел. И нам необходимо его распутать. – Грустно усмехнулся и покачал головой. – Но я благодарен судьбе за то, что так получилось. Если бы ничего этого не произошло, я бы не познакомился с Чарли... и с вами.

Наверное, он хотел сказать что-то ещё, но лишь безмолвно чуть разомкнул губы и уставился в свои рисунки.

Ого, неужели он влюбился в Чарли? Блин, а я даже порадоваться за них не могу, потому что хрупкое счастье пары грозит разрушиться в любой момент.

Девушка тоже моментально уловила его настроение.

– Стив, я не собираюсь с тобой прощаться! Ни с кем из вас! Мы будем жить назло всяким древним жрецам. И кстати, твоё приглашение всё ещё действительно?

Новость о приглашении на танцы оказалась для меня полной неожиданностью. Наш критик звал Чарли пойти с ним на бал, устраиваемый его родственником, однако согласие девушки напрямую зависело от обстановки в семье Хантов. Молодые люди условились, что они посетят светское мероприятие, только если наладится ситуация с Беном. И вот Бен как бы вернулся, да не всё так гладко...

Если ничего не предпринять, самые страшные опасения Стива осуществляются.

Но разве нас можно упрекнуть в том, что мы собираемся посвятить себе один вечер? Неизвестно, что будет завтра.

Чарли в кои-то веки полюбила балы. Нашла парня, который по-настоящему ценит её. И он, в свою очередь, понял, что на тусовки

можно выбираться не только для того, чтобы, стоя в стороне и утопая в шуме и блеске, размышлять над очередной статьёй. Будет нечестно лишить их маленькой радости.

Бен вынудил и меня принять приглашение. Когда мы остались наедине, он сказал: «У тебя будет бал». Он говорил много, но именно эти слова отпечатались в моей памяти.

У меня будет бал. Даже не верится. На мне будет настоящее бальное платье. Я буду танцевать с Беном.

Тяжёлые мысли не дают наслаждаться легкомысленными грёзами. Хотя, может, так лучше? В прошлый раз было больно смотреть на то, как месяцами возвращаемая мечта разбивается вдребезги, оставляя после себя острые осколки.

Не надо думать о плохом. Мы будем жалеть, если потратим время на уныние. Да и с кислой мордой бороться со злом – всё равно что заранее рассчитывать на проигрыш.

За создание моего бального образа Чарли взялась с таким рвением, будто от этого, а не от чего-либо иного зависела судьба всего мира. По крайней мере, она больше не показывала своего волнения и пару раз заикнулась о том, что, когда всё устаканится, напишет по мотивам наших приключений рассказ или вообще целый роман.

К моему счастью, вкусу Чарли, в отличие от её матушки, можно было довериться. Она не стремилась нарядить меня как клоуна. Из оставленного для Эммы добра мне более или менее подошло голубое платье для торжественных случаев, правда, его пришлось в спешном порядке ушивать. Главное, что оно не спадёт с моих плеч. Количество кружев и бантиков умеренное, и эти украшения заодно прикрывают «следы» ушиваний. Что не менее приятно, турнюр и шлейф вышли щадящими и женственными. С нижним бельём также помучились. С лифчика по понятным причинам сняли бретельки. А ещё нижняя юбка, тот же турнюр... От корсета я опять отказалась, ещё не хватало грохнуть в обморок от нехватки кислорода прямо во время танца. Впрочем, Чарли не настаивала на обязательном присутствии этого предмета дамского туалета. После нескольких примерок мне подобрали длинные белые перчатки на пуговках и светлые туфельки, оказавшиеся примерно на размер больше нужного. Подлянку подкинула возня с причёской. Мои волосы слишком коротки для модных причёсок того периода, поэтому мы подумали и решили

просто собрать волосы в узел и украсить это художество изящной заколкой в виде голубого цветка. Накрасилась я с помощью того, что уместилось в моей косметичке, которую я ещё раньше взяла из дома, чтобы показать подруге и заодно не выходить на улицу с лицом бледной поганки.

Может, не образ моей мечты, зато я попаду на бал. На этот раз в платье, а не в мужском костюме. Буду танцевать, несмотря на то что Чарли наспех обучила меня основам вальса. И мне не будут подсовывать девиц на выданье.

Вечер обещал сказку. Чудес я навидалась, красивых и страшных, а всё равно в груди теплилось сладостное ожидание чего-то невероятного. По-моему, только девочки могут приходить в такой восторг от вида нарядных людей и звуков музыки.

Стив встречал нас в просторном холле. Чуть не проглядел наш приход, так как увлечённо возил карандашом в блокноте. Всё пытался вычислить самый благоприятный вариант для борьбы со злом. Словно уловив мои мысли, Бен велел мне не думать ни о чём плохом.

Не буду. Я хочу получить от этого вечера всё. Пусть Бен сколько угодно говорит, что я не должна к нему привязываться, он ничего не сможет поделать с моими чувствами.

Мы вошли в бальный зал. Нас с Чарли как дам пропустили вперёд, и на несколько мгновений мне стало неуютно от того, что я осталась без мужской поддержки. От ощущения неловкости бросило в жар. Я распахнула веер с изображённым на нём озером с лебедями и тут же сложила. Блин, я, такая бойкая и дерзкая, вдруг стушеввалась. Ой, и слово-то какое на ум пришло. Сту-ше-ва-лась. Наверное, это наряд так на меня подействовал. Какой-то волшебный косплей, реально.

Люди смотрели на меня. Некоторые специально оглядывались. В чём дело? Я разве так плохо выгляжу? Или всем любопытно, кого привели с собой брат и сестра Ханты?

Не пугаться. Держаться уверенно, не переходя в высокомерие. Эх, надо было заранее перед зеркалом порепетировать.

Бена узнавали. К нам подходили, здоровались и спрашивали, что за леди украшает его компанию. Кузина? Может, невеста? Ах, подруга из провинции. С русскими корнями? Дебютантка, какая прелесть! У

меня всякий раз губы складывались в улыбку, когда меня представляли. Барбара Миттенз. Симпатичный псевдоним с учётом того, что Бен действительно долгое время считал, что моё домашнее прозвище напрямую относится к зимней одежде.

И вот настал момент, которого я так долго ждала. Бен пригласил меня на танец.

Глава 22. Египетская сила

«Легенды не умирают. Они лишь уступают место новым, скромно отходя в тень в ожидании, что наш современник, подобно ловцу жемчуга, наконец отыщет их, укрытых пеленой времени».

*Отрывок из книги Стивена Сазерленда
«Избранные эссе и очерки»*

Вспомнить, что надо дышать. Смотреть только на партнёра. Не бояться наступить ему на ногу или себе на подол платья. В корсете я бы сдохла.

В джинсах было бы проще. В них я смелей. Ладно, будем считать, не смелей, а отвязней.

Надеюсь, я со стороны выглядела не очень глупо. По крайней мере, мой музыкальный слух помогал мне двигаться в такт. Ногу сюда, ногу туда.

Вскоре я перестала обращать внимание на мелочи, позволив себе упиваться происходящим. Бен обращается со мной как с принцессой, а не как с захватчиком его тела или наглой пацанкой. Разве это не ожившая мечта? Разве я этого не достойна?

Я должна, просто обязана насладиться моментом на все сто процентов. Потому что второго шанса может не быть. Даже если мы одолеем властолюбивую жрицу богини-кошки, нас могут разлучить вековые предрассудки.

Колкая ревность просыпается, стоит подумать о том, что Бен будет танцевать с какой-нибудь другой девушкой. Возможно, невестой и впоследствии женой.

От Бена не укрылось моё подавленное настроение.

– Варя, что с тобой?

– Ничего, – отмахнулась я. – Просто не могу поверить, что всё это происходит со мной.

– Ни о чём не думай. Слушай музыку.

Прекрасно. Буду порхать, как бабочка, и постигать дзен.

Вовремя расслабилась! С левой ноги слетела туфелька, я почувствовала, как по ней скользнула юбка.

– Блин, – совсем не в тему выдала я.

Бен заметил мой позор и прекратил танец. Попросив меня не волноваться, он отвёл меня к обитым узорчатой тканью стульям, отошёл и вернулся с туфелькой в руках. Музыка как раз стихла, и пары стали расходиться.

Мой первый танец, и я его запорол. Браво, Варя, молодец!

Главное сейчас – не потерять лицо.

– Не переживай, я помогу. – Бен опустился передо мной на одно колено.

Какая милота!

Сдерживая съезжающую до ушей улыбку, я чуть-чуть приподняла юбку и, стараясь сделать это как можно изящней, выгнула ступню. Я Золушка, да ещё какая гламурная. Без грязных лохмотьев, мышей, тыкв и пособников вроде тётенок с бестолковым волшебством до полуночи.

Следующий танец мы пропустили. Я потихоньку приходила в себя от нахлынувших впечатлений и то и дело улыбалась знакомым Бена. Некоторые, чтобы помочь debutантке стать в тусовке своей, приглашали меня на танец. Отказ считался чем-то неприличным, поэтому я отвечала уклончиво и всю изобразила скромную простушку. Нелегко же это! Тут и Бена надо не очернить, и танцую я, мягко говоря, так себе, и вообще не хочу вальсировать с какими-то незнакомыми мужиками.

– Молодые красавицы всегда нарасхват, – поделилась опытом дородная генеральша в пурпурном платье с искусственными цветами. – Вам следовало предупредить об этом вашу прелестную спутницу, мистер Хант. Смотрите, у девочки нет бальной карточки, а ей сейчас так нужны новые знакомства.

– Вы очень добры и внимательны, мэм, – ответил Бен раньше, прежде чем я бы ляпнула глупость. – Ситуация такова, что мисс Миттенз совсем скоро уезжает к матери в Россию и планирует остаться с ней.

Окружающие дамы меня так жалели, будто я босиком отправляюсь в тайгу на смерть в лапах свирепых медведей. В конце

концов они сошлись на том, что мать – это святое, где бы она ни жила. Хоть в русской избушке с тем же медведем.

Танцующие парочки отдельно прикольнули. Многие заметили, как Бен надевал мне на ногу потерянную туфельку, и поэтому среди леди наметилась новая тенденция. На смену оброненным платкам, веерам и самим падающим барышням пришли... Да-да, нетрудно догадаться. Одну такую обезьяну я застала за тем, как она с помощью ножки стула пыталась как бы незаметно вытащить пятку из туфли. Чарли, не забывая прикрываться веером, посмеивалась над желанием других привлечь к себе внимание любой ценой. Бен в шутку предложил ей тоже попробовать, но она в ответ ткнула его сложенным веером в руку и ушла искать Стива. Он где-то застрял, делая пометки в блокноте.

Вдруг Бен коснулся моего плеча.

– Пойдём отсюда.

– Что?

Ему даже отвечать не пришлось, так как визуализация ответа не заставила себя долго ждать. В нашу сторону уверенно шёл Оз.

Что? Госпожа отпустила его побегать без поводка?

– Нет, Бен, мы не будем ни от кого удирать, – сказала я, давая понять, что не сдвинусь с места.

Я не горела желанием общаться в этот вечер с Озом. Просто глупо прятаться от того, кто тебя видит и по-любому достанет.

– Чтобы вам было ясно, мистер Тёрнер, – начала я снисходительным тоном, когда он с лицемерной улыбкой встал напротив нас, – вечер – не добрый, я знаю, что хорошо сегодня выгляжу, и дела у нас хуже некуда. Полагаю, нет смысла продолжать?

Словно забыла, что у него иммунитет на мои выпады.

– Есть ещё одна вещь. Пожалуй, не менее важная, чем всё перечисленное.

– Тебе дали понять, чтобы ты держался от нас подальше, – чуть ли не прорычал Бен.

– Какая музыка. Восхитительно. Надеюсь, ты этот танец никому не обещала? – с этими словами Оз взял меня за руку и потянул к центру зала.

Бен дёрнулся, но всё же не опустился до потасовки. Я мельком увидела бессильный гнев на его лице и в который раз поразила его

сдержанности. Воспитание и природное чувство такта не позволили ему втягивать леди в скандал с руганью и дракой.

Мне бы не только туфли, но и самообладание не растерять.

– Что тебе нужно? – не замедлила я с вопросом.

– У меня будет всего одна просьба.

Вот нахал.

– Допустим, танец в эту самую просьбу не входит, потому что ты не спрашивал моего согласия. Чего тебе надо?

– Варя, – он наклонился ко мне ниже, чем разрешал этикет, – здесь есть люди, которые тебе не безразличны?

Какой замудренный флирт. Нет уж, дорогой, я просто так на это не куплюсь.

– Надеюсь, ты не обидишься, если я скажу, что ты в их число не входишь? – не удержалась я от колкости.

Оз сильнее сжал мою руку. Я чуть не отпрянула, почувствовав опасность.

– Я знаю, что ты боевая малютка, но в тебе помимо дерзости был ещё и ум. Выслушай меня. Если здесь есть те, к кому ты равнодушна, вели им немедленно уйти. Она здесь.

Не продолжай он вести меня в танце, я бы стекла на пол.

Неферпсут здесь? Прямо сейчас? Нет, не может быть...

– Ритуал? – выдохнула я.

– Спаси хотя бы Ханта.

– Что происходит? Здесь опять будет... как в подвале? Не кружи меня, мне что-то нехорошо.

Это не было уловкой или кокетством. Мне в самом деле стало плохо.

Я хотела оказаться рядом с Беном, но Оз отвёл меня слишком далеко от него. Усадил на алый диванчик с витыми ножками, и на этом я отмахнулась от его заботы.

– Оз, что она задумала?

– Я сам почти ничего не знаю. Мне лишь известно, что на сей раз мумиями она не удовлетворится.

– Тогда почему я должна спасти только своих друзей? Почему не всех этих людей?

– Потому что ты не сможешь ей воспрепятствовать.

Рукам в перчатках стало слишком жарко.

– Зачем ты предупредил меня? Тебе же плевать на остальных, особенно на Бена.

– А кто сказал, что я боюсь за него? – усмехнулся Оз. – Потом ты будешь меня упрекать в том, что я всё знал и ничего тебе не сказал. Хотя бы одной проблемой меньше.

Несмотря на то что он старался держаться нагло, я уловила в его голосе смятение.

Скоро случится что-то страшное. Такое, от чего даже Озу не по себе.

И я не знаю, что делать.

– Она идёт, – мрачно предупредил Оз.

В бальном платье Неферпсут была хороша, как фотомодель. Её смуглая кожа подходила к золотому платью, а причёска за счёт длинных чёрных волос выглядела шикарней моей. С её руки на цепочке свешивался веер из белоснежных страусовых перьев.

Я ничуть не сомневалась в том, что наша встреча не простое совпадение.

– Как ты меня нашла? – нетерпеливо обратилась я к ней.

Она сама не спешила выказывать радость.

– Так ты приветствуешь преемницу богини и будущую правительницу Египта?

– Это ещё под вопросом.

Без приглашения она села рядом.

– Ты недооцениваешь мои способности. Найти тебя проще лёгкого. И сегодня же я покину это странное место.

Слова Стива и Оза не давали мне идти у неё на поводу.

– Больше никаких ритуалов. Я не буду тебе помогать.

– Почему? – Неферпсут старательно скрывала раздражение. – Тебе не понравилась твоя сила? Или ты забыла о том, что я дам тебе больше...

– Толку от твоих обещаний, если я исчезну, как только ход истории нарушится.

Несколько длительных секунд мы сверлили друг друга взглядом. Похоже, она не ожидала от девчонки вроде меня подобной дальновидности.

– В чём-то ты права, – медленно, как бы наблюдая за моей реакцией, проговорила жрица. – Твоя оболочка может исчезнуть. Не

пугайся. Я переселю твою Ба в новое тело, в то, которое ты сама выберешь.

Не знаю, что меня больше напрягло, её ложь или перспектива отобрать тело у какой-нибудь египетской девушки.

– Я бы согласилась на твои условия, если бы думала только о себе. Может, тебе тоже следует задуматься? Некоторые ошибки невозможно исправить, так давай же не будем создавать новые.

– Замолчи. Меньше всего я сейчас нуждаюсь в твоих советах. Ты не была на моём месте и не тебе судить о моих поступках.

– И не тебе указывать, как мне поступать, – отбила я и пошла к Бену.

К счастью, мы быстро нашли друг друга. Он видел Неферпсут издали и поэтому еле дослушал меня до конца. Ему не терпелось увести меня и сестру отсюда куда-нибудь в безопасное место.

Я же была в полной растерянности. Неферпсут от меня не отстанет, ей во что бы то ни стало нужно провести магический ритуал. Как бы я ни огрызалась, она получит своё.

Некрасиво перекидывать столь тяжкий груз на чужие плечи, только кто, кроме Стива, способен что-то придумать? Он же весь вечер что-то писал, не рецензию же на Конан Дойля! И Чарли куда-то подевалась, наверное, вдвоём где-нибудь торчат.

Моё предложение разделиться Бен сначала воспринял в штыки, но мне удалось его убедить, что так будет лучше. Он уйдёт из зала, а я подожду на случай, если наши литераторы вернутся.

И это будет иллюзией их безопасности. Я не произнесла этого вслух.

– Ты всё правильно делаешь, – из-за моей спины вышел Оз. – Возьми.

Он протягивал мне окрашенную тёмно-красным лаком скрипку и смычок.

– Она хочет, чтобы ты сыграла, – ответил парень на мой неозвученный вопрос. – Если будешь сопротивляться, она всё равно заставит тебя это сделать. Ей нужно, чтобы жрица сыграла на музыкальном инструменте. Прости, маленькая. Она вынудила меня признаться, что ты умеешь.

Оз не виноват. Виновата я. Когда он предлагал сыграть для меня, я надменно сказала, что этим меня не очаровать, так как сама

музицирую. Вот же ляпнула, «удачно».

– А... А может, я пошутила?

– Тогда мне придётся ответить за твою шутку.

Кругом меня обложили. Что за несправедливость!

А на меня уже смотрели гости. Ни о чём не подозревающий хозяин дома торжественно объявил, что перед следующим танцем их будет развлекать своей игрой одна талантливая, но очень скромная дебютантка.

На их месте я бы лучше поскучала.

Подумать не могла, что моё желание помузицировать примет такую чудовищную форму.

Осыпанная со всех сторон аплодисментами, я встала спиной к оркестру.

Спокойно. Как только замечу, что что-то идёт не так, закрываю балаган на фиг.

В голову, как нарочно, лезли любимые мелодии, однако я запретила себе их играть. Не хватало ещё потом их возненавидеть, если вдруг произойдёт непоправимый косяк.

«Шутка» Баха. В своё время она мне много нервов попортила. Таскали меня с ней по конкурсам и мероприятиям. Единственный плюс – могу воспроизвести на автомате.

В воздухе зазвенела игривая мелодия. Моё сердце забилося так, словно я впервые выступаю на публике. Я дышала через раз.

Ничего не происходило. Многие смотрели на меня и слушали музыку, некоторые, наплевав на чувства юной дебютантки, переговаривались о чём-то своём.

Жаль, не видно Неферпсут. По выражению её лица сразу всё стало бы понятно. Ожидание Армагеддона хуже, чем он сам.

Или это никакой не ритуал? Вдруг Неферпсут всего лишь забавляется, глядя на то, как я выполняю любые её указания? Хочет поставить меня на место. Царица фигова.

Что-то заблестело перед глазами. Какие-то искорки. Будто до этого долго смотрела на яркий свет.

О, нет! Опять золотые песчинки!

Они как будто сыпались мелкой крупой с потолка, но никто не замечал подобных «спецэффектов». Люди ни о чём не подозревали.

Неужели эта субстанция их сожрёт так же, как тех несчастных мумий?! Я не буду в этом участвовать, нет!

Конечно, я не доиграла до конца. Последняя прозвучавшая нота с жалобным писком сорвалась со смычка.

Злостным песчинками не требовалось звуковое сопровождение. Они разрастались всё больше и больше...

Все присутствующие в зале застыли. И это не фигура речи! Они вправду замерли, как статуи. Застыли в воздухе даже перья и накрученные локоны дам.

В ужасе я чуть было не отбросила от себя инструмент. На его нижней деке ярко сияли иероглифы.

Знала же, знала!

– Что ты делаешь?! – воскликнула я с надрывом.

Теперь отыскать египетскую колдунью в толпе было проще лёгкого. Она грациозно шла по бальному залу, как по музею восковых фигур. И везде эти блёстки, блёстки. Прекрасное зрелище и вместе с тем лживое, как картинка в глянцевом журнале или кадр из рекламы дорогого парфюма.

– Почему ты остановилась? – Неферпсут смотрела прямо на меня. – Играй дальше.

– Нет!

– Что?

– Нет!!!

Её Высочеству не понравилось, что на неё кричат.

– Ты будешь делать то, что я приказываю.

– Что ты собираешься сделать с этими людьми? Убить?

– В живых больше энергии, чем в мёртвых, – уклончиво ответила Неферпсут. – Какое тебе до них дело? Да люди их сорта должны быть счастливы оттого, что удостоились чести умереть за богиню.

В этот момент мой взгляд наткнулся на Оза. Такого же застывшего и безмолвного. От злости я выпустила скрипку и смычок из рук.

– И он тоже должен умереть? Он же так тебе нравился!

Высокомерную мину египтянки сменила горькая ухмылка.

– Чем-то ведь приходится жертвовать. К тому же я всё равно не могу забрать его с собой.

Так не доставайся же ты никому, блин.

– Прекращай это всё. Я не буду помогать эгоистке.

Разумом я понимала, что Неферпсут не будет меня слушать, но я не могла сдаться без боя. Не в моём характере безропотно плыть по течению.

Жрица взмахнула руками.

Золотые песчинки размножились в несколько раз и с шелестом накинулись на людей, покрывая их собой, словно перламутровой краской.

Мой крик почти сразу оборвался – меня сбило с ног. Носящиеся вокруг песчинки смягчили падение.

– Ты глупая девчонка, – усиленный голос Неферпсут чуть ли не придавливал к полу. – Ты могла отправиться со мной и стать верховной жрицей нового культа. Тебя ждали почёт, могущество и всевозможные блага, но ты посмела от всего этого отказаться.

Я услышала, как выкрикивают моё имя. С трудом повернувшись на бок, я заметила, что нам навстречу бегут Бен и Стив.

Они всё-таки рискнули сюда вернуться!

– Уходите! – получилось у меня плаксиво.

Золотистый вихрь подхватил парней и отбросил в стену. Те без движения рухнули вниз, как сломанные игрушки.

Мне не дали встать. Неферпсут, стянув с себя перчатку и бросив её на пол, схватила меня за горло. Я не успела дать отпор из-за резкой обжигающей боли, от которой перед глазами поплыли расплывчатые пятна. От нехватки кислорода в груди появилась тяжесть.

– Не хочешь быть моей верховной жрицей – что ж, как знаешь. А как тебе понравится быть моей рабыней?

Только этого мне не хватало.

Сквозь переливающуюся муть я увидела, что египтянка распрямилась и избавилась от второй перчатки.

– Думала, я так просто откажусь от твоего дара? Я не собираюсь больше тратить своё время впустую. Ты мне нужна, пока я не найду новую, более достойную жрицу, – заявила Неферпсут.

Всё ещё чувствуя жгучую боль вокруг шеи, я встала и кинулась к друзьям, но меня схватила золотистая лента, мгновенно опутавшая, как удав жертву.

– Бен! Ты жив? Бен! Стив!..

Рывком меня чуть откинуло назад. Что за фигня! Мной нельзя управлять, я не собака на поводке!

Ребята не двигались. Золотые песчинки оседали на них, превращая в золотые статуи.

От новой резкой боли, которую причинил ошейник, я подавилась криком.

– Ты сама всё себе испортила, – назидательно сказала Неферпсут. – А могла бы вместе со мной наслаждаться триумфом. Но и в этом есть положительный момент – я заберу всю силу себе.

Весь зал окутал золотой вихрь, такой яркий, до боли в глазах. Я зажмурилась, но свет резал сквозь веки. Непрекращающийся шелест превратился в гул, от которого голова стала невыносимо тяжёлой.

Меня зашатало. Замутило. Я вытянула руки и, наткнувшись на что-то твёрдое, с благодарностью на это оперлась. Кое-как разлепила веки.

Стена. С ярким рисунком в стиле древних египтян: жуткая женщина с головой кошки держит на руках зверюшку, похожую на котёнка.

Я коротко выругалась и убрала руки.

Нет, этого не может быть. Нет...

Оглядываясь, я не сразу заметила, что открыла рот от удивления. Передо мной раскинулся интерьер то ли древнего дворца, то ли храма. На стенах фрески с сюжетами, в которые не сразу въедешь, в каменных кадках – живые пальмы. В центре – раскрашенная статуя в виде той же особы с кошачьей головой, лежащая в окружении каменных кошек и котят, как мать большого семейства.

Не испугавшись вторжения, пятнистая кошка стала тереться о мою юбку. В любой другой ситуации я бы наклонилась и потискала дружелюбную кису, но я была раздавлена негативом.

Меня утащили на тысячи лет назад.

Мне уже доказали, что спасение мира доверили не тому человеку.

Бен. Что с ним? Он мёртв?! Я больше никогда его не увижу... И родителей... И Скай... Всех, кого так сильно люблю.

Не успела я подумать о собственной незавидной доле, как меня окликнула Неферпсут:

– Покажи ей своё почтение, дура. Священное животное оказало тебе честь, а ты ею пренебрегаешь.

Нехотя я нагнулась и без восторга потрепала кошку по макушке.

– Цени мою доброту к тебе. – На самом деле в голосе царевны не было ничего похожего на проявление доброты. – Если бы не твой дар, ты бы сейчас не оскорбляла своим присутствием мой храм. Я ненавижу тех, кто меня разочаровывает.

– Ты всё уничтожила... всех...

– Не уничтожила. Исправила.

Золотистое свечение коснулось её платья, и оно в несколько секунд изменило покррой, более соответствующий эпохе и месту. Велев мне следовать за ней, она покинула помещение. Не находя себе места от ярости, я смотрела ей в спину, мечтая схватить её за волосы и со всей дури долбануть башкой об колонну или об какую-нибудь крепкую статую.

А злить её нельзя. Если она избавится от меня раньше, чем планировала, я точно не успею ничего придумать.

Слабое утешение. Стив, такой умный и начитанный, а всё же не успел предотвратить катастрофу, которую сам предсказал. Что уж обо мне говорить.

Я сбавила шаг. Две львицы, ранее мирно дремавшие, встали и ленивыми шагами приблизились к жрице кошачьей богини. Неферпсут погладила обеих, сказала им что-то ласковое на древнеегипетском и пошла дальше. К счастью, мне в этот раз не предложили засвидетельствовать своё почтение крупным кошкам.

– Куда мы идём?

– Туда, откуда всё началось. Хочу увидеть своего убийцу и покарать его.

Я поморщилась, едва представив, как будет верещать от боли и молить о пощаде несчастный. Вряд ли месть убитой царевны свершится быстро и без мучений.

Святылище поражало размерами. Статуи Бастет были выше человеческого роста в несколько раз и то не доставали кончиками кошачьих ушей до потолка. И повсюду непонятные рисунки и письмена.

Застоявшийся запах благовоний. Треск огня в светильниках. Как ненужное напоминание о том, что всё по-настоящему.

Неферпсут отошла в дальний угол и устроилась в нише за одной из статуй, на плоской подушке. Мне же велели сесть у ног.

Она чего-то ждала.

От бесконечно долгого сидения на полу у меня стало затекать тело. Каждое мое движение своенравная царевна встречала неодобрительными комментариями, а то и вовсе тычками ноги в спину.

Как бы не привыкнуть к такой собачьей жизни.

Спустя где-то час в святилище появилась верховная жрица в торжественном облачении – Неферпсут. Несмотря на то что ритуал не предусматривал наличие зрителей, девушка со всей ответственностью зажигала свечи и благовония и разговаривала с изображением богини – уже знакомой чёрной статуэткой, расположенной на почётном месте в окружении подношений свежего, только что налитого в мисочку молока и нескольких мышинных трупиков.

В какой-то момент верховная жрица опустилась на колени. Её глаза замерцали золотом.

Богиня делилась знаниями со своей почитательницей.

В святилище вошёл смуглый парень с короткими чёрными волосами, одетый в белоснежную тунику. У него было много украшений, как у женщины. Серьги, браслеты, даже ожерелье. Наверное, один из жрецов.

Я слышала, как беспокойно задышала та, которая возомнила себя моей хозяйкой. Подняв на неё глаза, заметила её счастливую и от того немного глупую улыбку.

– Себек, – с нежностью сорвалось с её губ.

Так вот она какая, любовь всей жизни. Любовь, ради которой не жаль уничтожить чужое счастье. Меня душили злые слёзы.

Из-за неё я потеряла семью. Моего Бенни. Всё.

Бенни.

По щеке побежала первая слеза.

Завыть в голос от своей беспомощности мне помешало разыгравшееся представление. Себек погладил любимую по волосам и плечам. Как мило...

Нет!

Он это сделал, только чтобы убедиться, что верховная жрица в трансе! Он повалил её на спину и стал душить!

Чуть не наступив на меня, Неферпсут соскочила с насиженного места. Открывая и закрывая рот, как выброшенная на сушу рыба, она растерянно смотрела то на сцену убийства, то на меня. Особенно на меня. Искала поддержки?

Она что-то говорила на родном языке, по её лицу текли чёрные от туши слёзы. От изумления я аж на пару мгновений забыла о своих печалях. Эта тварь что-то чувствует?!

Не видя смысла молча сидеть в углу и страдать, Неферпсут вышла на свет и обратилась к Себеку. Тот как-то по-детски вздрогнул, с недоверием посмотрел на только что убитую им девушку, потом снова на Неферпсут.

Обиженная предательством женщина кричала на любовника недолго. Она быстро преобразилась в чёрное кошкоглавое чудовище и мощным ударом когтистой руки пробила Себеку грудную клетку.

Задрав, я отвернулась и съёжилась. От сковывающего страха даже забыла заплакать.

Я осмелилась выйти из убежища лишь тогда, когда услышала безудержные рыдания. Её высочество стояла на коленях перед окровавленным жрецом, совсем рядом с собственным трупом, и ревела белугой. Словно не веря в произошедшее, она брала Себека за руку, целовала её.

Меня тоже ранило предательство Оза, и я также не смогла в одночасье возненавидеть его. Я знала, как это всё тяжело пережить. Только мне не было жаль Неферпсут. Обида и гнев вытеснили из моего сердца жалость к той, которая не видела ничего дальше своего эгоизма.

Дым из чанов для благовоний потемнел, сгустился, и в святилище появилась фигура размером почти со статую Бастет. Её очертания прояснились, и я онемела от паники.

Это была не богиня Бастет собственной персоной. Существо было страшно похоже на Анубиса, бога смерти с длинной шакальей мордой!

Неферпсут тоже заметила странного гостя, но не показала страха. Или вовсе не испугалась. Неожиданно перестав плакать, наклонилась к Себеку и поцеловала его в приоткрытые, покрытые засыхающей кровью губы. Божество направило на них исполинскую ладонь, и бывшие любовники в мгновение ока исчезли. Одиноко осталось лежать тело задушенной жрицы.

Всё произошло так быстро и без спецэффектов, что я ещё больше растерялась. Я не знала, что делать, боялась закрыть глаза, потому что думала, что больше их не открою. Однако Анубис или кто-то,

имеющий такой же облик, не удостоил меня взглядом и испарился. Дымок благовоний тут же посветлел и поутих.

По шее скользнул приятный холодок. Я сняла перчатку, провела рукой по месту, где располагался ошейник, но так и не поняла, пропал он или нет.

Неважно. Я свободна. Свободна! Мне бы только перенестись обратно. Может, я успею спасти Бена и Стива?

Воодушевлённая и полная надежд, я велела себе переместиться в будущее.

Опять храм. Но уже с потрескавшимися фресками и полустёртой краской на статуях.

Снова этот храм. Половины статуй уже нет, часть рисунков кем-то уничтожена.

Третья попытка далась мне нелегко. После многоминутного повторения мантры «Мне надо в будущее» я очутилась в пустыне.

На руинах храма Бастет.

Я видела, как группа блестящих от пота рабочих в набедренных повязках долбили камень и грузили добычу на сооружение вроде саней.

Древние боги уже забыты или у этих людей просто нет совести? Какой это год? Ладно, век? Я хотя бы в нашей эре или нет?

Туфли увязали в раскалённом песке. Подобрал юбку, я отошла, чтобы меня никто не нашёл, и спряталась за колонной. Это нечестно, твою мать, нечестно! У меня нет столько сил, я не могу разом перемахнуть в нужную эпоху. Сколько времени мне предстоит скакать из столетия в столетие? А как же мне ещё оказаться в Англии?

И я здесь совсем одна. Рядом нет никого, кто меня знает и может помочь.

– Мррряу.

С обломка стены ко мне прыгнула чёрная кошка в пёстром ошейнике. Продолжая мурлыкать, она подошла ко мне и потёрлась головой о моё бедро.

– Котичка, – я взяла животинку на руки, – может, ты меня пожалеешь?

– Мряу, мряу, – запела кошка.

Она потянулась ко мне мордочкой и шершавым языком стёрла со щеки новые слёзы.

Животные лучшие утешители. Они не говорят ничего выбешивающего или грустного, просто жалеют и всё.

Глаза кошки засияли золотым светом.

Что?! Опять подстава?!

Меня оглушили аплодисменты.

Я стояла в бальном зале, в одной руке скрипка, в другой – смычок.

Мимолётного взгляда на подол хватило, чтобы понять, что на нём нет песка.

Все живы... Ничего как будто не случилось.

Окончательно я поверила в чудо, оказавшись в объятиях Бена. А потом ещё в объятиях Чарли.

Стив по-хозяйски отвёл нас в малую гостиную, где я, попивая горячий чаёк, рассказала обо всём, что случилось во время моего выступления и что стало с Неферпсут. Реально, меня потряхивало от некоторых воспоминаний, но осознание того, что конец Старого и Нового Света отменяется, компенсировало моё состояние.

Всё хорошо. Всё почти прекрасно. Я вернусь домой, к маме, и буду навещать Бена и остальных. Жизнь наладится...

Стив с Чарли ушли танцевать, а мы с Беном остались вдвоём.

– Варя, ты не будешь против? – негромко, как будто готовя сговор, спросил он.

– Против чего?

Бен придвинулся ко мне и честно предупредил:

– Поцелуй. Хотя бы один.

Что? Он сам предложил мне такое?

Я почти счастлива!

– Но если ты подумаешь, что это тебя к чему-либо обяжет...

– Нет, – перебила я своего джентльмена. – Не обяжет. Я просто буду хранить его в памяти, как драгоценность в шкатулке.

Наши губы так близко. Скорее бы ощутить их вкус...

– Мам!

Мы с Беном отпрянули друг от друга, как перепуганные школьники.

– Пап!

На нас смотрела высокая девчонка лет пятнадцати и с умилением прижимала кулачки к груди. Её длинные русые волосы на зависть мне

струились до пояса. Свободная кофточка оверсайз не скрывала, что грудь у неё побольше моей.

– Вы такие лапочки! – она тихонько пискнула и зажала себе рот руками.

Офигев, мы переглянулись.

– Это что... наше? – удивилась я.

– Мама, пап, пока вы молодые, ну скажите, что татуировка мне пойдёт, – затараторила девчонка уже на английском. – У мамы есть чёрный браслет в виде надписи с Кольца всевластья, а мне почему нельзя?

О, я всё-таки сделала это. Точнее, сделаю.

Новоявленная дочка плюхнулась на диван рядом с Беном и прижалась к нему. Сразу стало видно, кто в доме хозяин. Я.

– Правда, я ещё не решила, что наколоть. Бабочку на запястье или дракончика на лодыжке? Дядя Джон предлагает якорь, а дядя Стив предлагает мудрую мысль на латыни, но я же не смогу всем подряд её переводить.

Дядя Стив?!

– Так, котёнок. Давай поступим следующим образом, – заговорила я, припоминая подобный разговор из своего отрочества. – Тебе стукнет восемнадцать, ты заработаешь денежку и наколешь то, о чём впоследствии не будешь жалеть.

Мамины слова. Почти точь-в-точь.

Девочка поканючила, повздыхала и отправилась в светлое будущее.

Четыре года спустя.

Скай вертела в руках приглашение на свадьбу.

– То есть ты станешь миссис Бенджамин Хант? Жесть! Типа мистер Бенджамин Хант и его баба.

– Алин, завидуй молча, – парировала я шутливым тоном.

Пока мы смотрели фотки с выпускного, пришла эсэмэска: мой заказ из интернет-магазина уже прибыл в пункт самовывоза.

– И как его родители с этим смирились? – не унималась Скай.

– С чем? Что дочь стала писателем или что сын женится на мне?

– Вообще-то я имела в виду второе. А что, книжка пришла?

– Да. Пойдём со мной, заберём?

Через полчаса книга уже была в моих руках. «Чарли Хант и Стивен Сазерленд. Лондон – столица Египта». Задняя сторона обложки пестрела всевозможной информацией: «Впервые на русском языке!», «Первая совместная работа известной готической писательницы и её супруга...», «Потрясающая изысканность XIX века и смелость взглядов. Стивен Кинг».

Но мне придётся пока радоваться без Чарли.

Пусть они со Стивом сначала эту книгу напишут.

notes

Примечания

1

Уличные воров Викторианской эпохи уважали удавку, потому что жертва, к которой подкрадывались сзади, не могла дать отпор и под страхом удушения легко расставалась с ценностями. А что касается индивидуальных странностей преступника, то сумасшедших и эксцентричных экземпляров хватало. Некоторые даже попадали в криминальную хронику.

Самой лакомой добычей карманника были часы. От денег, разумеется, тоже не отказывались. Но и платки были в почёте, потому что их было легко продать старьевщикам. Инициалы бывших владельцев и прочие вышитые метки спарывались.

Доктор Слайм действительно не мог знать этого слова. Термин «аллергия» появился в науке благодаря австрийскому педиатру и иммунологу Клеменсу Пирке только в 1906 году.

В рамках борьбы с детской проституцией в 1885 году парламент поднял возраст согласия до 16 лет.